

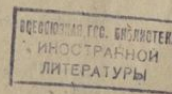
АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

КС 201
А 47

В. М. АЛЕКСЕЕВ

КИТАЙСКАЯ
ИЕРОГЛИФИЧЕСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ
И ЕЕ
ЛАТИНИЗАЦИЯ

27303

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД • 1932

Handwritten initials

Handwritten initials

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
5 января 1932 г.

Непременный секретарь академик *В. Волин*

* U 1 0 0 4 1 6 5 6 9 *

Технический редактор Л. С. Ляпунов а.
Ученый корректор Г. И. Кузнецова.

Сдано в набор в августе 1931 г.—Подписано к печати 5 января 1932 г.

Тит. л. + 2 нен. + 178 стр. — 14 фиг. — А₅ — 11⁵/₈ печ. л. — 29000 печ. зн.
Тираж 3000

Ленгорлит № 25055. — АНИ № 14 — Заказ № 1058.
Типография Академии Наук СССР, В. О., 9 линия, 12

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	1
A. Устой иероглифики	4—56
I. Общественное мнение о „китайской грамоте“	4
II. Китаисты о „китайской грамоте“	5
III. „Китайская грамота“ для самих китайцев	7
IV. Иероглифика и живая речь	12
V. Иероглифика и диалекты	17
VI. Иероглиф в Новом Китае и в революции	18
VII. Алфавиты в Китае	23
VIII. Иероглиф против буквы	25
IX. Иероглиф во имя иероглифического языка	34
X. Язык формул и язык-формула	36
XI. Язык культуры	39
XII. Иероглифика европейская	42
XIII. Доводы против латинизации и их критика	47
B. Начала латинизации	57—94
XIV. Падение иероглифики	57
XV. Картина будущего латинизации	60
XVI. Сферы латинизации	67
XVII. Алфавит	68
XVIII. Написание и правописание	71
XIX. Правила китайской латинизированной орфографии (Прект)	74
a. Общая установка	74
b. Написание слова	75
c. Написание тонов	79
d. Вопросы внешности	81
e. Знаки препинания	82
XX. Предшественники по латинизационной работе	84
XXI. Работы комиссии латинизаторов АН СССР	89
XXII. Заключение	93
Послесловие	95
Примечания	96

ПРЕДИСЛОВИЕ

Состоящая при Китайском кабинете Института востоковедения Академии Наук СССР и мною руководимая Комиссия по латинизации китайской письменности закончила свои основные работы к 1 января 1931 года. В результате их была составлена особая коллективная записка уже печатающаяся и заключающая в себе: основные положения о китайской латинизации, алфавит с инструкцией, правила орфографии и учебные тексты.¹ Мне казалось необходимым вынести наше дело за пределы специалистов-коллег по Китайскому кабинету, и 31 января 1931 г. в заседании Отделения общественных наук я сделал сообщение, заглавие которого и тезисы считаю полезным воспроизвести здесь же, как руководящие всем дальнейшим изложением:

ЛАТИНИЗАЦИЯ КИТАЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ, КАК ЗАДАЧА, ПОСТАВЛЕННАЯ И РЕШЕННАЯ В АКАДЕМИИ НАУК

- I. 1) Иероглифическое письмо вообще не представляется общественному мнению народов, не пишущих иероглифами, способствующим прогрессу современной цивилизации и культуры.
- 2) Но в Китае оно всегда сопротивлялось всяким другим системам письма.
- 3) Происходящие ныне в Китае политические события вероятнее всего определят также и исход борьбы иероглифики с «национальным» (языком и алфавитом, а равно и с латиницей).
- 4) Доводы за латиницу и против иероглифики имеют главным образом политическую установку.
- II. 5) При этом надо отличать латинизацию языкового (слышимого) материала от латинизации иероглифического языка, и,

¹ Все это — особо от излагаемого ниже.

- 6) так как вопрос о границе слова вне иероглифики является вопросом исключительной важности и трудности, то
- 7) латинизованная китайская орфография не может не возбудить и научного внимания.
- 8) Таким образом, деятельность Комиссии по латинизации китайской письменности при Институте востоковедения, при вышеуказанной двойной установке, может считаться достаточно новой и важной.

Далее, в своей статье в Вестнике Академии Наук (1931 г., № 4) я весьма кратко установил общие «Предпосылки к латинизации китайской письменности», и в настоящей книжке думал ограничиться изложением моего доклада в Академии.

Однако первые же страницы убедили меня в том, что как ни просто содержание моих тезисов и плана изложения, академическое издание должно рассчитывать на всестороннее освещение этой, в сущности очень сложной, исторической проблемы. Соединить простое со сложным мне казалось удобнее всего в научно-популярном очерке, рассчитанном, с одной стороны, на читавших и размышлявших об этом предмете с научным вниманием и с научною оценкою вещей, с другой же — на читателей, к рассмотрению этой проблемы недостаточно подготовленных. Эти читатели увидят сами, что в своем изложении я старался не пропустить ни одного пункта без деталей, аргументов и всяческого освещения, так что книжка приняла привычный для меня характер вводного курса, рассчитанного как на читателя постороннего, так и на такого, который будет изучать китайский язык, и, наконец, на читателя-китаиста, примыкающего или желающего примкнуть к нашему латинизаторскому делу. Имея в виду эти группы читателей, я счел за лучшее построить книгу так, чтобы основной текст был обособлен от примечаний, которые рассчитаны на особо любознательных читателей, и в то же время не заслоняют текста, имеющего свое самостоятельное течение. Этим путем я думал удовлетворить быстрому охвату всего содержания, требуемому

общим читателем. Однако, для большей ясности моих положений и возможности их проверки китайцами я должен был снабдить транскрипцию иероглифами и иероглифику — транскрипцией. Кроме того, в этих же целях мне казалось полезным развить наглядные иллюстрации на предметах моих коллекций и из других источников.

В таком виде, я думаю, книжка может удовлетворить своей цели, то есть дать всесторонне и объективно взвешенные аргументы за иероглифику и за латинизацию, при общей задаче представить дело латинизации ясным и исторически своевременным. Объем этого издания и без того уже превысил все допустимые Издательством Академии Наук нормы, так что мне нет надобности предупреждать о неполноте этого «вводного курса», который написан только на одну тему и не имеет в виду основательного изложения предмета, — в частности, учения о иероглифике — тем более, что книжка эта имеет лишь временный характер, и, с движением и развитием латинизации, я или мои преемники найдем в себе силы переоценить создающиеся установки и написать по этому новому, начинающему свою историю предмету также новое и за историей идущее.

В. Алексеев

Ленинград
8 мая 1931 г.

А. УСТОИ ИЕРОГЛИФИКИ

1. ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ О «КИТАЙСКОЙ ГРАМОТЕ»

Когда изучающему китайский язык приходится говорить в обществе людей, не имеющих об этом языке понятия, и отвечать на вопросы, исходящие из обычного представления о так называемой «китайской грамоте», то, узнав, например, что в китайском языке нет буквенного письма, что в нем нет ничего подобного даже элементарному английскому спряжению, что склонение имен в нем также элементарнее элементарного; а главное, что и то и другое может полностью отсутствовать, — слушающий, быстро перейдя границу привычных пониманий и искренне удивляясь дарованиям и труду такого Китаиста, восклицает: Как вы можете такой язык изучать? (ударение на «как») — т. е. удивляюсь вашей энергии и проч. Когда же словоохотливый Китаист распространится и далее, на счет, например, фраз без пунктуации и без морфологических признаков, иероглифов, имеющих несовместимые и противоречивые значения (1),¹ не говоря уже о великом множестве условно-созвучных иероглифов (2), то возглас похвального изумления сменяется прямо противоположным: — Как вы можете все это изучать? (с ударением на «можете», в смысле узости кругозора, неразборчивости и т. д.). Китаиста спросят далее: Почему же китайцы, — народ, засвидетельствовав-

¹ Напоминаю, что все примечания: примеры, объяснения, цитаты и т. д. выделены во вторую часть книги. Иллюстрации помечены жирной цифрой при цифре примечаний.

ший свою культуру ранее всех современных народов, — не выдумали алфавитной письменности, а изолировали себя от прочего мира «китайской стеной» и «китайскою грамотой»? Как они ею не тяготятся, — особенно теперь, в то самое время, как европейский прогресс делает в их же стране столь гигантские шаги по всем направлениям человеческой деятельности?

Подобное общественное мнение здравомыслящих людей, превращая, по обыкновению, непонятное явление в курьез, вне которого и выше которого оно невольно себя ставит, имеет, однако, не только некоторое основание, но и историю.

II. КИТАИСТЫ О «КИТАЙСКОЙ ГРАМОТЕ»

Иностранцы, когда либо приходившие в соприкосновение с китайцами, всегда поражались «китайскою грамотой», однако не понимали, как можно ею овладеть, но далее реагировали на нее каждый по разному: одни (хунни, тогбаки, сяньби и др.) без дальнейших разговоров, и за неимением своей письменности, ей подчинялись и старались ею овладеть наравне с китайцами; другие делали попытки, имитируя ее по своему, от нее всетаки заслониться (кидани, джурчжэни, тангуты); третьи старались победить ее своим особенным и вовсе отличным от нее письмом, сражаясь и с китайским языком и с «грамотой» (монголы-юани); четвертые, наученные опытами предшественников, изучая китайцев и их письмо так же усердно, как и они сами, старались усвоить их «грамоту» (книжную культуру) путем массовых переводов, основанных на массовом же заимствовании непереводаемого элемента (маньчжур); и, наконец, последние, европейцы, унаследовав от монголов и маньчжуров буквенные замещения иероглифов (транскрипцию, романизацию, латинизацию), а от маньчжуров и массовые переводы на свои языки, резко обособили себя от китайской культуры вообще, и книжной в частности, оставив

ее в состоянии «китайской грамоты» за «китайскою стеной». Они считали «грамоту» принципиально чуждой их духу и пониманию, недостижимой и не подлежащей достижению. Как люди практические, желающие овладеть Китаем коммерческими и всякими другими путями, они прибегли к услугам только что создававших свой монументальный переводческий фонд маньчжуров и изучали Китай с его книжностью сквозь ясные, простые и точные маньчжурские переводы (3, 1).¹

Болзнь «китайской грамоты», начиная с иероглифики, постоянно соединялась с неким к ней презрением, отражение которого можно видеть полностью существующим доселе в так наз. «общественном мнении здравомыслящих людей», изложенном выше и понятном, как недостаток людей, дела не знающих. Гораздо любопытнее встретить воинствующие тирады в речах первоклассных Китаистов, которые, казалось бы, с высоты кафедры должны были учить своих последователей не превращать, подобно обывателям, непонятное в пугало, а наоборот, разрушая химерическую причудливость неожиданных форм, доказывать единственную научную истину о всечеловеческом единстве, которое обнаруживается, правда, в «китайской грамоте» гораздо позже, чем в других, но всетаки обнаруживается, и не может не быть обнаружено. Я цитирую одно место из предисловия к китайско-русскому словарю профессора (впоследствии академика) В. П. Васильева,² где он, среди прочих выпадов против китайцев, изобретателей «китайской грамоты», пишет: «В Китае и Европе существуют во сто раз, быть может, более обширные (чем этот) лексиконы, с лучшим определением значений, с большим количе-

¹ Жирной цифрой отмечены рисунки, помещенные в примечаниях.

² Графическая система китайских иероглифов. Опыт первого китайско-русского словаря. Составлен для руководства студентов профессором С.-Петербургского Университета Васильевым. С.-Петербург. 1867 г. Стр. XVI—456.

ством фраз, с большим числом самых иероглифов; но если они будут и еще более совершенны, то всетаки европейцу никогда не будет возможности выучиться основательно: за китайцем же останется тот вековечный труд, который он до сих пор употребляет на изучение своего родного языка. Китайцы, кажется, только и думают, как бы затруднить для самих себя изучение своего языка, для того, чтобы было, чем пощеголять... Зачем же европейцам, хотя бы и 200 лет с тех пор, как они серьезно занимаются языком, идти на помочах бывшего, — но не в настоящее время, мудреным народа?!»

Этот вопль против причуд китайской иероглифики, не имеющий никакого отношения к ее научной оценке, а тем более к ее «серьезному» изучению, характернее многих прочих. Заметим еще, что покойный китаист и впоследствии всю свою жизнь старательно подчеркивал доктрину: «китайское для самих китайцев», исходящую из его наблюдений якобы причудливой их письменности и даже всей литературы (4).

III. «КИТАЙСКАЯ ГРАМОТА» ДЛЯ САМИХ КИТАЙЦЕВ

Тем не менее, китайская иероглифическая письменность, всетаки, остается труднейшею из всех известных, и сами китайцы, не имея, конечно, к ней большего и лучшего предрасположения, чем не-китайцы (5), были ею терроризованы, страдали от нее, — каждый учащийся и весь народ, — и это на всем протяжении китайской истории, — истории жесточайшего процента человеческой безграмотности.

В самом деле, даже простое техническое одоление 7—10 тысяч раз (но, конечно, не без системы) пишущихся письменных знаков (иероглифов), не говоря уже об их книжном, литературном укладе, который, как известно, во всех языках вызывает к жизни сложные (по точности, колоритности и т. д.) значения

Далее, — если теперь мы обратимся от технического, только-только понятного китайского написания к правописанию и к твердой орфографии, то препятствия к овладению ею были едва ли не сложнее еще. Можно сказать без преувеличения, что, если русская (Гротовская) орфография требовала не менее 6, а то и 10 лет систематического школьного обучения, то в Китае этот процесс занимал, повидимому, не менее 16—20 лет, причем далеко не всегда заканчивался успехом, а очень часто даже приводил к крушению всей карьеры. Можно также смело утверждать, что среди европейцев, даже хорошо читающих китайский текст, абсолютно точная и без справок китайская иероглифическая орфография, если и существует, то только как большая и исключительная редкость.

Какие же эти особые орфографические трудности? В прошлом едва ли не первую из них было чрезвычайно сосредоточенное внимание к заведомой правильности написания знаков, входивших в собственные имена как царствовавшего в это время императора, так и его предшественников по линии данной династии, включая сюда же и имена императриц (11). Принимая во внимание, что иероглифы, сюда входившие, были весьма часто самыми употребительными (12), и что, кроме того, они входили, как части в целое, в другие, еще более сложные (13), и не говоря уже об обязательных их замещениях, регулируемых с неумолимой точностью (14), — можно себе представить, как настоятельно должен был быть учившийся в старом Китае, особенно, если знать при этом, что за малейшую ослушность в данном отношении учащийся не только изгонялся с позором из экзаменационной сессии, но и подвергался преследованию за оскорбление величества. Неудивительно, поэтому, что китайские учебники орфографии старого типа начинали свои террористические параграфы с этих именно правил о табу императорских имен (15).

слов и их ассоциаций (6), — есть процесс, способный терроризовать любого учащегося, и им, прежде всего прочего, следует объяснить ту ужасающую китайскую безграмотность, которая получалась не только от неприступности к нему вовсе, но и от огромного, нигде в мире неслыханного процента отсеивающихся неудачников как в самом начале учебы; так и — для очень многих — в течение десятков лет, и даже целой жизни (7).

К этому общему определению нужно прибавить, особенно по сравнению с алфавитными письменностями еще очень многое. Во-первых, отсутствие алфавитных элементов (букв), которые, будучи даже далеко не в полном своем комплекте, дают возможность читать и писать. Отсюда — полная невозможность построить прогрессивный учебник письменности на общепринятых аналитических основаниях. Язык (чтение) вел к овладению им исключительно синтетическим путем, именно путем целостного заучивания первоклассных (за исключением, может быть, самого первого) текстов, а эта система (если только ее можно назвать системой) не знала педагогических приемов от легкого к трудному. В самом деле, с одной стороны, простейшие по чертам иероглифы отнюдь не являются ни нужнейшими, ни наиболее встречаемыми (8); с другой — наиболее нужными являются как раз самые громоздкие и сложные (9). Таким образом, не располагая элементами самостоятельного построения смысловых единиц и их дальнейших сочетаний по алфавитному типу (т. е. не владея текстом), китаец или осиливал бесконечную учебу, — и тогда получал законченное образование; или же сидел всю жизнь на его развалинах, кое-что, правда, зная, но не будучи в состоянии, без организованной помощи, своему незнанию помочь (10). Участь таких полуграмотных людей в Китае была гораздо хуже, например, равных им в России, где принцип «все или ничего» не был никогда так жестоко проводим, как в Китае.

Далее, в этих учебниках шел длинный перечень знаков, весьма схожих по начертанию, — особенно в небрежном или неясном почерке, — но чрезвычайно отдаленных друг от друга по значениям (16). В орфографии, требуемой от экзаменуемого в государственных комиссиях, не должно было быть места никакой двусмысленности.

Следующими скорпионами орфографии были так называемые «грубые знаки», т. е. иероглифы малограмотных, небрежно упрощающие сложное начертание (17), а, главное, замещающие стандартные прописные иероглифы другими, или целиком или частями. Одна такая ошибка была караема удалением с экзаменов.

Почерк, при всем этом, должен был быть уставно-образцовым, без права на индивидуальные стилизации, каллиграфические приемы и отклонения, не говоря уже о каких-либо небрежностях (18, 2—3). Однако, этим требованием далеко не исчерпывались дальнейшие, особенно вне экзаменационной официальной сессии. Каждый уважавший себя и требовавший уважения к себе ученый литератор (а таковыми считались и были все, закончившие два, а тем более, три государственных экзамена) должен был, кроме стандартного, прописного почерка (кай), владеть еще рядом других, как, например, — и прежде всего, — скорописью (цао), имеющей характер, далеко выходящий за пределы общеупотребительных, небрежных лигатур, сокращений, смещений и проч., как у европейцев, — а чаще всего, даже возводимую в особый каллиграфический культ, который подтвержден, кроме всем известного по сей день обычной, еще историческими свидетельствами, в виде врезанных в плиты надписей, натерки с которых украшают все коллекции китайских каллиграфов и иностранных ценителей этого высокого искусства (19, 4—5).

Не менее обязательны были для интеллигента-литератора и древние почерки (чжуань, ли), которыми он резал свое имя и свои

бесконечные литературные, «отдельные девизы — прозвания» (хао, бе хао), а главное, читал такие же надписи у других: на их письмах, книгах (экслибрис), документах, прописях, картинах и т. д. (20, 6—7), что в общем требовало, как и «скоропись», наново перелипованного (чаще всего, — до полной неузнаваемости) всего иероглифического состава.

Весь этот каллиграфический ассортимент значительно осложнялся мнемоническими дифференциациями. Нужно было отчетливо помнить, прежде всего, чтение (или чтения) иероглифа на своем родном диалекте, с которого, конечно, начиналось вообще всякое учение. Далее, в виду того, что служило-чиновничье сословие, вербовавшееся из прошедших на экзамене (или купивших себе первую ученую степень и право на службу), по условиям службы, должно было странствовать по всему многодиалектному Китаю, — что было бы невозможно делать, исходя из средств общения, даваемых одним только родным диалектом, — в виду этого каждый из чиновников обязан был знать (более или менее хорошо) некоторый койнэ, общераспространенный (особенно в фонетическом компромиссе), так называемый «мандаринский» диалект (напр., пекинский). Следовательно, все знаки, заучивавшиеся сначала на родном диалекте, требовалось переучить на этом «общем» (21).

Как сказано выше, каждый из экзаменовавшихся был литератор, и при этом — обязательно умелый стихотворец, ибо в состав экзамена входили суровые правила искусственного стихосложения, одоление которых создавало едва ли не наибольшую из всех трудностей (22). Из них сложнейшею являлось запоминание рифмы, которая, не имея почти никакого значения в звуках родного диалекта, требовала, опять таки, переоценки наново всего иероглифического багажа, укладываемого теперь в условные схемы рифмического словаря, который отражал в себе менее

всего данный диалект, и был основан более всего на схеме древне-исторической (23). Как бы это ни было выигрышно с научной точки зрения, трудности, сопряженные с этим, были, повторяю, огромны, и «многи на нем силу потеряли».

Не останавливаясь теперь на дальнейших, чисто литературных ухищрениях иероглифики, требующей еще знания синонимов и антонимов (24), а главное, исторической и историко-критической, эстетологической и т. д. оценки, нужно в заключение этой первой речи о иероглифике спросить себя: как можно было человеческими усилиями одолеть это шестигранное (и более) преломление иероглифического комплекта, — исходя, особенно, из того факта, что одоление это свидетельствовалось ежегодно (или периодически — для высших степеней) в многотысячных дипломах? — Ответ: «не боги горшки обжигают», и усердному человеку, да еще на протяжении долгих лет, доступны любые подвиги. Но, конечно, процентный отсев был чудовищный, нигде в мире вероятно небывалый, и, как правило, подобное одоление было под силу лишь устойчиво состоятельным людям, имевшим возможность исключить учащегося из полезной домашней силы на долгие годы. Таким образом, не будучи классовым официально (к экзамену допускались, за немногими, скорее странными чем общирными исключениями, все), фактически отбор был именно классовым. Иероглифика, как внешний комплект, его создавала прежде всего прочего, а ее китайцы и чтли (25, 8) и боялись. Таким образом, репутация «китайской грамоты», в первую очередь понимаемой, как иероглифический комплект, была установлена задолго до европейцев (или других иностранцев) самими же китайцами (26).

IV. ИЕРОГЛИФИКА И ЖИВАЯ РЕЧЬ

Из предыдущего изложения уже ясно, что иероглифика находится в каком-то особом отношении к живой речи и, может

быть, на первый раз эти соотношения удобно сравнить например с английскими, где, как известно, последовательно-слуховые восприятия не параллельны мыслимо-зрительным. Действительно, как в английском языке (и других), и в китайской живой речи, ничем не специализированной (27), участвует лишь небольшая часть слов, зафиксированных в общем словаре данной эпохи. Но так как для китайских иероглифов эта современная эпоха значительно разнится от эпохи, скажем, английской речи, хотя бы по составу слов [особенно с их функциональной стороны (28)], то процент иероглифов, участвующих в орфографии живой китайской речи, еще ниже соответствующего процента (слов) в английской и другой европейской речи (29). Можно считать, что он вряд ли заходит за пределы 10% для словаря эпохи (30), и 2% для общеиероглифического комплекта (31). Ненужные для живой речи иероглифы были чрезвычайно пужны для книжного языка, ищущего, как и везде в мире, точности, образности и изысканности. Только в отличие от других языков, — особенно тех, что не имели классического в собственном смысле этого слова периода (32), — китайский книжный, кастово-изысканный (33) язык определенно избегал иероглифов, участвующих в орфографии чисто-разговорной речи, и создавал, таким образом, для себя как бы особую атмосферу, которую я называю иероглифическим языком, и о котором будет речь далее. Пока мне важно лишь установить взаимоотношения китайской живой речи и иероглифического письма, покоящиеся на вечном и тенденциозном несовпадении слухового и зрительного ее элементов (34). Это несовпадение привело к курьезной для незнакомых с китайским языком, как почти неизвестной в других языках (35), практике описания иероглифа на слух при помощи комбинаций его с другими (36), а на письме при помощи двух или трех других (37).

Это внешнее несовпадение осложняется также дальнейшим, внутренним несовпадением иероглифа со словом, при котором иероглиф соответствует только одному слогу, тогда как слово может быть и неодносложным, как например, одно слово уца (комната) состоит из двух иероглифов-слов, оставаясь одним словом. Это несоответствие существует и в литературном языке, — но особенно ярко, конечно, в речи разговорной, процесс которой при чтении написанного может быть охарактеризован, как собирание слогов-иероглифов в слова, — собирание, происходящее в уме владеющего языком, который не только видит то, на что падает его взор непосредственно, но и угадывает дальнейшее, руководясь инстинктом родного или же ставшего родным языка. Это собирание может быть, — без претензии с моей стороны на наибольшую убедительность, — уподоблено, например, обязательному собиранию китайских слогов-иероглифов: А—ле—кэ—се—е—фу — 阿列克謝業甫 — не имеющих порознь права на значение (38), — в мою фамилию Алексеев, отдельные части которой никакой другой, кроме греко-русской этимологии, в оригинале не подлежат (39). В самом деле, этот не этимологизируемый на китайский лад комплекс ближайшим образом напоминает другой, ему равносложный, но этимологизируемый только по китайски: шодэбуминбайды 說得不明白的 (сказанный неясно, непонятный) = шо — говорить + дэ — служебная часть слова (явфикс) + бу — не + мин — часть словокомплекса с дальнейшим + бай — в общем значении: понимать + ды — служебная часть слова (окончание прилагательного). Собрать эти слого-иероглифы может только знающий китайский язык, который не останавливается на каждом иероглифе и не размышляет долго, а быстро бежит по комбинации шести иероглифов, угадывая все дальнейшее. Но он же проделает одинаковую работу и с первым словом-комплексом, хотя уже отрицательным порядком: не видя

никакого смысла в сопоставлении одного за другим всех этих иероглифов (холм, ряд, мочь, благодарить, дело, прозвание), он своим инстинктом владеющего языком ищет, наконец, «живого места», где бы можно было начать понимание того, что здесь творится, и не найдя такового (в случае изолированности моей фамилии от соседних смысловых единиц), заключает, что это должно быть собственное имя: одно, два или три — не важно; важно только, что этими китайскими иероглифами изображено (переложено) некое слово (или два-три слова), для общего понимания значения не имеющее.

Таким образом, выходит, что иероглифическая орфография китайской живой речи держит ее как бы в анатомически-вскрытом, неестественно натянутом состоянии однообразных однослоговых иероглифов, и, следовательно, как орфография целесообразная, может и должна быть поставлена под наше сомнение. Что до самих китайцев, она их всегда удручала. В самом деле, слишком долгое выписывание иных самых простых и нужных слов (грязный — анцзян 肮 穢 = 37 черт; соль — янь 鹽 = 24 черты), а главное, служебных частиц (напр. 纒 пай — только тогда... 23 черты), надоедавшее и тяготившее дорожащих временем и трудом людей, приводило их к постоянному нарушению как орфографии иероглифической, в виде сокращенного знаконописания (40), так и орфографии морфологической, нарушавшей нормальный звуко-ряд и законную последовательность слогов-иероглифов, и создававшей, таким образом, нечто соответствующее скорее сжатому и слышимому письменному языку, чем отражению нормально слышимой речи (41).

Однако этим еще не ограничивается сомнительность китайской иероглифической орфографии, как таковой, причем надо точно также сказать, что ее неудобство было китайцами всегда живо, ясно и определенно ощущаемо. Дело в том, что целый

длинный ряд существующих в живой речи слов (например: колено, слюна, сажа, подмышки... названия некоторых улиц и проч.) не имеют устойчивой орфографии, как и многие прочие слова, в печати не встречающиеся. Все они пишутся весьма приблизительно, путем гадательных иероглифических подстановок, сделанных иероглифистами, научно безграмотными и неспособными к этимологизациям. Люди пограмотнее стеснялись подобной орфографии, а менее грамотные затруднялись заучивать ее явно искусственные приемы.

Таким образом, иероглифическая орфография оказалась самой отсталой из всех существующих, ибо, во-первых, располагала только слогакомплексами, нерасчлененными и недостаточно эластичными, чтобы хоть как-нибудь следовать за фонетическими изменениями слов в истории языка. Ближайшим последствием этого ее состояния было несоответствие иероглифов, предназначенных к написанию даже служебных частиц, необходимых для элементарнейшей грамматики китайской речи какого либо диалекта. Так, лiao 了, заканчивая, употребляется для написания ла (приблизительно так, например, для пекинского диалекта) (42); для написания «частицы» (окончания) родительного падежа и проч. 的 употребляется знак, изображающий идею мисшени, и для данного случая свое значение умертвивший (43); для написания простейшего местоимения: этот — чжэ употребляется знак 這, читающийся, собственно говоря, янь, и означающий: встречать (44); для окончания некоторых существительных употребляются иероглифы, значащие, собственно говоря, сын, голова (兒 эр, 子 цзы, 頭 тоу) и т. д. Это также никогда не способствовало развитию в иероглифисте чувства закономерности иероглифической орфографии, и он весьма охотно эти частицы-иероглифы при написании живой речи (как было уже указано) пропускал.

Наконец, всякого рода междометия, звукоподражания, ономатопеи пишутся также лишь приблизительно.

Таким образом, живая речь в Китае может быть записана иероглифами лишь при жесткой и жестокой условности едва ли не на каждом шагу, — условности, логичности и приемлемости которой могут исходить только от твердо и тонко образованных людей (45). Все остальные пробавляются судзырами и байцзырами (грубыми, неверными знаками). И часто фраза, написанная иероглифами в одном чтении, в речи звучит совершенно иначе; например, написано: 還那個呢 хуань нагэ ни, читай: хай нэйгэна!

Такова картина иероглифики в разговорной речи китайца, прибавляющая к предыдущей немало недоумений.

V. ИЕРОГЛИФИКА И ДИАЛЕКТЫ

Известно, что понятие китайского языка, в смысле звучащей речи, есть понятие только собирательное, ибо между, например, пекинским и шанхайским или фучжоуским диалектами, в особенности на первых порах знакомства с ними, — пропасть (46). С другой стороны, также известно, что мощным объединителем этих диалектов Китая всегда считался иероглиф, своего рода «великий немой», дающий зрительную картину мысли вне звучащей (47).

Однако, из предыдущего уже ясно, что, будучи совершенно недостаточной даже в пределах одного диалекта, иероглифика тем более не могла быть надежной письменностью для многих диалектов, — в особенности на почве их взаимообщения, при котором иероглифы, кое-как приспособленные к одному диалекту, не являются обязательными для других (48). Уже европейские миссионеры должны были для многих диалектов прибегать

Алексеев. Латинизация.

2

к сплошной латинице, и, таким образом, первая попытка латинизации принадлежит им, хотя и в слишком узком и условном масштабе.

Особенно резко сказалась недостаточность иероглифики при современном изучении китайцами своих диалектов, например, на страницах журнала «Песенный фольклор» Гэ Яо 歌謠, где, понятно, изучалась звучащая речь, иероглифами только маскируемая, и где, следовательно, вмешательство латиницы было обязательно (49).

VI. ИЕРОГЛИФ В НОВОМ КИТАЕ И В РЕВОЛЮЦИИ

Успехи европейской культуры, преимущественно техники, слишком явно продемонстрированные Китаю в XIX веке (особенно к концу его), чтобы их можно было от себя навеки отчудить, произвели сильное брожение в умах, наиболее открытых (50), и особенно молодых. Многим стало ясно, что прежняя архаичная система образования (51), весьма пригодная для прочного усвоения основных устоев китайской конфуцианской культуры, является совершенно бессильной для достижения уровня европейской культуры и техники. Понятно, что иероглифика сразу же перестала быть пригодной, например, для выражения математических формул, точно так же, как русский шрифт был сразу же и навсегда из этих формул вытеснен без всяких возражений, даже со стороны славянофилов. Международный язык и международная письменность в этих указанных областях водворились весьма прочно, и в настоящее время китайская книга специально математического, технического, химического и т. д. содержания представляет собою нечто, вполне аналогичное таким же книгам у нас, где в русский текст вставляются латинские буквы и условные международные знаки (52, 9—10). Создались новые учебники, и

международная письменность, — хотя пока только в этом виде, и лишь в учебном мире — получила всекитайское, широчайшее распространение.

Это было первую брешь в непоколебимой до тех пор стене иероглифики. Однако, международные масштабы не упразднили, повидимому, туземных, и на некоторое время казалось, что европейская культура и техника, будучи чисто внешними достижениями, не затрагивают китайской духовной культуры, для выражения которой иероглифическая письменность является наилучшей и даже единственно возможной.

Сомненно в этом началось с общию переоценкою всех ценностей, возникшей после политической революции 1911 года, и оно перешло далее к активному выражению еще через несколько лет, когда студент американского университета Ху Ши слал в Китай пламенные письма с призывом к углублению революции на литературном фронте, назвав это движение «литературною революцией» (53). Он требовал немедленного и полного упразднения условного, архаического письменного языка и замены его непосредственно отраженною в письменности звучащей речью. Он и затем его единомышленники считали нужным сейчас же реформировать все образование на почве языка, особым образом синтезированного (и потому, искусственного), «национального», имеющего объединить всех китайцев, причем его непосредственно выразительницею должна была вслед за ним явиться алфавитная письменность.

Однако, несмотря на сокрушительные удары по традиции, нанесенные письмами, статьями и всею последующею деятельностью Ху Ши, его отношение к иероглифике, как к таковой, было, хотя бы и временно, примирительным. Положение стало слишком неустойчивым, чтобы не вызвать крайностей как слева, так и справа, и около 1922 года борьба вокруг «литературной

2*

(и далее, иероглифической) революции» расположила воинствующие лагери следующим образом (54).

Первая партия (слева) была радикальная. Она предлагала радикальную реформу китайской письменности, исходя из того положения, что в XX веке нет места идеографическому (иероглифическому) письму. Кроме того, говорили эти радикалы, современный китайский язык совершенно не годится для речи о современных науках и технике (55). Поэтому надо выбрать, в качестве второго национального языка или эсперанто, или какойнибудь другой, но непременно полноправный литературный язык (56), который эту свою полноправность заменит язык китайский, и этот последний, таким образом, попросту уничтожается, заменяясь новым. Раз мы имеем в виду прогресс нашей страны, то стоит ли рассуждать о столь условной и бессмысленной самой по себе вещи, как язык? Надо, поэтому, уничтожить иероглифику как можно скорее, а вместе с нею и выделенный из нее так называемый алфавит (57).

Вторая партия — партия фонетического письма. Она защищала существование китайского языка, но не иероглифики, которая, по ее мнению, точно также подлежит уничтожению и замене фонетическим (алфавитным) письмом, основанным на каком-то главном (стандартном) произношении, причем часть стояла за латинизацию, часть за китайский новый алфавит, а часть за смешанное письмо японского типа, т. е., чтобы иероглификой писались значащие слова (существительные, прилагательные, глаголы, местоимения), а стереотипными ее частями — служебные слова (союзы, окончания-частицы, предлоги и др.).

Третья партия (неоклассиков) была враждебна всякой замене китайского языка и письменности. Она хотела ввести в обучение иероглифику нового типа, имеющую такое же отношение к старой, какое можно наблюдать в Европе, в частности в Англии,

между латинским языком средневековья и образовавшимся под его (в том или ином виде) влиянием современным английским литературным языком. Надо, говорили они, использовать опыт Европы, и результаты будут те же, ибо закон исторических изменений одинаково наблюдается как на Западе, так и в Китае, и классические красоты постепенно заменяются и у нас в Китае более современными, не теряя по существу своих ценностей (58). Достаточно взглянуть на историю развития разговорного языка и превращения его в литературный, чтобы убедиться в этой постоянной смене форм, которая в Китае была не иною, чем на Западе (59). На этом основании, и считая полуразговорный и непременно слышимый язык не уступающим неслышимому, старому и ново-классическому, эти писатели, давшие себе зарок (60) никогда более не прибегать к старому языку, каковы бы ни были темы и стили, требуют (и уже добились) школьного образования только на этом языке, и в настоящее время этот полуразговорный язык (байхуа 白話, т. е. язык простой, без литературного анахронического уснащения, затрудняющего понимание смысла и непосредственную оценку красоты стили) сильно и успешно вытесняет классический из всех сфер его применения (61).

Четвертая партия — партия педагогов, желавших применить к иероглифике (сбоку, на японский лад) алфавитную нотацию, которая имеет этим самым научить школьников однообразному для всего Китая произношению иероглифов, на основании искусственно создаваемого так наз. «национального» языка (62), с тем, чтобы потом перейти к сплошной алфавитной нотации, без иероглифов (63).

Наконец, пятая партия — партия консерваторов, не выдвигающая сама никаких новых предложений, но ставшая в оппозицию ко всем другим, особенно к так называемому «национальному языку» (гоюй). Представители ее считают, что культура Китая

всеми новаторскими мерами образования понижается и падает, и что вообще реформы образования напрасно ставятся на первое место, когда есть много других, более необходимых.

Однако, из всех этих партий нас в настоящее время непосредственно интересуют наиболее радикальные, как наиболее популярные среди китайцев СССР, настроение которых определено выражено в статье г. Хэ Баху 郝拔虎 (псевдоним), критикующей положения о латинизации, данные в книжке г. Страхова, о которой будет речь далее (64). «Что до дискуссии на тему о том, следует или нет уничтожить иероглифику, то я вовсе не хочу здесь о ней распространяться, ибо я понял, что все мы, китайцы, приехавшие в Россию учиться, определено настроены в пользу иностранного шрифта, как наиболее соответствующего положению вещей, и все сознаем, что иероглифика должна быть обязательно и сейчас же уничтожена. Что же касается до приехавших в Россию рабочих масс, то и им также легко понять, что иероглифика является орудием сопротивления для правящих классов, и что это оружие надо также сломать, если мы хотим уничтожить самый класс».

Таким образом, картина ясна. Страдавшие на протяжении веков от иероглифики китайцы приходят к очень определенным в отношении ее решениям. Однако, все предыдущее, повидимому, не отвечает на вопрос общественного мнения, поставленный в начале книги: как же, как могло случиться, что китайцы, этот культурно-мощный народ, не додумались до алфавитного письма, ставшего известным Европе наверное не позже, чем иероглифика в Китае приняла определенные формы?

К рассмотрению этого вопроса переходжу сейчас же, считая, что предварительное выяснение дела основательно поможет всему дальнейшему и закрепит отправные позиции для заключительной части.

VII. АЛФАВИТЫ В КИТАЕ

При недоуменных вопросах общественного мнения как-то само собой подразумевается, что «известная всем китайская историческая изоляция» («китайская стена» и проч.), действительно требовала «выдумывания» алфавитного шрифта. Между тем, данные современной науки, особенно средне-азиатских открытий (например, Орала Стайна) давно уже отвергли все утверждения о китайской стене и изоляции китайцев от мира, вообще, и европейского в частности. Находясь в постоянных сношениях с Западом, китайцы, хотя бы в лице своих эмиссаров, были всегда знакомы с письменностью народов, с которыми они приходили в соприкосновение, и, таким образом, надо утверждать, что им были знакомы алфавиты: деванагари, семитический, латинский, греческий, тибетский, орхонский, монгольский с манджурским (11), русский, не говоря уже о синлабариях (слоговых «азбуках») японцев и корейцев. Конечно, не все эти алфавиты нашли себе в китайском восприятии одинаковое отражение. Наиболее дальние по расстоянию вряд ли вызвали к себе большее внимание, чем, например, для нумизматических атласов в отделе редких иностранных монет (65). Но, зато, те алфавиты, которые были в употреблении у народов, форсировавших себе дорогу в Китай и завоевывавших его (орхонские, два монгольских, манджурский, — как разновидность монгольского, — искусственные алфавиты киданей и чжурчженей, сделанные из китайских иероглифов, и, наконец, латиница европейцев, если их также считать завоевателями Китая, хотя бы и не такого типа, как монголы и другие народы), нашли себе в Китае гораздо более заметное отражение и оставили по себе в китайской истории и литературе гораздо более точный и определенный след. Так, не говоря уже о каменных и других памятниках иероглифического, но вызываю-

ще уродливого по стилю (с точки зрения просвещенных китайцев того времени, XIII—XIV вв. н. э.) письма монгольских канцелярий (66), в Китае и до сих пор, вплоть до храма Конфуция, стоят стелы (вертикальные плиты), покрытые, например, монгольским квадратным письмом, выразившим как монгольскую речь (литературную) того времени, так и китайскую. Стелы эти стояли и стоят на наиболее видных и посещаемых местах (например, в храмах Конфуция и Мэнция) и, следовательно, могли же вызвать и внимание к себе, и брожение среди неподвзятых умов, инициативу! Тем не менее, дальше археологических (и то редких) описаний, дающих скопированный кое-как текст, без перевода и исследования (67, 12), китайцы, повидимому, не пошли. Им было очевидно, что изображенная буквами так называемого «квадратного» алфавита (68) (Пакба) китайская слоговая литературная речь вне иероглифики непонятна даже самим пишущим, а там, где квадратный шрифт идет параллельно иероглифическому, он излишен и играет только «государственную», достаточно ненавистную всем роль. Во всяком случае, никогда до тех пор бессилье алфавитного письма не было продемонстрировано с большею убедительностью, и я думаю, что если вопрос об алфавитной реформе и мог когда-либо возникнуть, то с этой поры он был основательно захоронен, тем более, что виртуозная система, придуманная для точной транскрипции одного известного монгольского литературного памятника (Юань чао би ши, Героическое сказание о первых монгольских ханах), была, во-первых и несомненно, придумана двуязычным монголом, а не китайцем, а во-вторых свидетельствовала лишь об эластичности иероглифики, служившей целям искомой точности.

Мне кажется, что для объяснения этого несколько странного явления, может быть достаточно наивного свидетельства Чжао Ханя (приведенного в одном из предыдущих примечаний), и можно

утверждать, что народные массы, расхищая под свои нужды исключительно монгольские плиты, действовали не без санкции общественного мнения иероглифистов, относившихся к писаниям «варваров» (ху 胡), иначе, чем к своим, и вообще, из китайского шовинизма, который в истории достаточно засвидетельствовал, считавших ниже себя что либо «варварское» изучать (69), а тем более, чему либо от варваров учиться. Во всяком случае, эта последняя идея, тем более приложенная к заимствованию от «варваров» алфавитного письма, вплоть до позднейших дат, китайцам (ученой касте) была не менее чужда и диковинна, чем европейцам идея заимствования китайской иероглифики (70). Так было всегда. Так, в общем, осталось дело и по сей день, когда английский язык, особенно письменный, является, как бы, вторым китайским языком для всех учащихся и учившихся в правительственных школах Китая; когда английская пресса в Китае играет едва ли не доминирующую политическую роль и когда эти обстоятельства ставят даже перед некоторыми иностранными деятелями в Китае вопрос о быстром формировании начинающих китайцев путем обучения их одному лишь английскому языку. Очевидно, в китайской среде (особенно в ученой и правительственной) всегда были и есть доводы в защиту иероглифики против алфавитов. Научный очерк не может не рассмотреть этих доводов, чтобы картина, им развешиваемая, не была односторонней и частичною.

VIII. ИЕРОГЛИФ ПРОТИВ БУКВЫ

При знакомстве китайцев с алфавитными письменностями разных народов главным аргументом против заимствования одной из них было их чувство явного политического и культурного превосходства. Я уже указывал, что брожение и даже резкие выпады против иероглифа начались (и то несколько веков спустя)

со вторжения в Китай латинской письменности народов, перед которыми это чувство превосходства не только пришло к концу, но и превратилось в антипод, в чувство тяжелой растерянности, посярмления и уныния.

Во всяком случае, до этой метаморфозы этих последних лет, китайцам, прежде всего, было непонятно, на что менять иероглифическую письменность. С точки зрения структуры, элементов письма китайская письменность не сложнее, хотя бы, например, русской. В самом деле, даже по крайне оптимистическому подсчету В. П. Васильева в его «Графической системе» (71), в китайской письменности можно определить всего 19 элементов (72). А между тем, в двух первых русских буквах А и Б, взятых как в печатном употребительном наборе (без вариантов), так и в письменном (с общеизвестными вариантами, или даже без них), можно насчитать ничуть не меньшее количество элементов (73), причем китайские элементы можно вовсе не считать так же чуждыми европейским и русским, как, например, элементы клинописи (74, 13). Таким образом, выходит, что по составу своему алфавитная письменность даже сложнее иероглифической.

Однако, могут возразить, что ведь, зато, соединений этих элементов, например, в русском письме будет десяток — другой, а в китайском, может быть, многие сотни! И что же? Хотя в этом возражении нет противовеса существенному (хотя, соглашаюсь, — искусственному, по линии той же «Графической системы») положению о количестве элементов, а не их соединений, но все-таки можно ответить возражающему, что, например, двухэлементная буква «а» встречается в русском письме ничуть не реже, чем двухэлементные китайские соединения, типа, скажем, 十 или 厂 и др., а роль этой буквы, — в особенности для более объективного иностранца, — едва ли определеннее соответствующих ролей двухэлементных иероглифов: 十 厂 二

人入八刀力七又, и очень многих других (75). Кроме того и по своему эффекту, сравнительно небольшое количество русских буквенных соединений отнюдь не дает того же, что дают китайские иероглифические соединения, и потому их в одной плоскости соизмерять вовсе не приходится. Ведь, русские графические соединения чаще всего сами по себе лишь более сложные элементы (напр., слоги) к дальнейшим элементам и, наконец, к буквокомплексам на ролях отдельных слов. В то же время китайские соединения менее механичны и более продуктивны, как физиономии и фасады слов, а этот оптический ансамбль черт, как быстрый охват знакомых лиц, в принципе, и в общем, так же дорог китайцам, как и нам. Ведь, когда я пробегаю газету, то я, наверное, не читаю по буквам и слогам, а именно пробегаю длиннейшие слова, в роде: непредусмотрительность, тщательнейший, сверхъестественный и т. д., и делаю это точно также, между прочим, как и китаец, который бежит по строкам, не задерживаясь на иероглифах 鹽 (соль), 驟 (быстрый), 讓 (вежливость), 讒 (клевета), и др., заключающих в себе по 24 черты, и всетаки, как знакомые лица, не задерживающие читателя ни на мгновение (75а). Следовательно, сложность «китайской грамоты» и ее иероглифов — только кажущаяся, и китайцам, знакомым с нею, вовсе не казалось более простым письмо, в котором состав букв и даже более крупных элементов вовсе не определяет ансамбля. В самом деле, недостаточно знать наличие букв в английском слове thought, чтобы его прочесть и понять. С другой стороны, из cog + beau не выйдет cogbeau. Следовательно, европейская презумпция, с которой я начал эту книгу, о недостатке наблюдательности и практической культурности китайцев не могла быть для китайцев очевидной.

Можно даже было утверждать что, наоборот, иероглифическая письменность в некоторых отношениях имеет выигранные

особенности, совершенно не существующие в других шрифтах. Так, например, внешне разобщенные между собою русские слова: птица, петь, феникс, гусь, утка, лебедь и т. д. в китайской письменности внешне объединены (鳥鳴鳳鵝鴨鴻) первым знаком, который встречается, как ярко отчетливый элемент, в каждом из последующих. Легко поэтому себе представить, какую роль играет подобная иероглифическая аккомодация в письменной изобразительности, в особенности там, где она создает как-бы отдельную картину, идущую параллельно звуковой ритмике и рифмике. Так, например, у китайского поэта есть способ изобразить картину роскошной растительности, пользуясь графическими синонимами: 芊茂苒莽菁華葵蒙蕪藪蘊, которые, как видно из этого краткого перечня, пишутся все с групповым определителем «травы» (верхняя часть иероглифов), и все объясняются в туземных словарях, как роскошная растительность (шэн мао; цао шэн мао; цао му шэн цзюйчжи чу е; чжун цао мао шэнчжи чу), хотя их звуковая череда весьма разнообразна (ме, мао, жань, мац, цзин, хуа, чжэнь, мын, ху, соу, юнь). Точно такие же картины рисуют глазу, вне звукоряда, иероглифы с групповыми определителями воды, бамбука, горы, дерева, огня и др. Следовательно, и здесь иероглифическая письменность имела многое за себя и не подлежала уничтожению, как какой-то диковинный абсурд.

Возражат, однако ж, что ведь и сами китайцы тяготеют к излишне громоздким наслоениям черт для такого, скажем, простого слова, как смотреть, или других: радоваться, учиться, вернуться и т. д. Но и тут практические приспособления, в которых китайцы наверное не слабее других народов, выработали у них манеру сокращений (76), причем опять таки ушедшую далеко вперед европейской, ибо, в пропорциональном переложении, китайская печать (не говоря уже про частные

записки) знает фразы, типа такой, например, русской: «След. он не д. ему случ. разв. св. мысль» (77, 14). По быстроте же письма, вообще, — это могут подтвердить любой китаец и китаист — опытный писец в Китае не уступит таковому же у нас. Можно было бы утверждать даже обратное, особенно приняв во внимание и большие возможности к сокращению слов, и большую свободу движения кисти по бумаге, чем у твердого пера, и даже карандаша.

Точно также можно утверждать, что набор китайской газетной статьи, производимый путем выемки из касс, заключающих в себе не буквы и не части-элементы иероглифов, а самые иероглифы-комплексы, в общем не медленнее европейского, — если, как и скоропись, не быстрее, ибо, поскольку, например, слово «очаровательный» требует 14 движений глаз и рук, постольку китайский иероглифический эквивалент мяо 妙 требует лишь одного, хотя и значительно более сложного движения. Кроме того, часто встречающиеся китайские знаки, как комплексы, нельзя сравнить с часто встречающимися словами европейцев, ибо при разборке шрифта последние опять распадаются на составные части. Я думаю (может быть и неправильно, по малому моему знакомству с наборной техникой), что, поскольку может быть трудно ожидать влияния европейской техники набора на китайскую, — в смысле, например, расчленения иероглифов на элементы и набора их каждый раз наново, — постольку можно было бы рекомендовать нашим типографиям присмотреться к китайскому набору и запастись наборными стереотипами постоянно встречающихся слов, трактующих, следовательно, как китайские иероглифы. Точно также тот, кто присутствовал при процессе иероглифического письма на пишущей машине, мог убедиться, что торжественная тишина, прерываемая редкими ударами пальца, не замедляет общего темпа письма, сравнительно

с суетливой трескотней наших машинок. Можно предполагать (за неимением под руками статистических данных, только по личному впечатлению), что тяжеловесная и сложная иероглифика, в руках опытных наборщиков и машинистов, не отходит от темпов, свойственных европейской прогрессивной технике.

Однако, едва ли не самым главным доводом в устах людей, отстаивающих иероглифику против алфавита, всегда являлся факт объединения ею всех диалектов Китая, а равно и всех эпох развития китайского языка, чего не замечается в алфавитных письменностях, и в частности в Европе, где латиница не объединяет финна с испанцем или поляка со шведом. Этот принцип независимой от звука «глухонемой», письменности вообще всегда считался аксиомой, и лишь за последнее время, время начавшейся борьбы за алфавит как национальный, так и латинский, находит себе гласную печатную защиту. Наиболее типичною, хотя и не без причудливости, защитой иероглифа, перешедшего в его восхваление, я считаю нижеследующие строки китайского антрополога Ли Цзи (78), которые цитируются, между прочим, известным английским философом и писателем о Китае Бертраном Расселом (79), также, как весьма характерные и любопытные:

«Европейские ученые по традиции трактовали язык, как коллекцию (набор) звуков (!), вместо того, чтобы рассматривать его, как выражение чего-то более внутреннего и глубокого, чем голосовой аппарат: а так именно и следовало его рассматривать! Эффект от наслоения (accumulative effect) языковых символов на умственный уклад (formulation) человека продолжает оставаться неисследованным полем. Разделяя мировую культуру живущих на земле народов по этому принципу, мы наблюдаем основную разницу в ее типах между народами алфавитного письма и иероглифического, каждый из которых имеет свои достоинства и свои недостатки».

«И вот, при всем уважении к алфавитной цивилизации, следует откровенно признать, что у нее есть важный, присущий ей недостаток, а именно — отсутствие солидности. Находящаяся под алфавитной культурой самая цивилизованная часть мира населена в то же время самым легкомысленным, непостоянным (fickle) народом».

«История Запада все время повторяет одно и то же. Так, у греков: вверх и вниз; так в Риме: вверх и вниз; так у арабов: вверх-вниз. Древние семитические и хамитические народы являются по существу народами алфавитного (!) пользования, и их цивилизации (культуры) являют нам все то же отсутствие солидности, какое мы замечаем у греков и римлян. Это явление, несомненно, может быть частично объяснено чрезмерною нестойкостью (текучестью, fluidity) алфавитного языка, на который нельзя положиться, как на орган, пригодный для хранения какой либо солидной идеи».

«Интеллектуальное содержание этих народов может быть уподоблено скорее водопадам и стремнинам, нежели морям и океанам. Нет народов богаче их идеями, но ни один другой народ не отбросит так быстро ценную идею, как они...»

«Китайский язык является антиподом алфавитного блока во всех статьях. У него нет большинства тех достоинств, которые мы находим в каком нибудь алфавитном языке; но, как воплощение простой и окончательной истины (!), он невредим от всяких бурь и натисков. Он уже сохранил китайскую культуру и цивилизацию на более, чем сорок веков. Он солиден, прям (square) и красив (!), точь в точь, как его нам представляет его дух (!); при этом, нам остается еще установить, этот ли дух произвел этот язык, или же, наоборот, этот язык подчеркнул и усилил этот самый дух».

При всей своей может быть несколько причудливой, и даже вычурной сентиментальности, этот отрывок не так наивен, как

он может показаться людям, недостаточно знакомым с китайской иероглифической культурой, которая, действительно, непрерывно и устойчиво развивала свои основы, без внезапных заимствований и, вообще, эпизодов и скачков. Тем не менее ясно, что антрополог приписал алфавитной внешности слишком многое и разобщил ее с иероглификой совершенно искусственно.

Однако, едва ли не более иступленное, и, во всяком случае, более извращенное обожание иероглифической письменности мне часто встречалось среди иностранцев, а не китайцев. Иероглифика представляется им еще более сверхъестественной, чем простому добродушному китайцу, верующему, как показано выше, происхождение иероглифа от «святых людей древности», и не допускающих кощунственного отношения к бумаге, на которой начертаны их графические потомки. Так как устные исповедания подобного рода мною здесь в точности зафиксированы быть не могут, пользуюсь печатным их выражением по поводу, например, представления причудливой «китайской» пьесы «Любительница голубой мечты задумчивости», шедшей в Ленинграде в 1922 году (80).

«Автор несет один полную ответственность за «стилизацию», «китаизм» и «экзотизм» слога и языка диалогов. Но как получилась эта стилизация? Автор воспользовался поэмой одного древнего певца Фо-Гуин-Моу (81), помещенной в многотомном собрании образцовых тысячи (!) поэтов Китая «Пэй-Вэнь-Юнь-Фу» (82). Бытовой обряд с комплиментами — точная копия обряда знаменитых церемоний конфуцианского Китая, а интермедия и вся символическая сторона пьесы — храмовая мистерия, взятая из редчайшего ксилографа (83). Также и вся работа художников в отношении декораций, костюмов и бутафории велась на основании историко-археологических мотивов подлинных китайских рисунков, лишь с тем расчетом, чтобы не угасить

свободное художественное создание мертвым археологическим реализмом. Но ведь автор имел пред собою знаки, писанные для глаз, а не для уха, изографические идеограммы, и следовательно должен был излагать то, что в них видел, истолковывая их по древнему смыслу (84). Это не то, что переводить с фонетической записи (85). Стилизовать под китайский слог тут никак нельзя, ибо перед нами нет ни слога, ни слов, ни звуков — немое «рыбье слово», глухонемые знаки — картины. Итак, о содержании этих картин приходится рассказывать поневоле европейскими словами, европейским архаическим языком...»

Подобная тяжелая картина, так сказать, заболевания иероглифическим пафосом на моей памяти не единственная. Я сам был на лекции одного заграничного профессора-китаиста, который излагал теорию иероглифики, весьма недалекую от вышеприведенного литературного бреда, и именно основание думать, что и в России иероглифический фетишизм встречал, а может быть и доселе встречает, своих представителей.

Другая форма иероглифической патологии — стремление приспособить «немое» китайское письмо к международной словопередаче (пасиграфия). Идея эта точно также принадлежит, как и первая, одному из блестящих русских литераторов девятисотых годов, и о ней я уже говорил выше (в примечаниях). Здесь же упоминаю о ней еще раз, как свидетельствующей лишний раз об опасности отделения иероглифического письма от базы и возведения его в культ.

После всего этого нет, конечно, никакой дальнейшей надобности распространяться о нормально-научном отношении к китайской иероглифике. Это исторический факт, имевший и имеющий свои основания и свои последствия. Это — инструмент мысли, если и отличный от других, то только формально. Но,

конечно, для палеографа и лингвиста эта форма человеческого письма представляет материал, глубоко отличный от алфавитных шрифтов. Однако, именно среди палеографов и лингвистов фетишизм китайской письменности не встречается.

IX. ИЕРОГЛИФ ВО ИМЯ ИЕРОГЛИФИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

Отстаивание иероглифа самого по себе, даже как факт, трудно отделимо от целокупного его отстаивания во имя китайского иероглифического языка, которому он служит, и обезличивался и исчезал перед системой текста. Не мешает здесь сразу же определить, что такое этот самый иероглифический язык, ибо сочетание этих двух слов может напоминать сочетание «алфавитный язык», а это будет неправильно.

Под китайским иероглифическим языком надо разуметь весьма условную письменную речь, которую изъяснялись со времен, предшествовавших письменным историческим свидетельствам, люди Китая, получившие строго законченное, особое классическое образование, желавшие обособиться в касту и потому всячески отмежевывавшиеся от «банальной» (= разговорной, легко различаемой на слух) речи, всегда предпочитая намек ясности и определенности — последнее, особенно с точки зрения иностранцев, не привыкших делать различие между литературно-зримым и произносительно-слышимым фазисами речи.

Не имея возможности и нужды касаться здесь всей истории этого явления, начну, — правда, несколько необычным порядком, — не с начала его, а с конца, т. е. с того состояния, в котором китайский язык сейчас находится, и только потом упомяну об источнике.

Если мы возьмем, в качестве первого попавшегося примера, современную русскую фразу такого содержания: «Студент спе-

циального курса штудирует историю политической экономии, статистику, демографическую методологию», то видим, что позаимствованными из чужих языков в ней являются только грамматические форманты (—ого, —а, —ует и т. д.). В то же время перевод ее на современный книжный (86) гитайский язык дает фразу, состоящую целиком из чисто китайских (87) слов и иероглифов: вместо латинского: *studens* имеем 學生, сло шэн, — слово, встречаемое и у Конфуция («учащийся»); вместо латинского: специальный (от *species* и *specialis*) имеем также достаточно старое, хотя и пущенное японцами в новый обиход 專門, чжуань мынь, «особый отдел»; вместо латинского: *курсе* (от *cursum, currere*) имеем 科, кэ в значении «предмет» или «отдел»; вместо греческих слов: политическая экономия (от *polis, politikos* и *oikos-nomos*) имеем достаточно древний, хотя также наново японизированный термин 經濟, цзинцзи, означающий, например, по ученическому (чтобы не ходить далеко) словарю Цы Юань: «устраивать жизнь людей, помогать народу» (88); вместо греческого: методология (от *methodos* и *logos*) — китайско-японский термин 方法學, фанфасио, «учение о способах-правилах». Во всех этих сопоставлениях японизация в китайском языке, конечно, не играет роли варваризмов в русском, ибо все эти японизмы китайцам понятны из средств их же языка (откуда и исходят без изменений) и без особой подготовки (89). Таким образом, китайскую реплику на сплошное русское заимствование (90) является словоряд чисто китайской формации и семантики (91).

Если начать наблюдение над китайским языком с этого его конечного фазиса и знать, далее, что новых иероглифов китайский язык не знает чуть не с IV в. до н. э., то можно легко понять, что весь рост языка, задержанный в распространительной, так сказать, горизонтали, должен был идти путем «верти-

3*

кальных» глубоких семантических, смысловых перерождений. При этом, иероглиф и иероглифическое слово, лишённые морфологических признаков, свойственных другим языкам (92), должны были и этот органический для других прием превратить в чисто семантический и узко синтаксический, и таким образом, иероглиф в китайском иероглифическом языке состоит из трех фазисов, всегда сосуществующих в нераздельности: а) индексидеограф $\rightarrow$ b) семантический смыслоряд и колорит $\rightarrow$ c) место среди других (92a). Китайскому иероглифу, как карликовой сосне, приходилось развиваться вглубь и внутрь. Старые ассоциации обрастали новыми, и иероглификация языка, т. е. превращение слов в словоуказатели, продолжалась и продолжается по наши дни. Там, где у нас простое заимствование создает безболезненные (с недавнего времени) наросты, начинающие функционировать, там у китайца болезненно-тяжкое вращение организма в организм, расширение смысловой площади на внешне ограниченном пространстве (много значений на рижидно определенной иероглифической базе).

X. ЯЗЫК ФОРМУЛ И ЯЗЫК-ФОРМУЛА

Таким образом, иероглиф, действующий в среде других и составляющий с ними ансамбль, которому надо присвоить имя иероглифического языка (именно языка, а не условного конспиративного жаргона, ибо он универсален и выражает гораздо более и сильнее, нежели разговорная речь), надо охарактеризовать, как сокращенную формулу указателя к книге, именуемой китайской книжной культурой; как коэффициент слова, живущий и в самом слове, и вне его, по типу формул: $x \rightarrow a$ (xa), $x \rightarrow b$, $x \rightarrow c$ ... $y \rightarrow a$, $y \rightarrow b$, $y \rightarrow c$ ... $z \rightarrow a$, $z \rightarrow b$, $z \rightarrow c$ ... и т. д., где x, y, z суть иероглифы-указатели (коэффициенты, подразумевающие в себе отпадающую часть общей формулы), а a, b, c — смы-

словые части или выраженные (в виде, например, дополнительного иероглифа, составляющего с x, y, z... иероглифическое слово), или невыраженные (т. е. место, происхождение из знакомых книжных выражений и т. д.). Это, скорее всего, намек на слово, часть слова, его конденсатор, потенциальное слово, которое и меньше полного, а, зачастую, и больше его, ибо открывает свою частичностью бльшие возможности ассоциаций (93). Поэтому иероглиф как бы принципиально аморфен, краток и всеокращающ (93a). Он обладает, таким образом, всеми достоинствами формулы: частично, как иероглиф, и распространенно, как иероглифический язык-ансамбль. Отожествление его с формулой поможет, вероятно, понять то историческое упорство (вряд ли упрямство), с которым китайцы отстаивали и культивировали ту самую иероглифику, которая, как было показано, давалась им, особенно при способностях не выше средних, с таким долгим и мучительным трудом. Ведь, подобно формуле, с трудом выводимой и заучиваемой, а потом применяемой не только предположительно, но даже исключительно во всех специальных серьезных областях знаний и понятий, иероглиф, раз усвоенный, в отдельности и в системе иероглифического языка, мог выражать какое угодно понятие в каком угодно масштабе и при этом в надлежащем, трудно учитываемом при дальнейших переложениях колорите. Как математик, желающий быть на высоте мысли, знания и точности при разговоре (устном или письменном) с другим коллегой, равным ему по научным достижениям, говорит и пишет формулами, едва ли переводимыми в речь для профанов, так и иероглифист в беседе с иероглифистом же пользуется языком, заведомо условным и вовсе не предполагающим вмешательство переложений, комментария (94) и т. д. Нельзя поэтому утверждать, что китайцы боролись и борются за иероглиф, как за средство какого-то насильственного объединения реально разроз-

ненных групп, — как нельзя было бы утверждать, что Европа держится за латинский шрифт исключительно для своего объединения. Вернее будет утверждение, что китайцами, в их борьбе за иероглиф, руководит инстинкт формулы. И если это так, то сходство речи иероглифиста с речью математика еще усилится, ибо оба стремятся ввести в свою речь как можно меньше слов и как можно больше всеохватывающих формул. У математика это будут слова-заставки: отсюда получаем... следовательно... и т. д., у иероглифиста же: скупое вставляемое между иероглифами универсально служебное чжи (之) и ему подобные, еще более редкие «частицы» (乎者也), которые в общем еле намечают, — и то только в крайних случаях (или по требованиям ритмов) — соотношения нагроможденных иероглифов (95).

Не удивительно, что речь получается до нельзя сжатая, лаконичная, исключительно схематическая. О размерах этой схематичности говорит, например, простой подсчет иероглифов как основного литературного текста (юань вэнь 原文) какой либо новеллы Ляо Чжая, так и иероглифов, приходящихся на «перевод» этого текста в разговорный уклад (96). Оказывается, что число последних больше, чем вдвое превышает число первых (один из первых встречных подсчетов дает соотношение 104 к 46). Понятно, что эта форма речи, которую несомненно следует признать вышею как по точности, так и по выразительности, и особенно, картинности (97), ценится в документе, в эпистоле, в книге, которым хотя бы сообщить менее эфемерный характер, чем характер большой газетной статьи, и даже в серьезных статьях газет (последние, впрочем, ценят сжатый язык также и по материальным соображениям, ибо выгоднее уместить содержание в 1000 знаков, чем в 2500).

Можно даже понять (хотя это будет труднее) упорство известного переводчика европейских романов на китайский язык

Лиш Шу (林紓, 琴南), который, не зная европейских языков, но исходя из своеобразного почтения к европейской литературе, перелагал устные, делаемые ему переводы на чисто литературный уклад; и мало того, при первых же зовах культурной революции 1915 года к освобождению от условностей иероглифического языка к простоте и непосредственности слышимого, разговорного, он занял явно враждебную революцию позицию. Литературный тон, понятый им своеобразно, но весьма последовательно (98), был ему дороже самоупотребления.

Японизация китайского языка, о которой уже говорилось и будет говориться, хлынула потоком точно также только как формулы к формулам же, ибо речевых форматов японизация не задевала и, внося в Китай уже продуманную на иероглифический лад культуру Запада, обходилась даже без естественных варваризмов, типа наших: хвостизм, военизация и др.

XI. ЯЗЫК КУЛЬТУРЫ

Таким образом, иероглифический комплекс, который удобно и следует именовать иероглифическим языком, сильно осложняет вопрос об уничтожении иероглифа, как типа письменности. Еще более сложной будет выглядеть эта проблема, если мы сделаем анализ этого языка по его содержанию, иначе говоря, если мы рассмотрим его, как язык культуры Китая.

Известно, что старое классическое китайское образование имело в виду приобщить учащегося к книжной культуре трех, а, может быть, и четырех тысячелетий, дав ему, с одной стороны, возможность читать с точным пониманием всякий текст всякой эпохи, а с другой — самому писать на точно таком же между-временном языке. Для этой цели все образование обрекалось исключительно на литературную культуру. Учащийся должен был усвоить памятью во всей точности (в смысле орфографии, последо-

вательности и ортодоксальной интерпретации трудных текстов) тринадцать канонических книг конфуцианской школы, ряд антологий как поэтических, так и прозаических, а равно и других произведений китайской литературы, не считающихся в каноне (99). Усвоение памятью громадного количества текстов ускорило и дальнейшую начитанность (главным образом в истории), и в общем, получался действительно феномен, для которого писатель IV в. до н. эры являлся настольной книгой, и который в XX веке мог читать и писать в стиле хотя бы того же IV века до н. э. На всем протяжении Китая создавался, таким образом, идейный, хотя фактически и разрозненный коллектив людей, получивших одинаковое образование и говорящих одним и тем же языком, — языком, правда, условным и на ухо не воспринимаемым (особенно, в разнодиалектных группах) (99а), но все же языком одинакового содержания, т. е. одних грамматических законов, одних литературных оборотов, намеков, и вообще, языком одной и той же книжной культуры, которая позволяла говорить и писать о чем угодно, но, конечно, в рамках того самого содержания, которое и образовало этот самый иероглифический язык.

Следовательно, иероглиф насыщался, как и комплекс, им составляемый, всей сложной культурной начитанностью, и еще более удалялся от конкретной (хотя бы, например, пиктографической, рисуночной) внешности к отвлеченной формуле. Эту формулу мы получим, если представим себе иероглиф в виде отвлеченного коэффициента, — может быть, *даже более или менее устойчивого типа, — но приставленного каждый раз, как к x , y , z , а) к месту среди таких же иероглифов, б) к типу речи, в) к эпохе, д) к литературной системе и т. д. Понятно, что и культура Запада, вошедшая в Китай частью через Японию, точно также встала под те же коэффициенты, на тех же ролях x , y , z , и, например, сложное выражение: Шехуй чжуи (社會主義) уже отошло,

и в целом и в частях, от старого Китая, и может быть понято только при условии европейского настроения для каждого из иероглифов, т. е. не «главная идея общественных соединений», а — социализм.

Таким образом, тот самый процесс, который происходил и происходит в европейских языках при помощи заимствований, живущих вне своей языковой сферы и, в особенности, эпохи (римлянин не узнал бы метисового слова социализм, даже если бы ясно слышал в нем родное слово socius и соседние: socialis, sociabilis, societas, socio...), происходил и происходит в китайской иероглифике и иероглифическом языке путем смены настроений (x , y , z), при общем их указателе-коэффициенте, который, понятно, в одиночку ничего определенного не означает. Вот почему все, кто когда либо писал о Китае, всегда сопоставляли его со всем европейским миром (100), несмотря на то, что это сопоставление формально неправильно, ибо здесь одна страна и одна культура сравнивается с целым обществом стран и культур. Важно было указать, что Китай говорит языком культуры, и притом настолько полным, что с ним может быть сравним только комплекс культурных языков, а не отдельные языки. И вообще, старого, полноправного (по законченному образованию и овладению иероглифическим языком) китайца можно было по справедливости сравнить только с таким европейцем, который, во первых, знал свой родной язык во всей полноте, то есть в его целом, именно — в виде усвоенных памятью всех тех текстов, из которых лексически и тонически слагалась высшая литературная речь (классиков); во вторых, знал твердо и точно те основы культуры, которые легли в культуру Запада (греко-римский классицизм); в третьих, вообще владел теми языками, из которых брались заимствования в его родной язык, ибо, например, русский литератор знающий, скажем, что значит в общем слово презумпция,

но не располагающий, например, французским этимологическим рядом: consumer, consumable, consommation, présumer, présomptueux, résumer, somptueux и др. и, таким образом, позволяющий себе распорядиться не живыми словами, а словами, лишенными эластичной манипуляции, никак не может быть сравним с китайским литератором, для которого то же слово «презумпция» в любом из его переводных вариантов (料, 估, 竊思, 以爲, 示爲, 看做, 臆斷, 假定, 姑信, 姑爲, 可信 и т. д.) (101) всегда жило и живет полною жизнью, т. е. всеми своими составными частями-иероглифами (102), и даже частями иероглифа, начиная от классического текста и кончая газетой 1931 года.

Конечно, не удивительно после всего сказанного, что процесс овладения этим культурно-книжным языком брал 15—20 лет учебы, создавая китайца с китайским мировоззрением, в то время, как то же число учебных годов создавало в Европе человека с свикретически-мировоззрением и такую же культурой. Китай был противопоставлен, и отнюдь не параллелен Европе.

XII. ИЕРОГЛИФИКА ЕВРОПЕЙСКАЯ

Впрочем, так ли уж чужда европейскому культурному языку иероглифика, хотя бы и не китайская? Ведь даже если не считать за таковую математические обозначения, читаемые на разных языках по разному (напр., $\sqrt{a}$, a^2 , $tg\varphi$), и всетаки, для людей, достаточно обученных, представляющие столь же понятные слова, как и все другие, мы в любом словаре найдем ряд сокращенных обозначений, играющих ту же роль, причем тенденция к этим сокращениям все усиливается. Таким образом, создается целый особый словарь знаков, переводимых в слова лишь при известном

напряжении памяти, которая будет подбирать из заранее усвоенного запаса окончания к инициалам, и так или иначе их осмысливать. Этот перевод условных обозначений в полные слова и фразы надо называть процессом иероглифическим, весьма похожим на китайский.

Нигде, однако, этот процесс не выразился с такою стремительностью и разрушительностью для полнословной традиции, как в современном советском официальном и всяком другом языке. В самом деле, попробуем сделать некоторые параллели, хотя бы, при основной разнице двух языков, они и были более эффективны, чем научно доказаны.

Берем звукоряд, отраженный в письменном букворяде, как например, ком, и видим, что на прежние этимологические образования, идущие от ком = комок и, затем, от ком = латинский предлог cum (компот, компенсация), накладываются новые, имеющие в этом трехбуквенном комплексе только этимологическую ассоциацию латинского предлога (вторую), а так как она никакого самостоятельного смысла в себе не содержит, то все эти ком могут, как части формулы-иероглифа, что либо значить лишь при соединении их с частью другой формулы, и из двух намеков, понятных только знающему и усвоившему их читателю, выводятся уже определенное слово. Таким образом, безличный предлог ком,

в соединении:	нарком	получает значение:	комиссар,
»	»	комбед	»
»	»	комсостав	»
»	»	кавком	»
»	»	откомхоз	»
»	»	комячейка	»
			комитет,
			командный,
			командир,
			коммунальный,
			коммунистический.

Предположительно возможны, хотя мне и неизвестны, соединения того же типа: завком (комбинатом), предком (председатель комиссии) и т. д.

Берем (приблизительно) параллельный пример китайского иероглифа 公, читаемого, напр., в Пекине гун (kung) и имеющего, по свидетельству наиболее полного из современных словарей, Чжунхуа да цзы дэнь, 35 значений, а в соединении с ближайшим синонимом 共 (с которым он постоянно чередуется) всего 55 значений, и видим, что

1. в соединении с 道 дао, дающем: гундао, гун значит честный (путь)
2. » » » 事 ши, « гунши, » » общее (дело) = служба
3. » » » 產 чань, « гунчань, » » обобщественные (коммунизм)
3. » » » 文 вэнь, « гунвэнь, » » официальная (бумага)
5. » » » 門 мьнь, « гунмьнь, » » царские (ворота)
6. » » » 侯 хоу, « гунхоу, » » великий князь (и меньший)
7. » » » 主 чжу, « гунчжу, » » принцесса (сочетание неделимое)
8. » » » 三 сань, « савьгун, » » (три) министра
9. » » » 張 чжэнь, « Чжангун, » » покойный (Чжан)
10. » » » 家 цзя, « цзягун, » » отец (= домашний повелитель)
11. » » » 公 гун, « гунгун, » » свекор (неделимо)
12. » » » 相 сянь, « сяньгун, » » савонный
13. » » » 牛 ню, « гунню, » » (самен) бык, и. т. д.

Если китайца спросить, что значит гун, а русского, что значит ком, то и тот и другой должны будут задать встречный вопрос: какой ком? какой гун? или: ком что, гун что? Ответ будет: а) комсостав, б) 公道的 公 гундаоды гун: гун, из комбинации (т. е. слова) гундао, и т. п.

Значит, для обоих языков эпизодически (в китайском больше, чем в русском) требуется особое знание, помогающее перевести условные обозначения-иероглифы в полноправные слова. Само собою разумеется, что тот факт, что иероглиф гун состоит из

четырёх черт, не похожих на 7 черт русского ком, имеет не большее значение, чем отличие русского ком от французского, английского и т. д. сош или греческого ком, а по аналогии, — от русского, греческого, английского, и т. д. сим, син, см, сн, суш, сун и т. д. Но в то же время нельзя не отметить, что по своему удалению от базы (и даже по отсутствию смысловой базы вообще) русская иероглификация, типа ком + составные части, отстоит еще значительно дальше от слова, чем китайский иероглиф гун. Зато, в свою очередь, китайская и японская иероглифика знает нечто подобное в отрывах отдельных иероглифов от их, казалось бы, неделимых составов и комбинаций, и в создании на первый взгляд абсолютно непонятных комбинаций, типа Бань Ма 班馬 т. е. Бань Гу и Сыма Цянь (первые крупные историки); Фын-я 風雅, т. е. классически-красивое, как в отделе книги «Поэзия» (Шицзин); 國風 Гофынь и в других ее отделах: 大 Да и 小 Сюэ Я; еще: 北大 Бэй (цзин) Да (Сюэтан) — Пекинский Университет; 帝大 Императорский (японский) Университет, и т. д. (102а).

Если теперь предоставить очередное слово опять русской иероглифике, то найдем и ее продвинутою отчасти в том же направлении, т. е. в создании слов из частей иероглифических формул (например, бесхозный, льянковец, фабзавучи), отчасти же еще гораздо далее китайских. Так, наши буквенные обозначения под одною и тою же буквою разумеют далеко не одно и то же (103) (сравните, например, букву С в СССР и ВЦСПС; букву В в ВКП, ВУЗ, КВЖД), и давно уже проведены в произносительно-слуховое состояние (эсэры, пепезовцы, вузовцы), чему параллелей в китайском языке я пока не вижу.

Обобщая теперь свою речь о иероглифике, укажу на ее психологическое обоснование: стремясь к экономии слов и к силе их действия на слушателя, внимание которого сильно заостряется

работой, ответной говорящему, мы, ведь, подобно китайцам, неохотно расширяем свои иероглифовидные соединения, типа комсостав, в словообразную удобопонятность. Очевидно, надо признать то же право и за китайцами, для которых Байда легче а главное, типичнее, чем Бэй-Цзин Дасюэтан. Ведь этим путем из двух-трех слов-физиономий делается фабрикат, какая то синтетическая, но в конечном свете, новая, и по своему закономерная физиономия.

Можно, значит, думать, что процесс, происходящий у нас на наших же глазах, и притом неудержимо развивающийся, в основном не далек от былых процессов сложения и прочного водворения китайской иероглифики, которая шла не только от речи к письму, но и от письма к речи, как у нас. Теперь, принимая во внимание, что сокращение иероглифов формальное и численное, было вызвано не только модой или даже государственным стилем, но прямою и насущною необходимостью («книги» в древности представляли собою сараи и амбары со штабелями досок, число которых надо было, очевидно, всемерно сокращать) (104), легко утвердиться в исторической закономерности китайской иероглифики, и понять, почему она так неотразимо действовала на все окружавшие Китай народы, особенно в периоды, предшествовавшие изобретению в Китае бумаги и ее распространению в Азии (105). Можно думать, что если бы не была в Китае изобретена бумага, то и монголы и манджуры, подобно чжурчженям, киданям и тангутам, предпочли бы писать иероглифами, хотя бы и другими по графике и составу. В виде предположения, можно также, хотя и химерически, представить себе, что, если бы культура монголов не стала сразу же в то враждебное отношение к китайской, о котором уже приходилось упоминать, то русская письменность под их давлением точно также подчинилась бы китайской графике, как например, японская, и мы писали бы

теперь иероглифически: 言 ком (ком с определителем «слова») = команда; 虫 ком (ком с определителем «насекомого») = комар; 木 ком (ком с определителем «дерева») = комод; 金 ком (ком с определителем «металл») = металлокомбинат и т. д.

Но, конечно, все эти примеры имеют в виду одну только образную передачу трудного определения иероглифики, которая развивалась в Китае несравнимо ни с какой другой страной, а главное, в постоянном отрешении от звучащей речи, что, конечно, уже не поддается образно-популярному изложению.

Вывод напрашивается сам собой. Раз мы, люди, стремящиеся к усовершенствованию своей орфографии, на самом деле неудержимо стремимся к процессам, отходящим от алфавитных, и стремимся к иероглифическим, то мы можем и должны понять историческую закономерность этого же процесса в Китае, который, благодаря тождественности писателя с читателем, довел свое орудие до виртуозной техники. Как бы мы ни относились к этому процессу (хотя бы, например, как к искусству знаменитых китайских же ковров и вышивок), мы должны понять, что этот сложный и головоломный способ письма, при желании писать сжато, был более совершенным, чем другие. И в самом деле, телеграфный стиль удается лучше всего именно в Китае (и это, несмотря на цифровой код для всех отдельных иероглифов!); сжатая статья в китайской газете, написанная иероглифическим языком, занимает, по крайней мере, вдвое меньше места, чем статья, писанная языком слышимым; документ всякого рода, требующий точного выбора слов и также сжатости, до сих пор делается лишь на иероглифическом языке и т. д. Все это надо, по крайней мере, понять.

XIII. ДОВОДЫ ПРОТИВ ЛАТИНИЗАЦИИ И ИХ КРИТИКА

Итак, если в научно взятом историческом аспекте мы поймем закономерность иероглифики в Китае и других странах, мы

поймем и систему возражений против латинизации китайской письменности, исходящих не только от твердых иероглифистов, но и от людей, которые, в панике перед разрушением тысячелетнего здания, не могут себе представить на его месте ничего, в том числе и латиницы. Как указано выше, такие люди встречаются не только среди китайцев, но и среди иностранцев, любителей китайской иероглифики, хотя она им и давалась (— и даже не всегда давалась) с очень большими и сложными трудностями. Эти возражения, как часто встречающиеся, вообще, так и особенно в печати, я приведу далее по возможности подробнее, хотя и без речательства за полную, и, чтобы в дальнейшем не повторяться, тут же дам им и оценку по состоятельности.

Так, указывают, прежде всего, на то, что с выходом из иероглифики в латиницу, оптическая точность и определенность иероглифа заменится однообразною массой букв, создающих неясности, смещения, и всякого рода неточности. При этом можно привести примеры-факты, в пределах даже одного и того же диалекта, например, пекинского. Отправляются, например, деньги через европейский банк некоему Чжан Хаожу (Chang Haoju). Деньги приходят по адресу, но вручены быть не могут по той простой причине, что банковский служащий представлял себе, что дело идет о Чжан Хаожу, пишущем иероглифами: Растянуть, Анст-ученый (張鶴儒) (106), а на самом деле искомым Чжан Хаожу пишется через иероглифы: Статья, Безбрежный-такой (дух) 章浩如. Понятно, что в европейском банке могли принять адрес только в латинизированном виде, и смешение получилось совершенно естественное, далеко не эпизодически-исключительное. Тем больше таких возможностей при междудиалектном общении. Так, критикуя «Китайскую латинизированную азбуку» т. Страхова, т. Хэ Баху в цитированной уже статье хабаровской газеты «Рабочий Путь» (Гунжэнь чжи лу) пишет:

«Этим путем вообще неизбежно создадутся некоторые смешения — это ясно. Но вот, смотрите, он передает через She тридцать совершенно различных по смыслу знаков, что заметно, между прочим, даже на слух, в каком угодно диалекте (死時是失尸石豕世) — есть от чего схватиться за голову».

Действительно, в среде различных диалектов однообразное их написание латиницей создало бы путаницу (107). Но, так как латинизация т. Страхова вообще не выдерживает научно-рациональной критики, то и это возражение легко парировается установкой латинизации, прежде всего, на диалекты, и затем уже, в меру необходимости, на так называемый «общий язык» (koine) «путунхуа» 普通話, т. е. на язык не владеющих мандаринским языком китайцев, состоящий из крайне общих выражений, жестов, мимики и прочих способов, лишь косвенно напоминающих язык. При установке на диалекты опасности смешений исчезают, — особенно если принять во внимание контекст. При установке же на путунхуа это последнее соображение (контекст) является единственно реальным, ибо, например, трудно себе представить, чтобы фраза пекинского диалекта: ni zai zherh ciaozhb, wo in dien shr, звучащая по шаньдунски как: ni zai zrh kiozb, wo in dian shr, была в конце концов, шаньдунцу непонятна. Но, вообще, надо сказать, что диалектические трудности (конечно, только внутри больших диалектических групп) охотнее всего преувеличиваются иностранцами, а не китайцами (108), так что возражение т. Хэ Баху также преувеличивает действительность.

Далее, возражения направляются на собственные имена, которые, как известно, у китайцев не стереотипны, как наши (христианские: Иван, Петр, Василий), и все же допускают в латинице полное смешение. Так, например, в то время как Иваны Ивановичи Ивановы, Петры Петровичи Петровы и их варианты могут существовать в любом количестве, сочетания типа Ван

Июй, Чжан Яосянь, Сун Цзецзи и т. д., даже при звуковом тождестве, могут писаться на несколько совершенно отличных друг от друга ладов. И действительно, в известном биографическом словаре Джайлза (Herbert A. Giles. A Chinese Biographical Dictionary, 1898) находим ряд «созвучных», вернее одинаково латинизируемых, — но разное иероглифируемых собственных имен, как например, №№ 25—26: 張繼 и 張籍 для Chang Chi; №№ 53—54: 章邯 и 張翰 для Chang Han; №№ 2142—2145: 王基, 王伋 и 王績 для Wang Chi; №№ 2220 и 2221: 王世貞 и 王士禎 для Wang Shihcheng и т. д. Следовательно, как будто, латинизация является в этом случае даже опасной, и гораздо более опасной, чем сотни Ивановых Иванов Ивановичей. Однако, во-первых, в том же биографическом словаре Джайлза мы находим примеры не только «односозвучных», но и однозначных (одинаково иероглифируемых) собственных имен, как например, №№ 42 и 43: 張君房 Chang Chün-fang для поэта VII века и для библиофила XI века; 張載 Chang Tsai для литератора III-го и для знаменитого философа XI века; того же типа будут: 王永 Wang Ch'ang (№№ 2136—7) для лиц X и XVIII вв.; №№ 2155—6: 王質 Wang Chih—IV и XI вв.; Wang Pa, 王霸 для трех лиц: I до н. э., II и VI н. э., и т. д. Таким образом, аналогия с Иванами Ивановичами Ивановыми может быть и в иероглифике (109). Кроме того, способы выйти из затруднений (хотя бы при посредстве порядковой нумерации) имеются и у нас, не хитро их изобрести и в Китае. Что же до разное иероглифируемых одинаковых имен, то во-первых, для людей, их знающих, они на слух не одинаковы; а во-вторых, практика жизни (а не конденсатор-словарь) (110) показывает, что подобные совпадения не так часты, как это кажется. Так, например, в совершенно случайном списке жителей Мукдена, выдвигаемых (111) газетой «Маньчжоу бао» («Манджурия») от

5 марта 1930 г. в количестве нескольких тысяч имен-фамилий, под одною из самых ходких фамилий 李 Ли имеем: Ли Дэсинь, Шутан, Чуньчи, Хожань, Ичунь, Шаошань и т. д., без повторов, — которые, однако же, возможны, хотя и не так опасны, как это кажется.

Следующее серьезное возражение говорит об обезличении латиницей слова, не только графическом, но и фоническом, особенно, если латиница будет латинизировать текст, а не транскрибировать его, т. е. не будет помечать тоны вовсе (как, например, у Страхова), предоставляя всю работу догадке слушателя-зрителя, и, таким образом, если будут просто писать: mei iu mei iu вместо mei² iu² mei² iu²; mai bu mai вместо mai⁴ ru⁴ mai⁴; kud liaobude, вместо ku¹ ti⁴ liao³ ru⁴ te² и т. д., — и этим создавать ряд двусмыслиц: «нет, нет!» или «нет керосина»; «покупаешь или нет» или «продаешь или нет»; «ужасно плохо» или «ужасно плачет» и т. д. Как известно, китайская звучащая речь имеет очень много даже обособленных слов, не говоря уже об их частях, иероглифируемых порознь, которые абсолютно созвучны, как, например, с одной стороны слова (в пекинском диалекте): Ли в «третьем» тоне 禮 приличие, 理 довод; се (в «первом» тоне): 歇 отдыхать, 蝎 скорпион, 些 несколько и т. п., с другой — иероглифы 禮 理 履 裏 李 里 裡 裡 (цитирую по словарю Stent-McGillivray, A Mandarin-Romanized Dictionary of Chinese, 1925). Кроме того, в латинице не транскрипционного типа эти списки увеличатся в очень много раз, и, например, через li (по тому же словарю) должны писаться латиницей 42 иероглифа, через i (или ji) — 62 и т. д. Таким образом, создается, как будто, ряд невозможных смешений, тем более, что число знаков в словаре McGillivray надо значительно увеличить, особенно при написании речи точной, образной и, вообще, языканной.

4*

На это возражение придется ответить в общем так же (хотя и в несколько расширенном масштабе), как и на возражения против русских созвучий (рог — рок; порог — порок; осел, все, ведение, полка, бороды и т. д.), английских (sun — son; two — too — to), французских (sang — sans; sont — son) и т. д., а именно, что словарное представление о слове, столь свойственное изучающим язык иностранцам, должно быть немедленно заменено представлением комплексно-контекстовым, т. е. надо утверждать, что, во-первых, ни одна в мире орфография не имеет в виду изучающих язык иностранцев, и что догадки, соединенные с уверенностью, свойственные всем владеющим данным языком, являются единственной реальной почвой, на которой все орфографии строились и строятся; что, во-вторых, трудно себе представить речь, состоящую из изолированных слов: буде же такая речь, действительно, имеет место, то, вероятно, лишь при полном соглашении на этот предмет (реальном или предполагаемом) говорящего со слушающим. Наконец, нужно для китайской латинизации допустить в сомнительных случаях тональные и другие обозначения, причем, вероятно, на тех же (может быть, лишь в несколько большем масштабе) основаниях, как и в русском языке (в большем масштабе; это не мука, а сущая мука; он понял, что ему говорили) (112) и т. п.

Однако, пока, вплоть до выработки латинизационной практики и до наступления соответствующей, под ее влиянием и давлением эволюции языка (в слышимом направлении), придется для научных целей еще долго пользоваться иероглификой. Так в упомянутом уже научном журнале «Народная песня» (Гяю) записи делаются сначала в иероглифах, и лишь потом в латинице (113).

Указывают теперь на возможное и даже обязательное разьединение диалектов и их групп, в особенности при установке

латинизации на диалекты, а не на среднее koine в роде гокуй'я, «национального языка». Однако, это положение, для китайских масс всегда фактически существовавшее, не более сложно, чем положение языков и диалектов в нашем Союзе, не имеющем объединяющего, господствующего языка; и при латинизации все те, кто должен будет знать тот или иной диалект, будут его изучать, как это делается в общем и теперь, ибо на иероглифике никто не говорит. Вопрос же письменного объединения Китая будет решен, по всей вероятности, на основании какой нибудь из слышимых форм речи, как на Западе.

Говорят, что особенно поучительны уроки Японии, Кореи и Аннама, которые доселе, несмотря на все старания (особенно в Японии) отделаться от иероглифики, этого достичь не могут (113а). Да, но в японской письменности, как известно, заимствованные китайские иероглифические сочетания подпали под столь сложную и твердую фонетическую привеллировку, что, действительно, и не взирая на все ставки на контекст, приходится признавать единственным выходом из положения — пока что — иероглифику. Но и в Японии все дело, по видимому, осложняется тем, что люди, получившие образование и руководящие писательскою средой Японии, не могут или не хотят сделать некий коллективный шаг к упрощению самого языка, ими употребляемого, ибо нет сомнения, что латинизация не может охватить само по себе пассивное туловище языка, состоящего из традиции и привыкшего к формуле больше, чем к подлинному слову. Впрочем, как не специалист в японском языке, высказываюсь пока не далее этого.

Скажут далее, что, например, сычуанец, получивший воспитание на своем диалекте и познакомившийся в процессе своего учения с английским языком, будет скорее гражданином мира, чем Китая, с которым его, при отсутствии иероглифики, ничто

уже связать не может. Но и здесь точно также практика СССР, в которой гражданином мира можно стать и без посредства русского языка, подскажет разрешение сомнений.

Во всяком случае, с уничтожением подлинно но односторонне объединяющей весь Китай иероглифики, остается, вместе с авторами и приверженцами китайской литературной революции, верить в осуществление их мечты о создании единого слышимого китайского языка. Но мне лично доказать возможность этого пока никто не сможет.

Однако, могут быть воззрения и другого порядка. Скажут, например, что можно в общем обойтись без сокрушительной реформы типа общей латинизации, если взяться энергично за всеобщее обучение, которое даст 100% иероглифически грамотных (как в Японии), и тогда нет надобности рассуждать о реформах. Однако, опыт СССР показал, как трудно бороться за ликбез, даже при наличности алфавитной письменности. Что же будет с ликвидацией безграмотности иероглифическим путем, — путем, который по своим трудностям (как достаточно указано выше) не идет ни в какое сравнение с алфавитным? Ведь ликбез в 40—50 занятий иероглифической не даст никаких ощутимых результатов, ибо раз не выучено тысяч 5—6 знаков, трудно рассчитывать на свободное чтение газеты (114), а между тем, алфавитный ликбез в течение этого числа занятий своего легко добивается.

Кроме того, одоление сразу трех языков: местного диалекта, «национального» языка и языка иероглифического — является, с одной стороны, категорическим требованием, идущим от иероглифистов, с другой — главным препятствием для просвещения масс, ибо никакой ликпункт с этими задачами не справится.

Однако, возразят, есть еще одна опасность, о которой следует думать перед введением латинизации. Ведь, в случае отхода

масс от иероглифики, не будет ли сейчас же и определенно подчеркнута пропасть, отделяющая владеющих иероглификой от ею не владеющих, и не создастся ли таким путем вместо демократического арха-аристократического характера реформы? Ведь, выйдет так, что к исторической культуре Китая и к возможности китайских объединений будут причастны только группы иероглифистов, в то самое время, когда массы, читающие и пишущие латинизированным порядком, останутся отрезанными от национальной базы.

Но, во первых, при введении латиницы в единую школу всякие такие грани сотрутся; во вторых, при общей переоценке старого наследия, в школу и в массы пойдет из него только немного, и то только в «переводно»-усвояемом виде, — в том именно, в котором это немного (весьма немного) попадало в массы и до сих пор (115).

Возвращаясь теперь, для большего уточнения, к вопросу о едином «национальном» языке, без установления которого, будто бы, латинизация не имеет никаких шансов, надо прежде всего сказать, что этот условный язык, основанный на пекинском диалекте, со многими взятыми из других диалектов (например нанкинского) отличиями, является и всегда будет для непекинских масс языком иностранным, и следовательно, для ликбеза непригодным. Далее, его успех даже среди школьников, которым он преподается, мало выразителен. Затем, что касается приспособляемого к нему особого, также «национального» алфавита, то успех его точно также невелик и еле поддерживается в школьных изданиях (и то чаще всего с параллельно идущей романизированной транскрипцией) (116). Кроме того, в смысле международного объединения (хотя бы чисто внешнего), вряд ли стоит сравнивать этот слишком националистический паллиатив с латиницей. В смысле же приспособления к диалектическим разли-

чиям, этот алфавит-силлабарий (ибо он состоит из букв и готовых слогов) окончательно несостоятелен, как ненаучный (не выдержан аналитический принцип) и неэластичный. Наконец, переход от кастового иероглифического языка к полукастовому, но все же достаточно изолированному от широкого пользования, «национальному» языку, вряд ли будет столь искомым и нужным облегчением.

Итак, вопросы объединения Китая на почве общего слышимого языка остаются вопросами, не разрешаемыми ни иероглификой, ни латиницей. Они выступают впоследствии с новой силой и при новой ситуации.

В. НАЧАЛА ЛАТИНИЗАЦИИ

ХIV. ПАДЕНИЕ ИЕРОГЛИФИКИ

Декретированное еще богдыханским правительством в 1905 г. уничтожение классического образования и государственных экзаменов, как единственного пути к правительственной карьере, проделало основную брешь в иероглифической твердыне, через которую в китайскую школу устремились новые (для Китая) науки. Это, впрочем, не сократило сроков ученья, ибо программа сразу же стала перегруженной, но при ничтожном количестве часов, отведенных под иероглифику, ей пришлось отступить с первого плана, и с этого момента начинается история ее падения. Действительно, если и прежде борьба за ясное понимание неясных китайских древних текстов (117), окруженных сетью друг другу противоречащих комментариев (118), и кроме того, нарочно оставленных без пунктуации там, где она более всего нужна (119), — если и прежде эта борьба была не под силу даже тем начинающим начетчикам, которые до 1905 года могли еще не считаться с международной современностью и не вводить ее в свои учебные программы, то с этих пор она просто прекратилась, и иероглифический язык стал преподаваться в таких дозах, что даже самые ярые новаторы, как например, Ху Ши и Лян Цичао, сочли нужным публично выступить против денационализации китайцев, дав свои минимальные программы чтения, могущего воспитать в китайце прежде всего китайца (120). Правда, эти «минимумы» могут быть названы только минимумами в кавыч-

ках, ибо неисполнимость усвоения этого бесконечного ряда названных книг ясна всякому (121), но факт недостаточности школьного образования для усвоения родного языка в его иероглифической форме всеми признан, и даже окончившие школу после 10—12 лет труда не владеют иероглификой с достаточной грамотностью (122). И в самом деле, достаточно взять школьный учебник, чтобы убедиться, что его объяснения могут быть даваемы только такому учащемуся, который по уровню своих знаний с прежним вовсе несравним (123). Еще более ярко эта недостаточность познаний сказывается на учебных словарях, которые от средне-школьного по уровню своему Цы Юаня (124) дошли до словарей, дающих объяснения на совершенно простом языке и, следовательно, рассчитанных на людей, основательно чуждых языку иероглифическому (125). Таким образом, если даже при организованном школьном внушении нет возможности приобщить школьника к иероглифическому языку даже в «минимальной» программе Лян Цичао и Ху Ши, то, значит, ликвидация массовой безграмотности на почве этого языка — дело и вовсе осужденное.

Кроме того, и сам старый иероглифический язык, который до начала XX века был верным и последовательным зеркалом тысячелетий, — так что писавший в XX веке, копируя в том или ином виде предшественников, мог бы ими быть понят за 20 веков до своей даты (126), — этот язык давно уже пришел в состояние сильного брожения, и то литературное изуверство, на которое еще в 1868 г. жаловался в своем цитированном выше Китайско-русском словаре В. П. Васильев, разбилось в потоке новых идей, которые сломали старые формы, столь тесно связанные со старым содержанием (127), и превратилось в средне-литературный стиль, который, если и можно считать иероглифическим языком, то уже не без оговорок (128). Во вся-

ком случае, для его одоления школьного учения достаточно, и через 10 лет после начала учения школьник может рассчитывать на некоторое овладение им. Что это снижение литературных условностей в иероглифическом языке, встретится с литературной революцией, требующей применения ко всякой литературе исключительно разговорного языка, сольется с последним течением, для меня несомненно, ибо в истории нет примеров переходов от более легкого к более трудному, как бы скептически ни относиться к этим элементарным оценкам вещей, в данном случае, и пока, исключительно литературных.

Что же, собственно говоря, перед нами происходит? Ведь ясно, что иероглифический язык в своей парочитой условности никогда не мог быть естественным выражением человеческой мысли, и, следовательно, к его одолению должны были вести какие то особые, лишние условности, нормальные стези. Действительно, иероглифические тексты всегда преподавались на живом диалекте учащегося; он и был тою единственно реальною силой, переведившей от себя и на себя все тяжести трехтысячелетнего иероглифического груза (129). Теперь, с падением классического образования и с торжеством упрощенного литературного слышимого языка (бай хуа), родной язык (в местной форме) освобождается от своей былой закулисной роли; с него сбрасывается маска и переводческая подчиненность господствующей иероглифике; принудительная работа превращается в свободную: общечеловеческий процесс, задержанный тысячами, вступает в свои права; и живой язык выходит теперь на арену свободного действия, в качестве непосредственного проводника китайского образования.

Теперь, если подвести некий общий научный баланс как иероглифике, так и алфавиту, можно убедиться, что иероглифика есть также некий исторически закономерный и высоко

ненным устремлением. Жизнь Китая сейчас кипит в политической борьбе, эксцессы которой сталкиваются с эксцессами всякого другого порядка, в том числе и с трудным наследием иероглифического языка и иероглифического процесса. Вслед за литературной революцией китайских демократов идет, конечно, борьба за массовое просвещение и за ликвидацию безграмотности. Полумеры, в роде «национального языка и алфавита», как уже выяснено, не дадут ликбезу почти ничего, и потому Китаю вряд ли удастся остановить свою политическую борьбу на этом полупункте, и никаким националистским увлечениям не удастся вовлечь массы в трудный и нудный иероглифический процесс. Наоборот, можно очень быстро и легко нарисовать себе картину пролетарской революции, устанавливающей совершенно иной порядок вещей.

Во первых, жизненное начало борьбы за латинизационный ликбез изойдет из совершенно ясного и давно проверенного положения, что всякая звучащая речь может быть записана аналитически, т. е. буквенным порядком. Следовательно, каковы бы ни были на этом пути трудности, — и если даже они будут напоминать английские или французские буквенные разлады и всяческие непоследовательности, условности, искусственности, то все таки они не будут и частью того трудного иероглифического процесса, суть которого можно уже считать достаточно выясненною.

Далее, не боясь никаких эксцессов и недоразумений, можно представить себе свободную и немедленную установку на диалекты, причем одна общая латиница будет обслуживать все диалекты (130), особенно если для каждого из них дать особое руководство пользования латиницей, что будет вряд ли сложнее руководств для латиниц: финской, английской, польской, испанской, французской и т. д. (131), которые, как известно, едва ли

развитой способ человеческого общения, который, в существе своем, вряд ли отличается от алфавита, ибо случаев перехода одного способа письма в другой, и притом довольно типичных — много. Если иероглифы в некоторых отношениях сложнее букв, то в других — они проще, как комплексы. В деле же физиогномирования слов, в придании им быстро схватываемых читателем определенных фасадов, — т. е. в процессе, наиболее всех ценном для быстрого и колоритного чтения, вряд ли можно настаивать на преимуществе одного способа перед другим. Все дело, значит, в исторически естественном отходе иероглифики с господствующими позициями.

Что до иероглифического языка, то к нему точно также нужно отнестись прежде всего как к историческому факту и наследию. На нем написано все литературное и научное богатство Китая (до последнего времени), и следовательно всякий, это культурное наследие изучающий, не может этот язык миновать. Нет и не будет ученого китаиста, не умеющего точно читать тексты, этим языком написанные. Так, можно себе легко представить, — ибо это частый факт, — человека, владеющего французскою речью и не имеющего о латинском языке никакого понятия, но невозможно считать такого человека ученым романистом, в частности, — историком французского языка, литературы, и даже просто нормальным преподавателем, могущим не только задавать и спрашивать, но и достаточно объяснять. Однако, и здесь все дело в историческом отходе.

XV. КАРТИНА БУДУЩЕГО ЛАТИНИЗАЦИИ

Как бы то ни было, научно-кабинетное взвешивание иероглифики на исторических и всяких других весах, с учетом всех аргументов как за нее, так и против, не может быть, как никогда и не было, тождественно с жизненным процессом и даже вообще с жиз-

даже во всех учебниках упоминаются, как восходящие к одному источнику. Этим путем ликбез достигнет непосредственного и высшего эффекта. В самом деле, какойнибудь Сычуаньский ликбез, проведенный в месяц (сроки зависят только от организации дела), даст стране гораздо больше грамотных, чем она имела для всех своих районов, может быть, в течение всех бывших веков. Если же сюда присоединить возможность, между прочим, вполне реальную, хотя и значительно более затрудненную: объединить однотипною латинскою письменностью сразу несколько диалектов, например, так называемых «мандаринских» и вообще северных, то цифры получатся вообще крупнейшие. Я бы пока не шел далее этих предположений и не увлекался бы так называемым «общим» языком некультурных масс (путунхуа), который есть язык не только слов, но и жестов и всяких других суррогатов слов и условностей, — так что охват его латинизацией выходит пока за пределы компетенции латинизаторов, не могущих охватить ничего иного, кроме слов.

Только латинское объединение реально объединяемых диалектов имеет шансы быть также реальным. Мало того, оно стоит на очереди, особенно для китайцев, живущих в СССР (одинаково с отдельными диалектами Китая). Никакой иероглифический ликбез этого дать не может, ибо если даже в хорошо организованной школе он не дает прочной грамотности ранее 10—12 лет, то для ликбеза массового, проводимого по условиям необходимости, и особенно на первых порах, вне школьных организаций, этот процесс даже просто немислим, ибо при нем слова и понятия, поступая к учащимся целиком, т. е. в готовом иероглифическом комплексе, нерасчлененными и нерасчленяемыми, не сложатся в полный набор слов-понятий с такою же быстротой, как в расчлененных единицах письма-буквах. Кроме того, никакими цифрами заученных иероглифов нельзя определить пол-

ной грамотности (132), в то время как комплект 24 букв уже определяет функциональное написание, могущее по силе вещей существовать и без рижидной, грамматически последовательной и обоснованной орфографии.

Но это все не более, как предпосылки. Самое же основное положение латинизации китайского шрифта — это ставка на политически новых людей, которые, ища грамотности, ищут вместе с нею не балласта и пут старого иероглифического наследства, окрашивавшего каждый иероглиф принудительными ассоциациями прошлого, а, наоборот, — свободы и эластичности, позволяющей оперировать словами в полной международной шире. Эти люди, в огромных массах устремляясь к легкому и естественному механическому процессу ликбеза, и больше не боясь «китайской грамоты», всегда их страшившей, создадут и новые приспособления и новые вкусы.

Так, старая китайская культура и связанное с ней классическое образование еще далее, чем теперь, уйдут в область воспоминаний, в роде, например, того классического образования, которое получило поколение пишущего эти строки. Как у нас допустима неполная грамотность (в смысле даже правописания) или употребление иностранных слов (даже таких, как граммофон, радио, трамвай, семафор) без всякого этимологического о них представления, так будет, вероятно, и в латинизированном Китае, где, например, замысловатая вывеска какого-нибудь торгового или иного предприятия, основанная на игре иероглифических цитат или полуцитат (133), останется (как впрочем, оставалась для неграмотных и всегда) абсолютно непонятной; иностранные заимствования, требующие знания иностранных языков (икс-лучи: айкэсы гуан; унция: ансы; роман: ланмань; морфий: мафэй, и т. д.), (134) будут восприняты, как и у нас, людьми, не знающими иностранных языков, как факты, и не

остановилось, но даже как следует еще не зафиксировано; прекратить его не удастся и, следовательно, в этой области весь иероглифический язык является культурным запасом, совершенно неисчерпанным в своих комбинациях, хотя и ограничивающим себя путем отхода от экзотических архаизмов.

Понятно, что, проникая в живую речь, все эти японизированные и другие новые выражения, термины, названия, не имея уже опоры в чисто зрительном охвате, дававшемся иероглифической, вынуждены будут, во первых, располагаться в латинизированной речи с большей определенностью, а, во вторых, при дальнейшем своем развитии, искать средств пополнения из тех ресурсов иероглифического языка, которые не отходят от живого обихода, и окончательно порвать с архаическими запасами. Таким образом, классический китайский язык сыграет до некоторой степени роль латинского и греческого языков, которые, уйдя из образовательных программ Европы, легли в основание ее культурных языков, но не всеми своими частями, а лишь некоторыми, притом беспрестанно повторяющимися (граф-, грамм-, лог-, факт-, -факт-, -физ-, и т. д.).

Тем же порядком, то есть пополнением из запасов иероглифического языка, пойдет и национальная часть программы будущего китайского образования. Лишившись возможности читать свою литературу в подлинниках, китаец будет читать ее в переводах, — в тех, например, о которых я уже имел случай говорить. При этом, образуется некоторый отбор, и далеко не все переводы будут читаться, а тем более, изучаться (137). Кроме того, потеряв в переводе на современный язык, — который не может быть ничем иным, как лишь приблизительным пересказом, — всю свою литературную коаксиацию: силу, образность, ритм и прочее, эти переводные классики примут (и уже приняли) довольно однообразный, бесколоритный вид, что позволит не

будут им казаться более причудливыми, чем те иностранные заимствования, которых был полон даже народный язык Китая до проникновения в него слов с латинского Запада (словатранскрипции: Будда-Фо, бодисатва-пуся, монах-сэн, виноград-пуао и т. д.; слова-переводы: Гуань Инь, фан янь-коу, хуа юань, ла тшэр и т. д.).

В связи с этим, и самые источники, составлявшие предметы старинного китайского образования (135), станут сами собой чужды образованию новому, как у нас Изборник Святослава, Слово о полку Игореве и др. Тем более отойдет в область преданий владение иероглифическим языком, которое, ведь, очень сильно напоминает владение в XX веке языком Остромирова Евангелия, и, конечно, в значительной степени более далеко от живой речи, чем даже этот памятник XI века от речи XX-го.

Однако, ясно, что дошедший до виртуозности старый иероглифический язык, уходя в предание, как классические языки Греции и Италии, оставит по себе в живой речи, зафиксированной в латинице, след, и притом, не только как на Западе, но и гораздо более значительный и жизненный. В самом деле, если, как неоднократно уже указывалось, наша речь по своему составу отнюдь не может быть названа чисто русскою (136), то и китайская современная речь давно уже перестала быть чисто китайскою. Так, уже указывалось мною, что японизмы есть не что иное, как выражения китайского иероглифического языка, примененные к европейской культурной действительности так, как она усваивалась Востоком. При этом некоторые из них пересажены целиком из старинного языка (например, 教授 цзяошю, профессор); другие представляют собою более или менее удачные, но понятные всякому грамотному иероглифисту комбинации, взятые точно также из старинного языка (например, 光帶 гуандай — световая полоса). Творчество это не только не

особенно задумываться над полнотою отбора их в программы. Как бы то ни было, в этом отношении дело латинизации уже сделано, ибо латинизировать эти по виду еще иероглифические переводы не будет представлять никакого труда, и, таким образом, эта чисто внешняя, механическая операция, покроет решительно все нужды национальной программы преподавания китайского языка и литературы, — во всяком случае, на первое время. Путь же развития этого процесса бесконечен.

Все это должно быть латинизировано на основе каждого отдельного диалекта, что создаст новую примечательную литературу, не говоря уже о том, что оно же вызовет к жизни целый ряд новых языковых явлений, доселе дремавших в народном сознании и заслоненных от жизни иероглифическою письменностью, которая всегда была враждебна не только провинциальному диалекту, но и столичному. Однако, и в случае более трудном, хотя и очень важном, который вместе с диалектами поставлен на очередь, а именно, в своеобразно обезличенном путунхуа («общий язык»), процесс всетаки будет не иной. Латинизатор при этом должен будет рассчитывать на догадку и инициативу читателя. Контекст становится мерилом всех вещей, и в общем вероятно латинизированный путунхуа будет всетаки не сложнее, нежели, например, английская орфография для учащихся англичан; и даже игнорирование тонов, которое, при отсутствии стройных схем диалекта, в путунхуа будет особенно затруднять, в силу все того же контекста (как указано выше), утеряет в значительной мере свою остроту (138).

Конечно, латинизация диалектов не приведет к объединению Китая, но это разъединение всегда было анекдотически реальным, и, в сущности, объединенными являлись только люди, получившие во всех частях Китая одинаковое классическое образование и то — только на письме (138а).

XVI. СФЕРЫ ЛАТИНИЗАЦИИ

Как было уже не раз сказано, латинизации, по общему правилу всех языков, может подлежать лишь та форма речи, которая обязательно понятна при громком чтении, — речь произносительно-слуховая. Из этого, конечно, следует, что китайский иероглифический язык, как построенный на демонстративном отчуждении от живой, слышимой речи, латинизации вовсе не подлежит. Следовательно, вся та китайская литература, которая входила (частями своими) в китайское классическое образование, а затем и в каталоги строго отсортированных и научных библиотек (139), т. е. литература классиков, историков (династийных, сводно-повествовательных, частных и др.), биографов, географов, библиографов, лексикографов, критиков, философов, писателей по разным специальностям (в том числе агрономов, медиков и др.), энциклопедистов (в широком смысле этого слова), религиозных писателей, поэтов всех времен и их критиков, драматургов (и даже тех, что писали частью на языке, близком к слышимому) — вся эта литература, вплоть до ее преобразования путем переводных пересказов в слышимую (140), останется вне сферы латинизации, которой, наоборот, будут подчинены все писатели, принявшие лозунги литературной революции, и потому пишущие на легко понятном и вполне слышимом языке. Таким образом, вся старая литература будет преобразована, по типу переводов «Слова о полку Игореве», и только в этом виде доступна латинизации. Точно также собрания сочинений старых поэтов будут доступны лишь в переложениях, типа «Собраний сочинений Гейне» и др., в русских переводах одного переводчика или коллегии их. Исчезнет форма и все связанные с нею стороны литературных произведений, но зато они впервые поступят в массовый обиход, и из кастовой замкнутости перейдут к жизни, —

5*

жизни, сильно, правда, запоздалой, но новой и, кто знает, какой еще в дальнейшем. Те же писатели, что не найдут себе читателей, останутся памятниками китайской литературы, которые будут всегда изучаться, хотя бы потому, что мысли и образы, умирая в одной форме, часто живут в других, не говоря уже о науке, которая охватывает все и во все эпохи.

XVII. АЛФАВИТ

Наилучше приспособленным к особенностям китайской речи, вероятно, является русский алфавит, ибо он, во первых, имеет особую букву для звука ы (в словах фын — ветер, сы — умирать, чы — есть и др.), чего не имеет латиница (140 а); во вторых, он имеет также отдельные буквы для тех китайских звуков, которые в романизации (латинской транскрипции) изображаются двумя буквами условно-паразитного типа (sh для ш в shao = шао = мало), иногда с добавлением диакритического знака (ch' для ч в ch'ao = чао = династия); в третьих, он имеет буквы, соответствующие соединениям йота с гласной, и в китайском языке изображающие слова-слоги (я, ром. уа, для 'я — зуб; ю, ром. уи, для ю — масло). Таким образом, можно было бы, взяв русский алфавит, избежать многих, и притом крайне досадных неудобств латиницы. Однако, принимая во внимание, во первых, многие недостатки русской транскрипции китайских знаков (141), которых было бы, между прочим, довольно трудно избежать и при новом применении русского алфавита, а, главным образом, то обстоятельство, что русский алфавит не имеет и не может иметь в Китае никакого успеха, заставляют русский проект даже не рассматривать, тем более, что для латинизации Китая не есть какое то новое поле и tabula rasa, ибо, как известно, и надписи всякого рода (почтовые марки и штемпели, железнодорожные названия и др.), и распространенность англий-

ского языка (вплоть до обязательности его, в качестве предмета, для всех школ) и многое прочее давно уже создали базу для латинизации, и создали ее очень прочно, так что даже искусственный «национальный» алфавит не мог ее упразднить, а, наоборот, скорее всего, упразднится вскоре сам. Наконец, что касается китайцев, живущих на территории СССР, то по общему правилу для национальностей, им полагается иметь алфавит, основанный на латинице и согласованный с «Новым Алфавитом».

Первою мыслью являлось бы, конечно, применение к латинизации последовательных фонетических норм, при которых каждому звуку, мыслимому как фонема, полагалось бы иметь особую букву, или, за недостатком ее, некоторую ее особую деформацию (142). Однако, и это научное предприятие точно также вряд ли имело бы успех в Китае, где, как уже было сказано, романизация пустила всюду глубокие корни, и где новая форма букв будет только стеснять и отпугивать, — и тем более среди китайских масс, лихбез которых вряд ли бы мог быть согласован с предварительной фонетической, требующей долгого времени и систематического преподавания подготовкою.

Кроме того, надо считаться с тем, что 90% китайцев, живущих на территории СССР, как китайские подданные, возвращаясь в Китай, должны иметь систему, которая имеет свои шансы в их стране. Поэтому, Комиссия по латинизации китайской письменности при Институте востоковедения АН СССР пришлось поневоле считаться с этим обстоятельством и постановить ограничить пределы латинского нормального алфавита.

Далее, как известно, в английской и французской, наиболее распространенных романизациях принято отличие полувзвонких p, k, t, ts, ch от глухих: p', k', t', ts', ch' при посредстве апострофа. Комиссия, основываясь на русской и немецкой транскрипционных схемах, а главным образом, в соотношении с диалек-

тами, где полувзвонкие превращаются в полновзвонкие, приняла схему: b-p, g-k, d-t, z-c, zh-ch, резко отличающую эти звуки между собою, тем более, что апостроф очень плохое и неудобное средство отличия вообще (143) и в частности на телеграфе, где он оплачивается, как целое слово.

Следующим соображением в пользу интегральной латиницы, без диакритических знаков, было желание ускорить и обобщить начало и весь процесс латинизации, исходя сразу же из комплекта букв обычной пишущей машинки (144), что, между прочим, дало нам возможность проверить наши положения о латинизации еще до печатания учебника.

Конечно, подобное ограничение комплекта букв скудной латиницей, не имеющей к тому же, диакритических ресурсов, не могло не поставить нас, и не один раз, в весьма затруднительное положение. Так, уже упомянутый мною недостаток отдельных букв для обозначения (ш), (ч), (чж) вынудил нас, как и в романизации, прибегнуть к лигатуре двухбуквенных соединений (sh, ch, zh), где буква h является паразитом, а остальные — условным отступлением от системы (144а).

Кроме того, вопрос йота вступил сейчас же в коллизии с вопросом (ы), и, обозначив последний звук, по общеславянскому типу через у, мы вынуждены были для йота прибегнуть к букве j, что, в свою очередь, вовлекло нас в обозначение известного, трудно дающегося европейцам (ж) в жань и (ж-р) в жэр, через r (145). Понятно, что подобное допущение целого ряда паразитов и нелогичностей вынуждено принятым самоограничением, и только. Однако, оно осложнено еще вопросом об обозначении тонов (хотя бы орфография и требовала их в минимальном размере), которое, избегая диакритических знаков по крайней мере для двух тонов, прибегло к двойным буквам (гласным для «третьего» и согласным для «четвертого» тонов: haao для 好 и mhaao

для 中) и сделало вопрос об эволюции дальнейших перемещений уже невозможным.

Во всяком случае, в алфавите установлена наибольшая простота и наименьшая условность. Оставшиеся неиспользованными буквы *v* и *q* пригодятся для орфографии иностранных слов (*Verdun, Quebec*), а также для передачи (в исключительных случаях) двух первых тонов.

XVIII. НАПИСАНИЕ И ПРАВОПИСАНИЕ

Несмотря на то, что латинизация китайской письменности, как идея и даже практика, — дело, начатое чуть ли не с первого появления европейцев в Китае, надо все же сказать, что эта ее первая форма, форма романизации, то есть транскрипции иероглифов, не отходя от иероглифов же (146), не удовлетворяет основной задаче нашей комиссии, заключающейся в создании не параллельного иероглифике, а единственного шрифта. Поэтому, с предположенным упразднением в целях массового ликбеза иероглифики, мы всетаки остаемся как бы перед лицом народа бесписьменного, ибо буквенной традиции китайская письменность, во всяком случае, никогда не имела, и в общем неизвестно, что легче: создавать ли письменность на ее нуле, или же создавать ее новую форму, имеющую вступить в тяжелую борьбу с такой многовековой и виртуозной письменностью, как китайская иероглифика.

Как бы то ни было, для нас, инициаторов (хотя и не прямых) этого дела, как, конечно, и для всех тех, кто глубоко понял эту идею освобождения от трудной, а главное — слишком специфической и слишком разобщенной с прочим цивилизованным миром письменности, ясно и всегда будет ясно, что всякое соображение якобы чуждой китайцам формы, столь резко отпугивающее инициаторов «национального» алфавита от латиницы (147), должно

влекли за собою весьма часто жизненные неприятности. Имеет ли теперь смысл построить новую китайскую орфографию, не имеющую исторически навязанных конфигураций, на грамматической основе, по примеру усталых от своей истории европейских? Вот основной пункт сомнения и раздвоения, диктуемых самим понятием правописания, которое требует установления правил, общих для всех и не допускающих отклонений. При таком положении вряд ли можно предусмотреть больше одного выхода из затруднения, и всетаки придется расчлнить понятие китайской орфографии на два элемента: элемент написания (применение алфавита) и элемент правописания (организованные приемы). Как и везде, первый элемент должен предшествовать второму, но не отличаться от него. Тем не менее, в отличие от других орфографий, имеющих в виду достижение абсолютной грамотности и не занимающихся вопросом первичного написания, при китайском ликбезе надо остановиться именно на этом первом пункте, с тем, чтобы строго последовательную и основанную на грамматических правилах орфографию оставить временно в состоянии инкубации, вплоть до ее выработки китайскими преподавателями латинизированной китайской письменности.

Дальнейшее размышление об этой двойственной орфографии и всяческие связанные с нею опасения привели меня, однако, к мысли об обосновании всетаки элементарной орфографии, которая, по моему, на время услаженного ликбеза с успехом заместит орфографию школьную и сложную, тем более, что, ведь, не существует на свете грамматических орфографий без их окончательного вердикта, в виде справочного орфографического словаря и, следовательно, даже элементарная орфография, с приложением этого справочника, есть уже нечто, приближающееся к решению задачи. Для большей ясности, систематичности и определенности я в дальнейшем изложу свой проект правил этой орфографии

быть устранено по принципу. В самом деле, того же опасения «чуждой» формы следует ожидать и при фонетической рационализации прочих латинских письменностей, не говоря уже о латинизации русской (148). Следовательно, нужно принять меры только к тому, чтобы новая форма письма имела наиболее приемлемое организационное начало, способное «чуждую» форму поскорее превратить в инструмент всем доступной письменности. Отсюда важнейшая роль правописания, как второго и самого существенного приема реформы, прошедшей первую, нехитрую для реформаторов, но нелегкую для начинающих стадию алфавита.

Однако, сложное само по себе предприятие выработки нового китайского правописания сразу же наталкивается на принципиальные разногласия, и оттого становится еще сложнее. В самом деле, европейские орфографии, — в том числе и русская, — основаны на компромиссе между сохранением исторической традиции, дающей чаще всего и зрительные нормы, и, с другой стороны, стремлением к некоторым упрощениям, которые отчасти диктуются более жизненными, фонетическими изменениями, отчасти же простым, хотя и условным улучшением техники (*labor, tho*). Ясно, что одоление подобной исторической орфографии тесно связано с изучением школьной грамматики, которую вообще надо так и рассматривать, как пособие к усвоению орфографии. Если при этом вспомнить, во сколько лет обходится подобное усвоение, то, например, Гротовская орфография требовала от моего поколения не менее 7—10 первых лет школы, ибо перейти в пятый класс классической гимназии с орфографическими ошибками было невозможно. Кроме того, едва ли не половина Гротовских предписаний, соблюдавшихся в школе еще строже, чем в оригинале (149), оставаясь спорною (по собственным оговоркам Грота), создавала еще более мучительные сомнения, которые

в виде параграфов, к которым буду присоединять по мере надобности аргументы и всякие другие примечания.

XIX. ПРАВИЛА КИТАЙСКОЙ ЛАТИНИЗИРОВАННОЙ ОРФОГРАФИИ (КЛО)

[Проект]

А. ОБЩАЯ УСТАНОВКА

§ 1. Наличие букв и знаков в латинском шрифте обычной пишущей машины принимается за окончательную. Никаких других букв и знаков не допускается, хотя бы целью пишущего и было дальнейшее, индивидуальное уточнение орфографически написанного.

§ 2. В виду того, что обычное понятие правописания, как общеобязательных правил для выбора и распорядка букв и знаков, тесно связано с твердым знанием школьной грамматики, — в данной системе КЛО оно подлежит пересмотру и значительному изменению (150).

§ 3. Это изменение должно заключаться в частичном перенесении труда, знания и даже инициативы, которые в европейских и русской орфографиях лежат исключительно на пишущем, — также и на читающего (151).

§ 4. Поэтому в основу всей дальнейшей установки КЛО кладется принцип первичного написания, т. е. обязательной понятности написанного — тот принцип, или этап, который в европейских орфографиях считается им предшествующим и само собой понятным.

§ 5. Таким образом КЛО может быть расположена как бы концентрически, причем во внутреннем круге помещается орфография понятности, а во внешнем — орфография грамматическая. Никаких существенных взаимных противоречий эти две системы допускать не должны.

§ 6. Непосредственно связанными с принципами понятности (151 а) являются принципы наибольшей простоты и наименьшей принудительности (152).¹

§ 7. В виду того, что КЛО предназначена лишь ко вполне слышимой речи, те недоразумения, что требуют вмешательства иероглифики, исключаются, и каждый пишущий принимает все меры к достижению полной слуховой понятности своей речи.

§ 8. При этой системе КЛО ясно, что грамматический ее фазис подлежит дальнейшим усовершенствованиям, идущим из практики вообще и практики преподавания КЛО в частности.

§ 9. Как примеры ограничения принудительности и развития широкой терпимости, можно выставить рекомендуемые уточнения при написании «предзвук», типа ng и ы (152а) (ыг для 兒 эр; ngai для 愛 ай); звука ые (сые для 車 чэ; хынг для 橫 хон); звука у (уу вместо iу и iуј для 兩 юй); и вместо w для uang 王 ван; j вместо i для ien 言 янь; kh, ph, th вместо k, p, t в 可 кэ, 皮 пи, 土 ту и т. д., не настаивая на них.

§ 10. И вообще вся КЛО должна вйти под флаг рекомендаций («лучше»), а не исключительной обязанности (153).

В. НАПИСАНИЕ СЛОВА

§ 11. Иероглифика разрешила вопрос написания слова в виде отдельных знаков — слогов. При этом она смешала понятие слова, существующее (хотя и в разных видах) у других народов, с иероглифом, который есть лишь часть слова, или, лучше — намек на слово (154).

§ 12. Поэтому, идущая на замену иероглифики КЛО, не имея истории и исторического наследия, подобных другим языкам и орфографиям, обременена наследием иероглифическим, с которым не считаться нельзя.

§ 19. В силу этого, а также по принципу наибольшей свободы и терпимости, предоставляется каждому пишущему по КЛО придерживаться или аналитической КЛО или синтетической, то есть, или делать самому только разбивку слов на слоги, предоставляя читающему связывать слоги и слова; или же, наоборот, во имя той же наибольшей понятности, вязать слоги в слова самому, предоставляя ответную аналитическую работу читающему.

§ 20. Таким образом, можно, например, написать фразу: 你偏教我吃吃不下得那飯 двумя способами: а) ni pien ziao wo ch ch bu sia cy de na ge fan; или б) ni pian ziao wo ch chbusiacyd ng fan.

§ 21. Из этого примера виден тип компромиссной КЛО, о котором говорилось в § 18. Вся остальная часть КЛО посвящается правилам среднего написания, то есть не механически аналитического с одной стороны, но, с другой, и не излишне синтетического, стремящегося соединить слоги в форму, неизвестную для привыкшего к слоговому мышлению китайца (158).

§ 22. В силу исторической традиции, которая, несомненно, выражает дух языка, нормой китайского слова, к которой стремятся все не-однослого, может быть определен двуслог (160), и КЛО должна бы к этой норме стремиться, т. е., например, писать лучше fangz (ы) litou, чем fangzylitou или fang zy li tou (159). Из этого примера, впрочем, видно, что ни та, ни другая система КЛО не нарушит основного принципа понятности. При этом можно суммарно рекомендовать отдельное написание предлогов (於 與 у, 上 shang, 在 zaj, 到 dao, 往 wang) и начально-падежных обозначений, вместе с начально-глагольными (把 ba, 用 iung, 拿 na, 給 gej, 要 jao), то есть писать так: Shang Shanghai cy; zai Tienzin; na shemm dana? Wo jao dao ta nrh cy; а для «последлогов»: 上 shang, 裏 li (l), 後 (頭)

§ 13. Это наследие обязывает составителя и фиксатора КЛО прежде всего к рассмотрению вопроса: нельзя ли сделать КЛО простым отражением иероглифики, то есть установить постоянно-раздельное написание всех слогов, составляющих китайскую речь, придя, таким образом, к идеалу аналитического, и, вместе с ним, оптического принципов орфографии.

§ 14. В пользу этого принципа говорит и статистика одно-слогов в китайской речи как письменной, так и устной (155), и история транскрипций китайской иероглифики как в Китае, так и в Европе (156). Кроме того, свести КЛО к этому типу написания значит упростить задачу КЛО до двух-трех правил.

§ 15. В силу этих соображений, а равно и в силу возведенного уже принципа факультативности, можно бы эту аналитическую и оптическую систему рекомендовать целиком, причем все правила КЛО будут исходить из написания скорее, чем из правописания, т. е. будут заключаться в простом применении алфавита к словонаписанию.

§ 16. Однако, при этой системе, написание слова, как понятия не столько аналитического, сколько синтетического, не решается, и придется рассмотреть еще систему синтетическую, или нотационную, при которой работа по собиранию слогов в смысловые их группы, именуемые, вообще, словами, ложится не на читающего, а на пишущего (157).²

§ 17. Эта система, как наиболее близкая к орфографиям других языков, слышимые формы которых не могут не быть близкими к формам китайской слышимой речи, рекомендуется и для КЛО.

§ 18. Однако, ни в одной из орфографий аналитической или синтетической принцип полностью не выдержан. КЛО, придерживаясь принципа наибольшей понятности, точно также должна вступить на путь компромисса.

§ 19. В силу этого, а также по принципу наибольшей свободы и терпимости, предоставляется каждому пишущему по КЛО придерживаться или аналитической КЛО или синтетической, то есть, или делать самому только разбивку слов на слоги, предоставляя читающему связывать слоги и слова; или же, наоборот, во имя той же наибольшей понятности, вязать слоги в слова самому, предоставляя ответную аналитическую работу читающему.

§ 20. Таким образом, можно, например, написать фразу: 你偏教我吃吃不下得那飯 двумя способами: а) ni pien ziao wo ch ch bu sia cy de na ge fan; или б) ni pian ziao wo ch chbusiacyd ng fan.

§ 21. Из этого примера виден тип компромиссной КЛО, о котором говорилось в § 18. Вся остальная часть КЛО посвящается правилам среднего написания, то есть не механически аналитического с одной стороны, но, с другой, и не излишне синтетического, стремящегося соединить слоги в форму, неизвестную для привыкшего к слоговому мышлению китайца (158).

§ 22. В силу исторической традиции, которая, несомненно, выражает дух языка, нормой китайского слова, к которой стремятся все не-однослого, может быть определен двуслог (160), и КЛО должна бы к этой норме стремиться, т. е., например, писать лучше fangz (ы) litou, чем fangzylitou или fang zy li tou (159). Из этого примера, впрочем, видно, что ни та, ни другая система КЛО не нарушит основного принципа понятности. При этом можно суммарно рекомендовать отдельное написание предлогов (於 與 у, 上 shang, 在 zaj, 到 dao, 往 wang) и начально-падежных обозначений, вместе с начально-глагольными (把 ba, 用 iung, 拿 na, 給 gej, 要 jao), то есть писать так: Shang Shanghai cy; zai Tienzin; na shemm dana? Wo jao dao ta nrh cy; а для «последлогов»: 上 shang, 裏 li (l), 後 (頭)

хон, хон (t) (ou), 外 (頭) waj, wajt (ou) и глагольных окончаний вместе с именными d (ы) 的, l (a) 了, z (ы) 子, (e)rh 兒, t (ou) 頭, m (ы) n 們 — слитно, например: Shushang cyandu sho mimbajl; muwaj dengzhn; tad ng fangz xwajl bu sh jangrh.

§ 23. В случае затруднений с двуслогом следует предпочесть всетаки раздельное написание. Например, лучше: hao bu hao, чем хаобухао; zi bu zin cy, чем зибузincy; ban daor shang, чем слитно; и т. д.

Примечание. Из всего вышесказанного надо заключить, что синтетическая орфография отличается от аналитической лишь моментами: в то время как синтетическая собирает для читающего элементы в слова, но заставляет его самого в то же время проделать необходимую аналитическую работу, — аналитическая делает эту работу сначала, и потом уже заставляет читателя собирать эти разрозненные элементы в словокомплексы. Таким образом, чем больше анализа у одной стороны, тем больше синтеза у другой, — и обратно. Но латинизация, приближающая формы китайского письма к международным, должна точно также ориентироваться на европейские орфографии, которые в общем стремятся к синтезу (161).

§ 24. При цитатах из иероглифического языка словосоединения не обязательны. Например, можно писать: zi shanzhy zia bi ju y cing (積善之家必有餘慶) и: zishanzhy zia bi ju ycing (162). Но попрежнему нельзя считать ошибочной и вторую форму написания, более синтетическую и подводящую мысль и понятность скорее первой.

§ 25. Особенно рекомендуется пользоваться малыми тире везде, где могут встретиться сомнения, и, таким образом, это будет как бы третьей компромиссной КЛО. Пример § 23-го пишем: hao-bu-hao; zi-bu-zin-cy. Большинство романизаторов (китайских и европейских) держатся именно этой формы. Однако, распространять ее автоматически на всякий латинизаторский текст

отною не следует, ибо это превратило бы латинизацию в механическую транскрипцию (163).

§ 26. Употребление тире рекомендуется также и сторонникам синтетической системы для разделения в двуслоги нагроможденных слогов, имеющих единый общий смысл, типа: xulixudud (ы); lwan-ci-bazaod (ы).

§ 27. Тире также призвано играть важную служебную роль при слогоразделе, могущем вызвать двусмысленность и требующем уточнения: p (h) i-ngao (в отличие от ping-ao и pin-gao; впрочем, эти сочетания скорее вымышлены), sing-an (а не ci-ngan) и т. д.

§ 28. Тире отделяет титулы от фамилий и прозваний: Kung-z, Ma-Siensheng, Yan-Ziaoshou.

с. написание тонов (164)

§ 29. Надо примириться с тем, что тональная система китайской речи не может быть полностью изображена средствами К.Ю, поскольку К.Ю не является в роли фонетической нотации. Но даже если бы она и могла подаваться точному изображению, она не должна была бы загромождать К.Ю, основным принципом которой является максимальная простота.

§ 30. Поэтому пишущему предоставляется полная свобода уточнять во имя наибольшей понятности свое написание тоникой. Например, он может написать так: xao tiee bu da dding; zhegkuzni sh maaid, sh mmaid? (165).

§ 31. Опыт показывает, что такие необходимые уточнения не часты. Пример их ненадобности: Tienzin iu ig da niaorhd, del izh dajen, sh mud. Na gungjen, je genzh ng rhen, feidao ta zialcyl. Пример этот не выбран. С другой стороны, вот примеры, где без тоникой не обойтись: zirh ziirhla; siaangd xen-si'angd xenssiangd xen; k'u zila-kun zila; iu ziige-iu zig и т. д.

§ 32. Для обыкновенной телеграфной передачи совершенно достаточно лишь обозначений третьего и четвертого (пекинского) тонов (maai, mmai). Однако, в целях более документальной точности, может быть еще введено буквенное обозначение второго и первого тонов через лишние буквы q и v (maq, maq).

§ 33. Все имена людей, а также дающие повод к сомнениям прочие имена пишутся, при надобности, и особенно в телеграммах, с обозначением тона (166): Liu' Jao' и Liuu Jiao, Sh'ansi и Shaansi, Liizinsian, Liisian, Llisian, Ziinsian, Z'insian и др. Практика вскоре выяснит ненужность тональных точностей для названий типа: Shanghai, Hankow, Canton, Peping, Swatow, и с ними целого ряда стереотипированных китайской почтовой практикой романизаций (Kashing, Hanchow).

§ 34. В виду крайней сложности вопроса о тембре гласных, подлежащих тонализации, попрежнему предоставляется пишущему свобода написания, tian и tien, moq и moog, kao и kau, tiooz и tiauz, — в предположении, что контекст для владеющих китайской речью (а латинизация делается исключительно для них) всегда спасает положение, и что тональное обозначение, в случае нужды, также придет на помощь. Пример: ding xaoz siao m'aoz, maai ggui bu ggui? Этим отличим написанное от фразы: ding xaoz siao mmaoz, mmai ggui bu ggui? Тембральное обозначение этой фразы было бы, например, такое: ... moog, mae (mmae) gue bugue.

В этой статье К.Ю личному вкусу пишущего должно быть отведено самое большое место, тем более, что, как сказано в начале статьи, она слишком сложна для выработки определенных, точных директив (167).

§ 35. Все вышеизложенное относится к К.Ю всех диалектов, имеющих, кроме того, каждый свою особую инструкцию.

д. вопросы внешности

§ 36. Во избежание нарушения внешности слов, можно принять за правило писать предлоги (см. § 22) отдельно, а послелоги присоединять к стоящему перед ними слову.

§ 37. Все служебные слова, могущие до некоторой степени играть роль агглютинаций и флексий, как то: 的, 子, 頭, 兒, 們, 了, 個, 着, 死, 呢 и др., имеющие, в силу своего положения, неясный гласный звук, лучше писать вовсе без гласного, считая согласный слогаобразующим и присоединяя его к слову, на которое агглютинация наращается, то есть, писать так: wod, maoz, iat, marh, tamn (и, значит, tamnd), chyl, san-g (непременно с тире), liangg, nazh (и, значит, nazhn), cis (iiaos, das), shemn и т. д. Этим, помимо указанного, достигается наибольший зрительный эффект, ибо сохраняется ясный фасад слова, что для читателя, несомненно, более важно, чем дальнейший рост слова вправо (168), а этот последний дает возможность инкорпорировать в него функциональные частицы, и этим существенно способствовать словособиранию, характерно отличающему латинизацию от механически аналитической транскрипции.

§ 38. Сюда же надо отнести энклитики, типа: zhg 這個, ng 那個, nm 那麼, nrh 那兒; — zhg (или ng) shemd? nmzh xai sho shem(m) xwan?

§ 39. Иностранные собственные имена, как и во всех других языках, пишущих латиницей, или транскрибируются по местному произношению в данном диалекте (Bali, Bolin, Moske, Suweija), или же транслитерируются по оригиналу, сохраняя его (Nice, Hull), или, наконец, переводятся (Su Lian) (169). Малоизвестные имена людей и мест — исключительно в оригинале (Woodhead, Reading), или его латинизованной транслитерации (Sistovo, Stalingrad, Pskov, Kuibyshev).

§ 40. Во всех других случаях, подобных предыдущим, транслитерация вообще должна играть главную роль.

§ 41. Буквы q и v, не участвующие в латинизации, кроме применения их в тонике (§ 32), сохраняются в иностранных именах (Varna, Quebec). R восстанавливает свое латинско-европейское значение в Paris, Reims.

§ 42. Со введением в употребление латиницы, можно предвидеть буквенные сокращения, недоступные иероглифике, типа BX (= Bei Xan = Péhan = 北漢 = Пекин-Ханькоуская ж. д.), ZD (= Zhung Dung Tielu = 中東鐵路 = КВЖД) и др.

§ 43. Большие буквы, в целях оптического охвата и различения, весьма рекомендуются для обозначения всяческих собственных имен, цитат и т. д. Можно утверждать, что немецкая орфография, требующая большого количества прописных букв (для всех существительных), внесла бы много ясности и в китайскую латинизованную орфографию, которая, конечно, во много раз труднее немецкой, и вообще, по трудности будет первой в мире, хотя и сменит еще труднейшую иероглифическую.

§ 44. Собственные имена китайцев пишутся так: отдельно фамилия, и вместе слоги, входящие в имя или в пзы («courtesy name») или hao (ученое прозвание): Liang Cichao, Zhuge Liang, Skung Biao sheng (170).

е. знаки препинания

§ 45. Рекомендуется вообще обилие знаков препинания как европейских, так и китайских, типа уже введенного в Китае, за исключением тех, которые имеют в виду вертикальный (отчасти и горизонтальный) иероглифический текст и представляют собой адаптацию европейских знаков препинания к неевропейскому тексту (171).

§ 46. При этом в первичной фазе латинизованного текста надо рекомендовать знаки препинания (запятые) применительно к ритму речи, в том числе и к отчеркиванию сложных подлежащих по известному китайскому типу. Например: Wu go zin sh wensyehz da bing, zai y ienzh wu wu (Xu Sh wen sun, I, 1,8). «Большой порок нашей современной литературы (запятая!) заключается в том, что слово остается неконкретным». (Собр. сочинений Ху Ши).

Само собой разумеется, что особо выразительная речь требует и особо выразительной системы знаков препинания, которые остаются потребностями вкуса. Например: Wo shosh, ng ghenna, ni siang, kaodezhu-kaobuzhua?! (Я говорю: подумай, — тот человек, — ну, заслуживает ли он доверия?)

Вообще, рекомендуется помнить, что пунктуация в китайском тексте имеет и должна иметь гораздо больше значения, чем где бы то ни было, и потому ее надо, при обучении, всячески пропагандировать, — но, конечно, без громоздких правил и строгостей, замечаемых, например, у Грота, где правила пунктуации занимают 20 страниц: этого даже для школьной, организованной выучки было слишком много; для ликбеза же и вовсе неприемлемо. Надо бы личному вкусу оставить большой простор.

§ 47. К правилам переноса пужно также отнестись без излишней строгости (у Грота они занимают 3½ страницы!): они никому не должны мешать, ни пишущему, ни читающему; наоборот, их надо всемерно использовать для целей понятности. Ясно, ведь, что никому не придет в голову переносить t-iao, s-ang! Как общее правило, надо рекомендовать полное воздержание от переносов внутри однослогов.

§ 48. К знакам препинания надо бы отнести абзацы, которые, вместе со знаками препинания, должны бы изобиловать, в целях все той же расчлененной понятности текста.

6*

§ 49. Для окончательного выяснения орфографических правил и для справок готовится особый словарь К.ЛЮ, который, разумеется, каждый раз приспособляется к особому диалекту.

§ 50. Предполагается, что настоящие положения о К.ЛЮ будут переведены на китайский язык и послужат базисом для дальнейших реформ и усовершенствований.

XX. ПРЕДШЕСТВЕННИКИ ПО ЛАТИНИЗАЦИОННОЙ РАБОТЕ

Если не считать латинизационных работ христианских миссионеров, как слишком узких, специфических и притом мало научных, то основоположником научной латинизации надо считать авторитетнейшего синолога-лингвиста, проф. Карлгрена, который в своей прекрасной лекционной статье («The Romanization of Chinese», a Paper read before the China Society on January 19, 1928) пропагандирует то, что он называет «третьей системой романизации», популярной и предназначенной «для самих китайцев, для создания ими новой разговорной литературы, для газет и т. д.» (стр. 2). На стр. 21 он замечает, что эта третья система кажется ему самой рациональной (the most reasonable). «Однако, замечает он в заключение своей статьи, быть может, для западных людей напрасный труд экспериментировать с ней. Сделать хорошую (вторую) романизационную систему — дело западных синологов. Но выработка хорошей, практической третьей системы для новой разговорной литературы в Китае должна быть задачей исключительно самих китайцев: они то и должны решить, насколько они готовы прислушиваться к европейским фонетистам. Здесь, как и в других областях и отношениях, китайцам надо предоставить право выковывать свою собственную судьбу, вне излишних иностранных вмешательств. Но мы можем и должны проявить к их делу горячую симпатию, и наблюдать за их успехами с живейшим интересом».

Приложенные к статье фонетически-транскрипционные схемы и образцы латинизации не вызывают, конечно, никаких принципиальных возражений, и только обилие лишних букв и диакритических знаков мешают нам принять ее в целом.

Кроме того, вся задача и все «вмешательство» в китайские дела в нашем политическом аспекте совершенно иные, как достаточно уже объяснено выше (171 а). С этой стороны нашим непосредственным предшественником является тов. Страхов (172), с его «Китайской латинизованной азбукой» (Zhonguo latinhua di Zemu), появившейся в 1930 (Москва, КУТК), упомянутой выше и о которой, наконец, надо поговорить подробнее, тем более что эта книга мне была прислана Издательством КУТК с просьбой принять меры к ее распространению (173).

Основной положительный признак, по которому эта книга заслуживает упоминания, это политические обоснования китайской латинизации, которые до известной степени приняты Комиссией, и связанные с этими обоснованиями вопросы, поставленные на очередь и так или иначе решенные. Однако, этим, пожалуй, и заканчивается значение книги, ибо она страдает рядом крупных недостатков, заставивших московских, и затем ленинградских китайцев пересмотреть весь вопрос наново.

В самом деле, если начать с самого заголовка книги: «Китайская латинизованная азбука», то оно вряд ли удачно, ибо создает неопределенное представление, вплоть до ознакомления с ее «Сравнительной таблицей китайской латинизованной азбуки со старой азбукой и транскрипциями: английской (по Wade'у) и русской (по Палладию)». Следовательно, идет речь о придании латинской формы «национальному алфавиту» (чжуншэцзыму), что, между прочим, давно было сделано самими авторами этого алфавита. Таким образом, ставка делается на имеющий

объединить Китай «национальный язык» (го юй), что видно также из принятых т. Страховым транскрипций, и к его словам (стр. 19) об «общераспространенном жарго (!) (путунхуа), который в настоящее время уже выработался в Китае и который, на первых порах, может служить критерием для общего языка во всей стране» нельзя отнестись с полным доверием, ибо этот неопределенный язык не может создать никаких определенных норм, — в частности транскрипций (173 а).

Даже все то новое, что можно было бы приветствовать в этой книге — вовсе не ново, и тов. Страхов о своих предшественниках, повидному, ничего не знает, а, ведь, если бы он знал, то его в общем здравые суждения о слове и тоне, не говоря уже об упрощении всей схемы, были бы, наверное, основательнее. Так, например, не говоря уже о вовсе странных фразах, в роде такой (стр. 18): «иероглиф совсем не то, что носит название «word» в иностранных языках (!)» и очень многих других, ей аналогичных, представление т. Страхова о слове, и особенно его ближайшие параллели (например, о смешивании китайских слов, по аналогии с английскими «internation» и «consolidation», имеющими одинаково звучащее окончание) крайне неудачны и странны. Их, конечно, не было бы, если бы автор был в научном курсе дела как китайского (труды китайских лингвистов: Цянь Сюаньтуна, Лю Фу, Линь Юйтана и других), так и европейского (проф. Карлгрен, проф. Поливанов, А. А. Драгунов и др.). Но, конечно, не надо быть и в курсе дела, а просто вздуматься в основы своей реформы, чтобы не утверждать, что «в современном китайском языке и письменности иероглифы являются не более, как слоговым обозначением (силлабом), но отнюдь не словом», ибо иероглифы: 鹽 янь, 去 джу, 臉 лян, 馬 ма и др. отражают именно в письменности полноправные фонетически слова, а не силлабы.

Впрочем, из дальнейшего изложения (например, из первой же, после вступления, латинизованной статьи, на стр. 25) не трудно видеть, насколько в этой книге, имеющей быть поучительной, деловое понятие слова находится в безвыходно хаотическом состоянии. Так, например, где основание соединять в одно слово: haosian = хаосиан 好像 = «очень напоминает», — когда, не говоря уже о всех других орфографиях мира, выделяющих слово «очень» в отдельное, в самом китайском языке ряд аналогичных выражений (hao ku, hao heng 好苦, 好横) не допускает инкорпорации hao в сложное слово. С другой стороны, — почему послелог li = 裏 = «внутри, в», весьма часто, как известно, произносимый энклитически (l), вдруг, в соединении giatan li (= ziao tangl = 教堂裏), тем более с дальнейшей агглютинацией (почему то пропущенной в латинском тексте) di, и в значении просто: «церковный» — вдруг стало отдельным словом? Далее, на той же строке, в отдельное слово превратилась и сама агглютинация di (的). Тут же, затем, вдруг инкорпорируются в одно целых три слова: 甚至於 «shenzheju» = шэнь чжи юй = «в особенности, когда доходит дело до» (или: «особенно, что касается до...») Такими примерами несостоятельности кишит вся первая статья и, конечно, предыдущая и последующая. Отсюда ясна вся опасность книги.

Еще страннее суждения автора о китайских тонах (стр. 20 и 21), подвергнутых им, будто бы «исследованиям», в результате которых, говорит он, и «основываясь на анализе пяти тонов, я теперь признаю, что в практическом применении они представляют собой ничто иное, как «интонации» и имеют нечто общее с ударениями в иностранных языках». Можно утверждать, что, если, действительно, «много китайских и иностранных ученых затратили на его (вопроса о тонах) разрешение всю свою энергию, но тем не менее все еще нет сколько нибудь удовлетвори-

тельного и понятного объяснения смысла их существования», то, во всяком случае, есть научные их теории (Karlgren, Лю Фу), не позволяющие смешивать тон с ударением. Однако, отказавшись сначала от обозначения «столь незначительных различий, которые вносят тоны в звучания слов», т. Страхов пришел все же к этой необходимости, и, например, предложенное им обозначение 3 и 4 тонов нашею Комиссией принято.

В этих двух главнейших статьях латинизации книга т. Страхова безнадежна и подлежит полному отвержению. Кроме этой принципиальной стороны дела, она, вообще, составлена крайне небрежно, что лишает ее, собственно, всякого дальнейшего внимания. Для того, чтобы в этом убедиться, стоит лишь просмотреть уже упомянутую «Сравнительную таблицу китайской латинизованной азбуки» (стр. 31), где юй смешано с ю, о с э, и. т. д.; многое пропущено, многое непонятно, — и особенно грешат определения и написания звуков на стр. 23, основанные на полном пренебрежении к существующим на русском языке превосходным определениям их (проф. Поливанов). Сюда же надо отнести постоянные отступления от принятой системы (например, в вопросе об употреблении диакритических и других знаков), противоречия и непоследовательности. Последние в особенности удручают. Выходит, что слова 人 жэнь и 生 шэн имеют одинаковое окончание (jhen — shen), как, далее, 有 ю = iu и 手 шюу = shou (jou — shou). Если е (é) равно э русской транскрипции (и точнее, как верно указано, — ыэ), то каким образом после ряда букв эта же буква стала вдруг изображать ы? Если ае = ай, то почему еі = эй? Если 活 есть huo, то почему созвучные ему 多 и 說 будут только do и sho (Влияние гоюй'я)? В особенности же неудачно тенденциозное смешение переднего и заднего н, дающее, например, аналогичные транскрипции 看 kan и 堂 tan, что смешивает все карты и ни в каком случае не

допустимо. Наконец, одно и то же слово 教 в одной и той же строке пишется giao и diao.

Все это заставило нас пересмотреть наново все вопросы латинизации. Остается пожалеть, что не пришлось воспользоваться по настоящему книгой т. Страхова, полной неясностей и неверных утверждений, и которая, по словам критика Хэо Баху («Гунжэньчжи лу» от 14 VI 1930), «желая упростить латинизацию во имя удобнейшего овладения ею пролетарских масс, наоборот, злоупотребив упрощением, повергла их в неожиданные затруднения, и именно своею бессистемностью и беспринципностью».

Остается отметить еще появление «Букваря для взрослых — Новый путь — на дунганском языке» (2-ое изд. 1930 г.), без иероглифов, но в латинизации, подлежащей значительному улучшению, на основе общевыработанной схемы.

XXI. РАБОТЫ КОМИССИИ ЛАТИНИЗАТОРОВ В АН СССР

Взяв на себя организацию латинизаторского дела, ученые работники АН СССР имели в виду не пионерство, для которого в этом деле было места мало, но, скорее, завершение своих в нем работ. Хронологически излагая дело, автор этих строк, начиная с 1910 г. преподавал в бывшем СПб Университете, и затем в Восточном Институте, пекинскую речь (без иероглифов) по фонетически-нотационным текстам, записанным во всей возможной точности и проверенным на нескольких туземцах, живших в Пекине же (174). На этих текстах были мною впервые изучены основы и границы китайского слова, а также тональная действительность, в зависимости от ударений (175). Латинизация является (хоть бы для данного диалекта) лишь упрощением сложной и стремящейся к точности нотации, и переход к преподаванию латинизованных текстов естественен. Теперь, поскольку в нота-

ционных текстах я представлял аудитории реальную сущность языка, постольку теперь, в китайской латинизованной орфографии, я представляю ту же сущность, но в орфографическом, и поэтому, весьма условном виде. Однако, не смотря на всю условность своего представления, преподавание латинизованного китайского текста имеет важнейшие отличия и преимущества. Во первых, таким образом впервые китайский язык преподается, как все языки, на базе разговорной речи, с аналитическим, алфавитным к ней подходом; и так как латинизованная китайская письменность во многом (хотя и по разному) напоминает английскую, то одоление ее впервые представляется делом нормальным, тогда как иероглифическая орфография, лишая слово сразу же конкретного характера и представляя его в иероглифе, который долго, целые годы потом кажется анархической лотереей всевозможных значений, — зачастую приводила учащихся к отчаянию. Правда, что это отчаяние имело, помимо иероглифики, и другие корни, но видною всем причиной была всегда именно иероглифика. Далее, латинизация выводит учащегося из тупика, в котором он часто находился (или думал, что находится), зная иероглифы (или думая, что знает их) и не видя возможности «склеить» их в смысл. В латинизованном тексте нет этой симуляции знания, ибо неизвестное и выглядит неизвестным, а слова, пишущиеся одинаково, не могут создавать иллюзии знакомых вплоть до освоения контекста. Следовательно, в латинизации контекст играет еще большую, хотя и нормальную, опять таки, для всех языков, роль, но на этот раз без иероглифической симуляции. Кроме того, исключительная установка на звучащую речь, вне сферы действия иероглифического языка, помогает окончательному выходу из всяких тупиков. Вместе с тем, сумма конкретных знаний (усвоенных слов и идей) действует гораздо увереннее, чем в иероглифической орфографии, и, вообще, как

уже сказано, понятие нормального преподавания китайского языка становится, как будто, все более и более ощутительным, особенно, при выработке твердой постепенности в переходе от легкого к трудному, которая в иероглифике была всегда под вопросом, ибо от легких текстов с конкретно-определенными значениями иероглифов переход к трудным, где принцип обратен этому (где иероглиф был принципиально неуловим, вплоть до его сочетания с другими), был, по крайней мере лично для меня, весьма сомнительным.

Наконец, иероглифика, лишенная своей доминирующей орфографической роли в самом начале изучения китайского языка, усваивается в новом аспекте и как-то лучше оценивается, с точки зрения ее использования и исторической сущности. Меньше шансов решать задачи со слишком многими неизвестными, ибо латинизованная письменность нейтрализует внешность языка, обращая внимание на существо дела, а с подобным, уже усвоенным подходом к языку, обращение с иероглификой станет более нормальным, чем раньше, когда, при чтении иероглифического текста, одновременно решался ряд задач: и формальная, и смысловая, и оценочно-колоритная (177).

Таким образом, со введением в преподавание китайского языка латинизованных текстов, можно представить программу их в таком виде. Сначала, учение о китайских звуках и фонетическая студия, состоящая в чтении и написании нотационных текстов; далее, такого же порядка тексты латинизационной орфографии (разговорная речь) (176); затем, переход к иероглифической орфографии, определение двух крайних типов китайского письменного языка и промежуточного (байхуа); в связи с этим, латинизация байхуа, и наконец, педагогически (иногда и практически) важная латинизация легкого ваньли (179). Латинизация, таким образом, должна преподаваться параллельно иерогли-

глифике и постоянно корректировать недостатки, связанные с преподаванием исключительно иероглифических текстов.

От учащихся латинизационная система и практика требует приблизительно того же, чего потребовало бы изучение ими английского языка по известной международной фонетической транскрипции (например, по текстам Джонса, Римана и др.), но без фонетического словаря Джонса, соответствующего которому для китайского языка пока еще нет, ибо алфавитные словари (например, McGillivray) далеки и от полноты и от точности (178). Однако, кратковременный опыт показал действительность и этих пособий, хотя потребность в большом фонетически-латинизованном словаре (особенно — международного содержания) ощущается весьма остро.

Таким образом, латинизационная работа нашла себе практическое выражение у китайцев, учащихся и учащихся, раньше, чем у китайцев, что и естественно, — как будет, например, также естественно, что первыми латинизаторами русского шрифта были и будут иностранцы, которые изучали и будут изучать русский язык в латинизованном виде без всяких затруднений, легко могущих появиться в русской среде.

Остановившись на своей деятельности исключительно по хронологическим основаниям, я должен теперь указать на исключительно коллективный характер всего латинизаторского предприятия, который оно приняло осенью 1930 года, когда сформировалась Комиссия, о задачах которой было сказано ранее. В ее состав вошли, прежде всего, те ленинградские китаеведы, для которых фонетическая студия была органической частью их китаеведной научной подготовки, и которые, в силу этого, в латинизаторскую деятельность были вовлечены систематически, а не случайно и приуроченно. Один из них (А. А. Драгунов), преемствуя от меня ведение фонетической студии и усовершен-

ствовав ее, также перешел от нее к латинизации начальных (и даже более сложных) текстов, и также считает, что воспитательность этого, казалось бы, всегда нормального приема не подлежит сомнению. Кроме того, его роль в Комиссии, как китаиста-лингвиста и секретаря, является, вообще, исключительно. Другой (Б. А. Васильев) летом 1930 года собрал среди дунган материалы для улучшения их латинизаторской схемы, построенной до сих пор в отрыве от обще-китайского фонетического комплекса, и ликвидировал этот отрыв своим участием в работах Комиссии. Третий (по счету, отнюдь не иерархическому) — Ю. К. Щуцкий, китаист, изучающий, вместе с А. А. Драгуновым, южнокитайские и индо-китайские наречия и языки, своим участием в работах Комиссии дал возможность учесть многие факты этих языков, имеющие большое значение. Он же является обоснователем нового учения о иероглифике, к сожалению, не отраженного в нашей коллективной записке, имеющей скоро выйти в свет. А. Г. Шпринцин, изучающий шаньдунское наречие и его преломление в метисовых говорах Дальне-Восточного Края, участвует в Комиссии, как эксперт по русско-китайским языковым переплетениям, и, вместе с А. А. Драгуновым ведет экспериментальную латинизацию среди китайцев рабочих Ленинграда, в целях усовершенствования наших приемов и реальной пропаганды латинизации, без иероглифики. Мы надеемся этим путем ближе всего подойти к полноте осуществления наших задач. Все другие члены нашей Комиссии, ленинградские китаеведы ленинградской школы, своим участием и работами дают нам право считать себя действующими в полном составе налчных сил.

XXII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение, мне остается кратко формулировать все вышесказанное как в основном тексте, так и в примечаниях.

Латинизация китайской письменности, то есть изображение китайской звучащей речи (а не иероглифического языка) латинским шрифтом, исходит из общего принципа для всех подобных предприятий, с упрощением выбора букв и правил орфографии до минимума. Предполагается, что латинизацией в первую очередь будут охвачены рабочие и крестьянские массы китайцев, живущих на территории СССР, а затем и советского Китая. Эти массы, на основе латинской письменности и в отрыве от архаической иероглифики, смогут получить современное культурно-политическое просвещение в кратчайший срок. Иероглифика же остается для изучающих китайскую культуру китайцев и иностранцев, и, кроме того, еще на неопределенное время, не изжив себя в Китае вплоть до политической перестройки, она будет пребывать в стадии эволюции и питаться растущим, как снежный ком, катящийся с горы, фондом международной культуры, а в то же время охватит его своею архаичною формой. И когда это содержание утончит своим объемом исторические стенки графического создания веков, осмос совершится уже без труда. Но латинизация призвана этому неизбежному процессу помочь, не дожидаясь фазисов его эволюции, путем революционным, и массовое просвещение втянет в себя все то многое и сложное, что сейчас борется и за реальные ценности и за их функции.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

После того, как эта книжка была уже написана, в Москве состоялось совещание ВЦК НА, принявшее выработанный нашей комиссией алфавит, с некоторыми изменениями, которые могут отчасти почтяться удачными, как например, введение X в обозначение начальных задних (хар, хей), на чем настаивал и я в Комиссии, ибо этим подчеркивается условная паразитность h в лигатурах sh, ch и zh, — иные же серьезно осложняют дело китаиста, в угоду призрачным «общим» удобствам. К их числу особенно относится нулевое обозначение y (sh вм. shy, ch вм. chy), буква которого занята под V, и потому, тональности shy, chy, zhy, cy и т. д. обозначить совсем невозможно. Менее серьезно введение паразитного h в gh для г (гу, геп) которое, с практикою, легко отпадет. Я попрежнему считаю приемлемо только версию, выработанную нашей комиссией.

Тем не менее проект окончательно утвержден на первой конференции по латинизации китайской иероглифической письменности, состоявшейся во Владивостоке 26—29 сентября 1931 года. А. А. Драгунов, принимавший видное в ней участие, сообщает мне, что на ней были приняты важнейшие решения, в роде обязательного введения латиницы с этого года во всех школах, печатание учебных пособий и книг латиницею, организации ликбезов на ее основе и т. д. Все это является заключительным и наилучшим аккордом к настоящей книге.

В. Алексеев

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) лин — слуга, начальник, закон, велеть, почтенный, ваш, прекрасный; цзе — колено бамбука, статья, время года, целомудрие; на — тот, где, который, как, что; цзе — граница, чешуя, посредник, твердый, помогать. — При этом, можно указать (напр., по перечням самого серьезного современного китайского одноязычного словаря Чжун-Хуа да цзыдянь) ряд иероглифов, имеющих больше 20-ти (напр. иероглиф 上 шан — верхний), — сорока (напр. иероглиф 中 чжун — средний) и даже пятидесяти значений.

(2) В «Китайско-русском словаре» Палладия Кафарова и П. С. Попова (1888) под условною формой написания, или чтения (транскрипцией) И значится 210 иероглифов различной формы и, конечно, различных значений. Так же обильны отделы чтений: си, цзи, ци, чжи, и др.

(3) Все европейские учебники китайской истории до сих пор основываются на пересказе манджурского перевода китайской сводной (хронологической) летописи, так наз. Цзычжи тунцзянь ганму, сделанном французским иезуитом де-Майя (J. A. M. de Moyriac de Mailla) в начале XVIII века и опубликованном в 1777—1785 годах (Histoire Générale de la Chine... traduite du Tong-Kien-Kang-Mou...). Таким образом, манджуров, придавших китайскому материалу осязаемую для иностранцев форму, надо считать подлинными отцами синологии. Кроме того, все первые русские попытки (и не только русские) китайско-русских словарей (Иакинф Бичурин, Захар Леонтьевский и др.) мыслились исключительно при посредстве манджурских переводов (см. рис. 1). Наконец, до сих пор, особенно в Германии, манджурскому переводу китайского текста придают

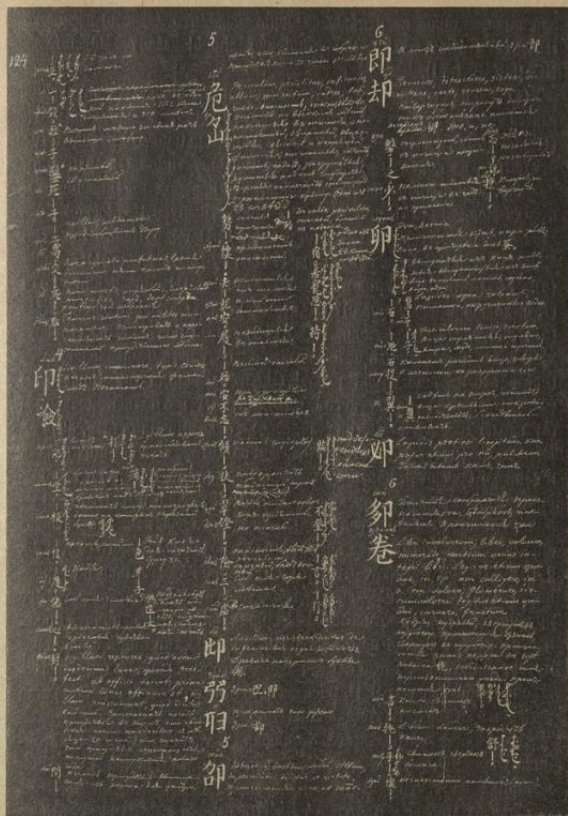

Рис. 1. Страница Китайско-русского рукописного словаря (З. Леонтьевского), относящегося на манджурские переводы с китайского (снимок-негатив).

Алексеев. Латинизация

значение, которое некоторые склонны возводить даже до научного (Dr. E. Hauer, Why the Sinologue should study Manchu. J. NChBrRAS, LXI).

(4) Это подчеркивание особенно явно в его переводах китайских классиков, по которым училось, между прочим, и мое поколение (1898—1902), и которые, будучи изданы специально для руководства студентов, их поражали и приводили в недопустимое для аудитории уныние. Для примера цитирую (точно) его переводы «Изречений и бесед» Конфуция («Примечания на второй выпуск Китайской Хрестоматии, профессора В. Васильева. СПб. 1884 г.»). «Жань-Ю сказал: Конфуций, за Вэйского ли владельца? Цзы Гун сказал ладно! Я спрошу (и), войдя (к Конфуцию), сказал. Бо-и и Шу-ци какие люди (т. е. хорошие или дурные)? (Конфуций) сказал древние знаменитые (или добродетельные) люди. (Цзы Гун) сказал роптали ли? (Конфуций) сказал: отыскивать человеколюбие и получить человеколюбие — (после этого) еще какой ропот! (Цзыгун), выйдя (от Конфуция) сказал: «Философ не за него» (стр. 38); «Я не родясь знающий; (а) люблю древнее и искусен (так. скор) в отыскании» (стр. 39) — Если даже смотреть на студентов, как на детей, не умеющих искать в словаре (который, как мы видели, вышел еще в 1867 г.) и требующих от профессора «выписки» слов, которая тут же и дается (вэй — ради, за; но — соглашаться; юань — роптать здесь как: хой — сожалеть, расканиваться), или же комментария, в роде следующего (к стр. 39, § 19): «Теперь уверяют, что это он говорил так только по скромности для убеждения людей учиться», то, все же, представить самого крупного китайского мыслителя в виде взрекателя причудливых несуразностей можно не от бессилия, конечно, но лишь с подчеркнутою тенденцией. Было бы слишком долго это дальше доказывать. Иронические выпады В. П. Васильева против конфуцианства обильно рассеяны во всех его сочинениях.

Еще примечательнее его отношение к тексту основного источника учения Конфуция, древней Книги Пoesии (Ши-цзин) в «Примечаниях на третий выпуск Китайской Хрестоматии профессора Васильева: Перевод и толкования Ши цзина. СПб. 1882», где на последней странице читаем перевод классической оды в таком виде: «Возк (спереди как) натывается на зуб, так (отступив назад) заде-

пляется за хвост. (По тексту:) Гунов внук (Гун сунь) большой, красивый (Большебрюхий), (по толков.) Князь (Чжоу гуа) вежлив, величествен и прекрасен. В красных туфлях самодоволен...» Далее, в примечаниях: «... Но так как Гун сунь приравнивается к волку, у которого на старости будто развились зоб и хвост, то легко допустить, что слова шо фу суть прилагательные, мы бы думали, что смысл их большебрюхий; слово: самодовольный передано толкователями. Впрочем, можно допустить, что тут идет сравнение по противоположности, т. е. волк так трясет зобом и хвостом, а княжеский внучек так рассказывает преспокойно в красных туфлях и пользуется хорошей славой» (хотя принимая за сравнение не по противоположности, можно скорее видеть тут иронию).— Вряд ли будет преувеличением назвать это отношение переводчика к тексту и к своему делу иначе, чем ироническим, притом по всей линии, и языковой и литературной.

Остается для полноты картины добавить, что эти «Примечания» и переводы сделаны от 14 до 23 лет спустя после появления переводов этих же книг на английский язык в серии «The Chinese Classics: with a translation, critical and exegetical notes, prolegomena, and copious indexes. By James Legge, D. D., of the London Missionary Society. In seven volumes». В томе I, 1861; (containing Confucian Analects, the Great Learning, and the Doctrine of the Mean) на стр. 65, например, читаем одно из вышеприведенных мест в совершенно доступном европейцу виде: «I am not one who was born in the possession of knowledge. I am one who is fond of antiquity, and earnest in seeking it (there)»; а также в дальнейшей формуле: «Confucius' knowledge not connate, but the result of his study of antiquity»; и, наконец, в дальнейшем, подробном, и окончательно выясняющем дело парафразе.— Точно также в т. IV (1871): «The first part of the She-king, or the Lessons from the States; and the Prolegomena», на стр. 242 читаем о волке и князе: The wolf springs forward on his dewlap. Or trips back on his tail. The duke was humble, and greatly admirable, Self composed in his red slippers», и далее, в примечаниях: «... He (wolf) is further supposed to be taken in a pit, and the making frantic efforts to escape, — all in vain, for his own dewlap and tail are in his way. The duke of Chow, under suspicion of

* *

жестокой эксплуатации труда. Твердое знание иероглифики, особенно в сравнительно большом охвате, требовало слишком много времени, чтобы низовой учитель мог это знание приобрести. Приобретая же его, он мог и не нуждаться в таком случайном и скудном заработке.

(8) Так, из иероглифов в одну черту только — и (один) и 乙 и (второй — в десятичном цикле); остальные десять — лишь анонимные (вернее, не-значащие) элементы других иероглифов, никому (или только очень и очень немногим) неизвестные. Из иероглифов в две черты также лишь небольшая часть имеет смысловое употребление (丁, 七, 乃, 人 и др.); остальная же часть представляет нам или, по крайней мере, элементы более сложных форм 上, 大, 日, 山 и др.) или вовсе неупотребительные знаки (| , 丄; вряд ли они отыщутся в Типографии Академии Наук); и т. д.

(9) Таковы, например, весьма часто встречающиеся знаки: 歸 гуй (возвращаться), 醫 и (врач), 魏 вэй (одна из известнейших фамилий), 辭 цы (слово), 辮 бянь (коса), 聽 тин (слушать), 森 ду — знамя, 體 ти (тело), 禮 ли (приличие), 髮 фа (волосы), 眞 син (удовольствие) и др.

(10) Мне пришлось однажды помочь одному такому недоучке, забывшему (или не знавшему), как пишется со = замок (鎖), и потому не имевшему возможности дать в письме домой определенные инструкции. Он уже приготовился заместить это со другим со = место (所)!

(11) Об этом требовании, как и вообще о китайских экзаменах былого времени весьма рекомендую читать авторитетную, отчетливую, полную и исключительно важную для понимания культуры старого Китая французскую книгу китайца-иезуита P. Etienne Zi (Siu) S. J.: Pratique des examens littéraires en Chine (Variétés Sinologiques, № 5; Chang-hai, 1894). — Для данного случая, см. стр. 39. — Еще более подробно о девиации китайских знаков, требуемой в официальной и корректной орфографии, см. большую и также очень авторитетную статью проф. Виссьера (Vissière, A. — Traité des caractères chinois que l'on évite par respect. — Journal Asiatique, Sept.-Oct. 1901, pp. 54).

(12) Из таких монстров едва ли не самым анекдотическим надо считать запрещение, наложенное в IV в. н. э. придворным этикетом

disloyalty, and because of his dealing with his brothers, might have been expected to fret and rage; but his mind was too good and great to admit such passions into it»; и т. д. — Таким образом, ясно, что упрощение схемы перевода, доведшего до такой примечательной степени, сделано по особым соображениям, о которых сказано выше: надо было отметить исконную простоту, и вместе с тем, темноту китайского текста, эксплуатируемую китайскими комментаторами в своих целях, которые В. П. Васильев достаточно охарактеризовал в цитированном выше тексте предисловия к своему китайско-русскому словарю, как «вамеренные затруднения».

(5) Ведь, нельзя же допустить, чтобы, например, три первых иероглифа, усваивавшиеся китайчиком старомодного воспитания (百家姓 Бо Цзя Син, «Все фамилии») могли быть им восприняты лучше и легче, чем другим мальчиком!

(6) Выше было отмечено гипертрофированное разрастание семантической (смысловой) сети иероглифа. Конечно, не все 60 его значений ложилось и ложится в память, но, зато, и не все колориты их зафиксированы в словарях. Теперь, с уничтожением классического образования, смысловая сеть многих иероглифов (даже вместе с ними целиком) сокращается, но на замену ей, весьма быстрым (и часто обгоняющим былую) темпом расширяется сеть неологическая, не имеющая даже шансов на фиксацию.

(7) Здесь нет речи о законченном образовании начетчика, закрепленном особым дипломом на государственных экзаменах. Неудачников этого типа всегда было слишком много (в их числе знаменитый литератор XVIII в. Ляо Чжай), но их провалы имели причиной уже чисто литературские недостатки.

Между прочим, бесконечны анекдоты о так называемых «Бай-цзыр сяншэнах» 白字先生, рассказывающие с насмешкой и издевательством об этих учителях первоначальной школы, где они преподавали лишь иероглифическую грамотность, без права на толкование текста. Анекдоты изображают их постоянно путающими иероглифы по их сходству (например, 秦川右取富 Циньчуань ю цюй фу, вместо известной уличной надписи 泰山石敢當 Тай Шань ши гань дан), и только народная картина говорит о них с жалостью и симпатией, как о трудящихся в условиях

на слово чунь (весна), — запрещение, которое сразу же вызвало ряд курьезных недоразумений. Так, известная хроника Конфуция, лежащая в основе всего конфуцианского образования, Чунь Цю 春秋, («Смена весен и осеней» = Летопись), стала именоваться Ян Цю 陽秋, что выглядело причудливо, — в особенности при наличии готового выражения: янчунь 陽春 (солнечная весна), — и, не изменяясь впоследствии в некоторых названиях, привело к необходимости делать особый к ним исторический комментарий. Оказывается, что слово чунь входило в имя императрицы. Но подобному же табу подвергались даже имена приснившихся императору духов... Однако, как нет худа без добра, подобные графические извращения дают довольно прозный критерий для датирования китайских рукописей и книг, ибо чаще всего они не датируются более самой династии.

(13) Так, например, знак-табу 玄 сюань (черный), входивший в имя императора, который правил Китаем под девизом Кан-Си (1662—1722), как часть многих других знаков (絃, 率, 茲 и др.) подвергал их соответствующей девиации, и это надо было твердо помнить и учитывать везде и всюду, паче же всего на экзаменах.

(14) Так, этот же знак 玄 сюань заменялся, предпочтительно перед девиацией, знаком юань 元, который намекал на ту же извечную черноту темного, ночного неба, как и знак сюань, и так как издания многих книг с 1662 г. вытеснили все предшествовавшие то до революции 1911 года, т. е. на протяжении 240 лет, эти тексты шли в извращенной редакции, а учебники в ней и заучивались.

(15) 敬避字樣 Цзинби цзянян.

(16) В «Китайской грамматике, сочиненной монахом Иакинфом» (1838), на стр. 144 есть (плоховато составленная и исполненная) «Таблица знаков, ошибочно употребляемых в смысле других», которая может дать некоторое понятие о таких смещениях (бянь сы 辨似). Но наилучшее по исправности, значению и превосходному исполнению надо считать таблицу «Бянь сы» в императорском издании словаря Кан-Си (Кан-Си цзядянь 康熙字典). Она идет после общего указателя знаков словаря: Цзянь цзы (檢字).

(17) См. там же, и также весьма неудовлетворительную «Таблицу измененных знаков» (стр. 146), которая лучше представлена, напри-

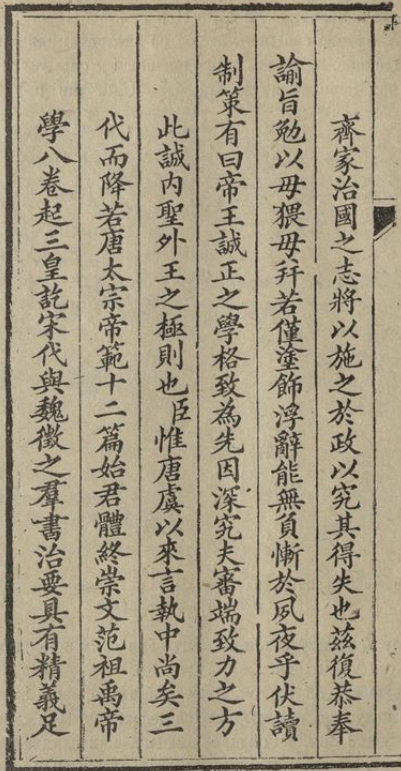

Рис. 2. Образцовый и как бы нейтральный почерк, требовавшийся от идущих на высшие государственные экзамены.

мер, в словаре Хуйхай Цзыхуй (會海字彙), прототипе Кан-Си цзыдяня, под названием 從古 «Цун гу».

(18) Достаточно сравнить любое из экзаменационных сочинений, воспроизведенное, изданное и продававшееся еще лет 20 тому назад в Китае (под названием 殿試策 Дянь ши цэ) (см. рис. 2)

Рис. 3. Резко выраженный индивидуальный почерк знаменитого каллиграфа XI века (Хуан Тинцзяня).

с чьимнибудь характерным, каллиграфическим почерком (см. рис. 3), чтобы в этом убедиться.

(19) Даже в моей скромной коллекции образцы этого каллиграфического искусства насчитываются десятками. Для европейцев этот почерк — суший бич, и овладевших им, как владеют им китайцы, вероятно, нет. Нужно переучиться наново, ибо скорописное «сокращение» чаще всего ничего общего не имеет с прописным знаком (кай) (ср. рис. 4 и 5). А между тем, изучать этот почерк как китаистам-гуманитарам, так и особенно практикантам совершенно необходимо.

К сожалению, способов к овладению им, хотя бы на предмет узнавательного умения, пока, повидимому, нет. Словарь Мийо (Stanislas Millot, Dictionnaire des Formes Cursives des Caractères Chinois. Paris, 1909) дает, в общем, неясную систему. Надо надеяться на опубликование нами хранящегося в Азиатском музее рукописного словаря скорописи (цао цзы), составленного О. О. Розенбергом по его известной «алфавитной системе».

(20) Здесь также для европейца, особенно изучающего китайское искусство, книжное дело, и вообще для филолога-историка лежит один из значительных камней преткновения, ибо как для «скорописи» так и для архаичных (и архаизированных) знаков китайские специальные словари (напр. Чжуань Цзыхуй 篆字彙) не дают подхода узнавательного, но исключительно воспроизводительный, т. е. говорят, например, как надо архаизировать знак тьянь 天, а не: в какой архаизированной форме его опознать; или, более общим порядком: какая архаизированная форма какому нормальному (кай) знаку соответствует. Европейцы-знатоки китайской живописи, желающие читать автографы художников Китая самостоятельно, осуждены на весьма долгий искус. Некоторые каталоги редких изданий считают своим долгом расшифровывать эти штампы даже для читателя-библиофила из китайцев (см. рис. 6—7). Хорошие воспроизведения китайских почерков можно видеть, например, в превосходном (между прочим, и технически) периодическом издании «Sinica, Zeitschrift für Chinakunde und Chinaforschung» (VI Jahrg. 1931, Heft 2, 15 März), в тексте интересной статьи «Schrift und Schreibkunst in China» китайца W. Y. Ting. К сожалению, кай-шу представлен без особых достоинств, а цао и вовсе не представлен.

(21) Например, чтобы знать, что кантонское игай соответствует «мандаринскому» 藝 и; тэк-ди; кэй-пзи; как-гэ и т. д. (см. Prof. Karlgren, Analytic Dictionary of Chinese and Sino-Japanese. Paris, 1923). — Правда, как говорит мой личный опыт, это перевооружение бывает чаще всего лишь очень приблизительным, но, во всяком случае, некоторый отход от специфического диалекта, во имя общения с другими, уже не малое достижение, особенно, если принять во внимание, что переучиться в Китае с диалекта на диалект ларюю не легче, чем с языка на язык.

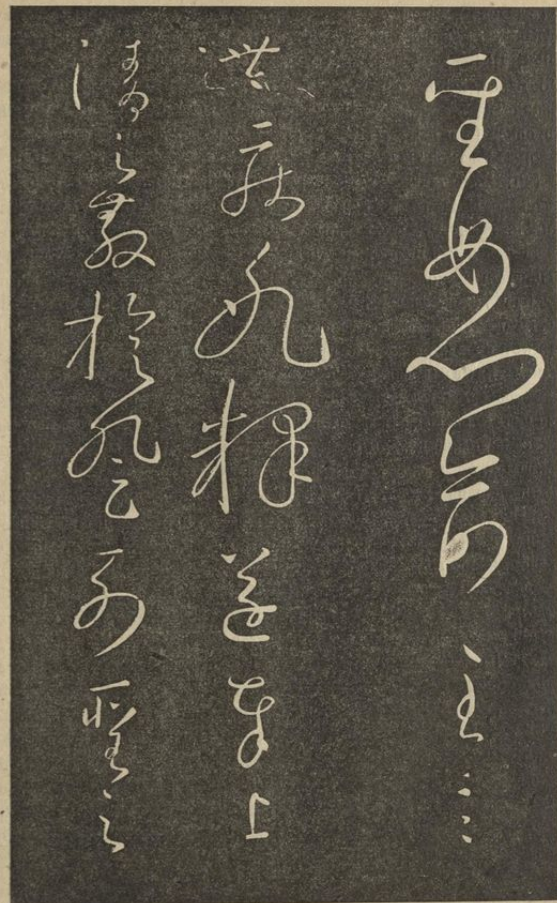

Рис. 4. Скорописная деформация китайских иероглифов в почерке знаменитого каллиграфа (Хуай-Су).

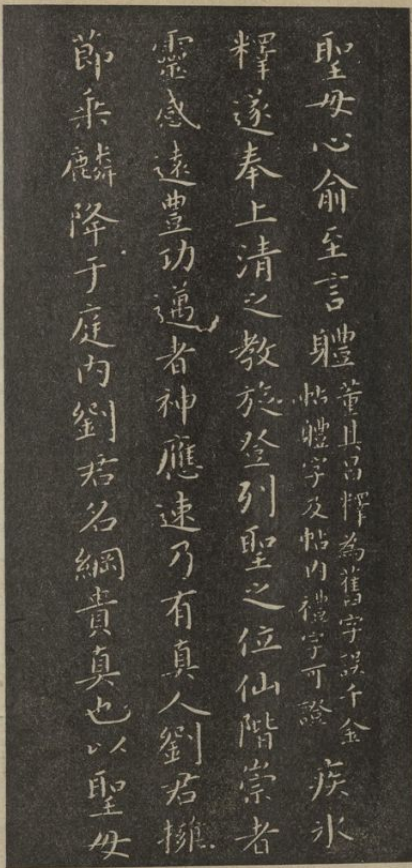

Рис. 5. Те же иероглифы (частично, справа вниз, минуя межкие) в уставном почерке.

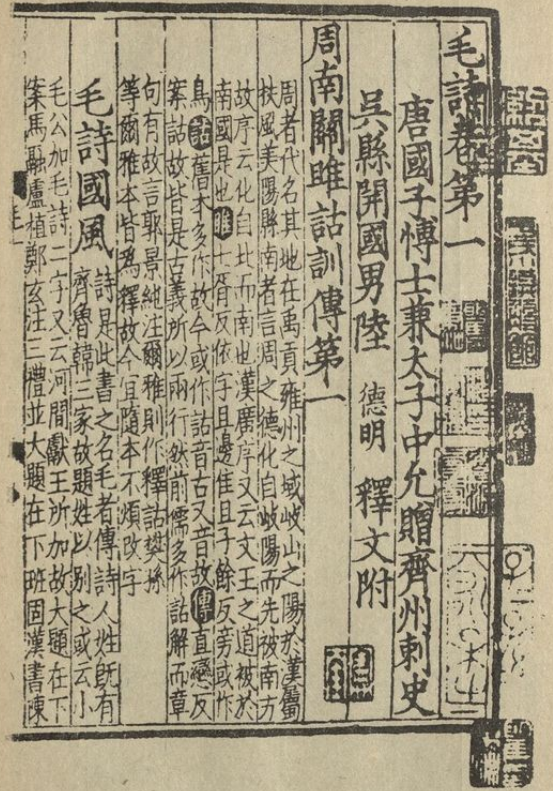

Рис. 6. Книжные знаки библиофилов (справа) — умышленная деформация иероглифов в старинном стиле.

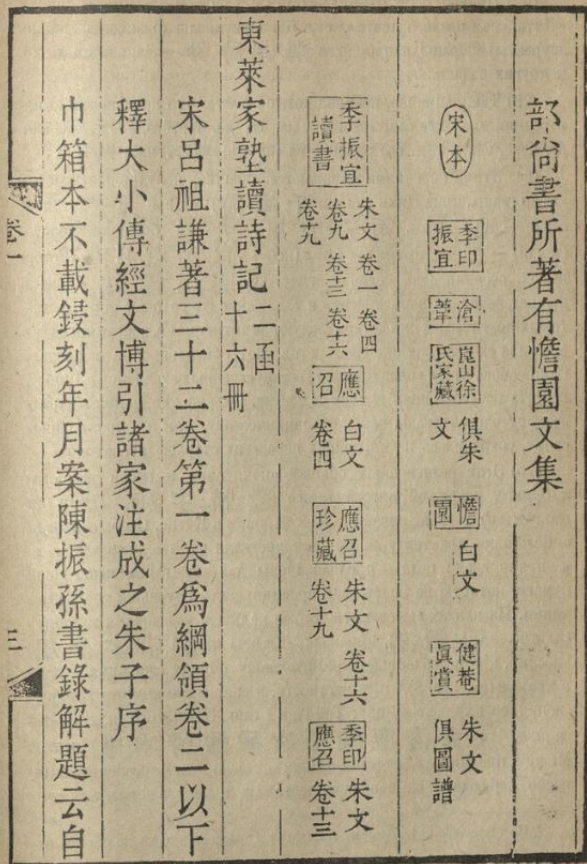

Рис. 7. Расшифровки стилизованных книжных знаков в каталоге библиофилов (обведены квадратиками).

(22) Пример таких причудливо-нудных виршей см. в моей книге: «Китайская поэма о поэте», стр. 53. Оригиналы (экзаменационные лауреаты) собраны, например, в **蘭言詩鈔** — Ланьянь ши чао и других изданиях.

(23) Так, например, пекинец должен знать, что произносимые им в родном диалекте слого-слова: чжи, го, дэ, ши, сэ, ли, и, мо, бай, цэ, цзэй, юй, и т. д. все рифмуются (их «рифма»... чжи 職!).

(24) Этими перечнями начинаются, обычно, популярные хрестоматии (напр., типа Цзянь цзя ши **千家詩**): «Небо **天** — антином земле — **地**, дождь **雨** — ветру **風**, **大陸** — большая дорога (земля) — **長空** — долги пустотам (небу)... **風高秋月白** «Ветер высок, осенняя луна бела» — стиху: **雨霽晚霞紅** «Дождь прошел, вечерняя заря красна» и т. д. Такие же готовые перечни готовых поэтических синонимов следуют за антиномами, составляя материал для схоластических трафаретов, употребительных на экзаменах. Само собою, что, с упразднением государственных экзаменов в 1905 г., вся эта искусственная накупь схлынула. Однако, тенденция к параллелизму частей фразы как к синонимическому, так и к антиномическому, сохранилась в умирающих перебегах старых литераторов.

(25) Этот религиозный обычай «почитания и любви (жалости) к бумаге, покрытой иероглифами» (**敬惜字紙** Цзин-си цзы-чжи) хорошо известен всем бывшим в Китае. Особые, иногда с большими архитектурными достоинствами печи — в храмах, а то и прямо среди поля — предназначены для сожигания исписанной бумаги, которую не полагается профанировать гнусными употреблениями. На плитах высекаются особые надписи: «увещания к добру» (цдоань шань **勸善**), «правила» (Си цзы тяогуй **惜字條規**) «песни», приспособленные к религиозному обряду сжигания бумаги в храмах (см. рис. 8),¹ и в частности, к спиритическим откровениям (например, в храме Люй-цзу: Тай-Шин Гуань, Шунь-Ии Гун, луань-юй си-цзы гэ **太清觀純陽宮鸞諭惜字歌**) и т. д. Между прочим, эту надпись (Цзин-си цзы-чжи) особенно интересно наблюдать на дешевых листовках и театральных либретто.

¹ По техническим причинам, эту стазу воспроизвести здесь не удалось.

Так, в моей коллекции шаньдунских изданий, есть либретто, отличающееся особо значительным количеством «грубых знаков» (= сокращенных и замененных) носящее эту надпись полностью она поставлена даже перед самым названием пьесы, и как бы предупреждает о возможной «безжалостной» профанации этой, в действительности, жалкой книжонки.

Конечно, с широким распространением газеты и дешевой книги, обычай устарел и отодвигается в глубину страны, далекую от городских темпов жизни.

(26) Вообще, страх перед иероглификой, особенно у масс, не надеющихся на ее одоление, известен каждому беседовавшему с китайским крестьянином или рабочим о китайской письменности. Со слов одного молодого китаиста, который не так давно приехал с Советского Дальнего Востока, где вел работу по ликвидации безграмотности среди китайцев, могу сообщить, что часто замечается предпочтение, оказываемое китайцами русскому пункту перед китайским, что, по моему, объясняется только паническим предубеждением против возможности ликвидировать свою безграмотность в иероглифическом виде и масштабе. Этой основной теме настоящей статьи будет посвящена речь далее.

(27) Такую речь можно себе вообразить или как до-нельзя банальную, едва управляемую интеллектом, или как намеренно и своеобразно стерилизованную (например, по методе Берлица). Но и то, в первом случае можно наблюдать постоянное появление в речи эпизодических вставок (пословиц и всяких других готовых наблюдений), не говоря уже о бытовых и классовых условностях, которые делают речь, особенно осмысленную и интересную, очень сложную по своему составу. Вот почему мною всегда рекомендовалось как при преподавании английского, так и китайского языков, отойти раз навсегда от «разговорного языка», как отдельного предмета самого в себе, а разбить его, так же как и книжный язык, на такие же конкретные «предметы», т. е. рассказ, диалог (драма), ораторская речь и т. п. Отрицая, таким образом, стерилизованную китайскую речь, упоминаю о ней только потому, что с нее, к сожалению, все начинают, и она, будучи отвлеченною по существу, конкретна по (неудачному) общепедагогическому внушению.

точности, некоторой начитанности и образования (籲紂). Но этих последних так мало (вовсе ничтожное количество) что, приняв во внимание общую сумму иероглифов и эти последние данные, можно утверждать, что произведение великого китайского революционера и реформатора, всюду в Китае изучаемое и легшее в основу многих и многих последующих произведений того же типа, написано на языке, простота которого чрезвычайно выгодно сравнится с произведениями того же типа на других языках, пестрящих всяческими заимствованиями и варваризмами, и, значит, китайский литературный язык новой формации, состоящий из иероглифов древнейшего происхождения, является, так сказать, археологическим по составу, но современным по применению. Опять, то же самое надо сказать и о прочих современных языках, с тою лишь примечательной разницей, что китайские иероглифы ставятся на свое место без изменений, типа: автомобиль, петроль, логический и т. д.

(29) Как в английском словаре Уэбстера (Webster's New International Dictionary of the English Language... 1924) слова широкого употребления резко отделены от редко встречаемых и очень специальных (каковы, напр., на стр. 773 и 775: *explorement, exploringly, explode, explosible... expostulatingly... exproune, extreme... extrastapedial, extratellurian, extraventricular...* и т. п.), так и в китайских словарях новой формации, напр., Синь цзидянь 新字典 (Новый Словарь) в издании 1911 года резко разделит иероглифы на подобные же две категории, причем во вторую вошли знаки, не имеющиеся в наборе нашей Академической типографии и потому здесь избегаемые. К сожалению, в новом издании 1924 года этот второй отдел был замещен более, может быть, нужным, но с ущербом для полноты. Там знаков второй категории, конечно, во много раз больше, чем знаков первой (приблизительно 5:1). Но надо тут же произвести и вторую операцию, извлекающую из первой категории иероглифы, которые участвуют в звучащей речи, а она, как уже говорилось, в китайском языке далеко и определенно не соответствует аналогичному делению в других языках. Для этой цели удобнее всего взять Китайско-Русский словарь Палладия Кафарова (1888), как составленный по китайскому словнику и тонический, и определить, что, например, на 200 иероглифов суммарного чтения и

(28) Этот важный вопрос трудно решить в подстрочном примечании, и тем более в тексте, без риска разбить общую мысль и настроение. Скажу кратко: в русской серьезной речи очень культурного человека участвует в общем не меньше слов древнего происхождения, чем в такой же китайской, хотя последняя изучающему ее почему то кажется особенно древнею по составу. Мы оперируем в своей речи, не говоря уже о полных цитатах, взятых интегрально из разных языков (*omnium consensu, nihil humanum alienum esse puto, se non e vero, an und für sich, all right, to be or not to be, bonne mine au mauvais jeu, heureka* — звика и т. д.), еще огромным, спорящим с основным русским составом отдельных слов, идущих частью во всей своей оригинальной ассоциации из древности, — как грекоримской, так и еврейской и других (юстиция, логика, поэтика, халиф, левифан, пасха, левират), — частью же (наибольшей) составленных из древних слов и наново осмысленных (термометр, граммофон, автомобиль и т. п.). Если хорошенько и с научным чувством пропорций проанализировать, например, речи политических ораторов русского, английского, французского и т. д. и китайского, то увидим, что процент архаического элемента обоих указанных мною выше типов будет приблизительно одинаков. Не входя в детали, к которым придется, вероятно, вернуться, укажу на любопытную статистику словупотребления Сунь Ятсена в его известных «Трех Принципах» (Сань минь чжун), сделанную в Кантонском Педагогическом Институте (Гуанчжоу го-ли Чжуншань Дасюэ цзяюйсюэ яньцзюсю) и опубликованную в № 23 (ноябрь 1930) «The Chinese Journal of Educational Research» (Цзяюй яньцзю) Пэн Жэньшанем (彭仁山). Из этой статистики видно, что Чжуншань (Сунь Ятсэ) в своем лексиконе имел всего 2134 иероглифа, встречающихся от 1 до 6401 раза. Из них около 350 иероглифов не встречаются в практике начальных школ, а 113 — даже в учебниках. Больше всего иероглифов употреблено один лишь раз (их 375) или 2 раза (их 215). Среди последних встречаются как общеизвестные, рядовые знаки, известные китайцу, даже без особого образования, а тем более начитанности в старой литературе (напр. 仇仲伸), так и редкие, требующие, если не для общего понимания, то во всяком случае, для усвоения колорита и

(一衣伊儀 и т. д.) приходится часто встречаемых всего 61, т. е. 10:3. Если же из этого оптимистического набора, явно преувеличивающего разговорный запас иероглифической орфографии, извлечь, например, по Mandarin Romanized Dictionary of Chinese, by D. MacGillivray, 1925 г., лишние для этого запаса знаки (как например, 臆弄弋億 и т. д.), то едва ли не останется этих и всего на всего 29, как, например, у Бушэ в его переводном учебнике разговорного (мандаринского) языка (官話指南, Koan-hoa tche-nan, Boussole du langage mandarin, traduite et annotée par H. Boucher. Zi-ka-wei, 1887), причем и этот последний список подлежит, кажется, дальнейшим сокращениям (надо из разговорного подбора выкинуть явно ненужные: 貽矣弈掖逆 = ии) и, таким образом, пропорция Палладиевских 200 и к последнему расчету 25 (в круглой цифре) устанавливается, как 8:1, что и соответствует вероятно трезвой истине. Этот процент (12,5%) разговорного обихода слов (пока только однозвучных, или, вернее, только суммарно таковых), несомненно, ниже соответствующих процентов во всякой другой речи, и, значит, экзотическая обособленность китайского языка, излишне прославленная, в виде, «китайской грамоты», значительно разрежается.

(30) Таков, например, самый популярный словарь двузначных выражений (и их развитий) Цы Юань 辭源, который в отношении подбора иероглифов можно считать словарем нашей эпохи прежде и предпочтительнее, чем во всяких других отношениях, где он от эпохи отстал (печатается со стереотипов, начиная с 1915 года по сей день).

(31) Таков, например, прототип европейских двуязычных словарей — Кан-Си цзидянь и солидный труд, близкий к современности (Посл. изд. 1923 г.) Чжун-Хуа да цзидянь 中華大字典.

(32) Его имели только латинский и греческий язык в Европе и еврейский, арабский, санскрит, китайский в Азии. Под классическим периодом языка надо разуметь такой, который произвел авторов, легших в основание не только всей дальнейшей литературы, но и самого языка, — ставших, так сказать, словарем дальнейших эпох.

(33) условный, доступный только получившим соответствующее образование.

(34) Мне скажут на это, что и литературные слова из Уэбстера так же непонятны, как и литературные иероглифы. Однако, не надо забывать, что непонятное на слух в других языках (несколько менее других — в английском) непонятно и в зрительном явлении, тогда как в китайском языке огромный процент иероглифов, неслышимых в произносительном обозначении, совершенно отчетливо понятен в написании.

(35) в английском она действует более, нежели в других.

(36) юн-юаньды юань-цзы 永遠的遠字: знак юань (далекий), из комбинации юн-юань (вечный), и, следовательно, в значении том же: вечный (延長也 по Цы Юаню). С диалектным, а также культурным различием говорящих, этот способ прогрессивно осложняется.

(37) Этот способ, придуманный китайцами при их раннем соприкосновении с иностранцами, и под влиянием последних, состоит, как известно, в определении начального звука искомого иероглифа через начало второго, и конечного звука через конец третьего. Так, для определения чтения предыдущего знака юань берут, как второй знак юй (yǐ) и получают начальный й, а как третий — цюань (zhuān), дающий конечный звукоряд йан, и получают юань (= yǐan). Способ этот, зависящий от диалектов и фонетических традиций, условно зафиксированных в иероглифическом виде, в настоящее время во многих только что вышедших в Китае словарях китайского же языка признан устаревшим и заменен латинизованной транскрипцией (романизацией). Так в «Словаре учащегося» (Student's Dictionary of Chinese) Сюэшэн цзюдянь 學生字典 (1-ое изд. 1915, 63-е — 1926), для знака юань, кроме «рассечения» двух других (что, впрочем, в этом словаре дается не всегда) дана романизация (системы Уэйда — Wade: Yuan).

— Четвертый иероглиф дается, как однозвучный и более знакомый (иногда не без курьезов): 珠音朱 чжу: инь чжу, то есть (более сложный) знак чжу, читай, как менее сложный, тоже чжу.

(38) Иначе говоря, глядя на эти иероглифы, надо забыть, что они последовательно, и конечно лишь частично значат: холм + ряд + одолеть + благодарить + дело + прозвание — и не делать уродливых «осмыслений», как мы, например, в русском языке не делаем

8*

этого в таком соединении: Николай Петрович Никифоров, что при усердном не по разуму переводе с греческого и «осмыслении» «означало» бы: Победитель народов, сын Скалы, Победоносцев; или, например, проходим без иронической реакции мимо невзвучных фамилий, типа: Некрасов, Нелюбов, Чешихин, Черномордик и т. д.

(39) Иностранцы в Китае легко поддаются под внешнее благолепие китайских собственных имен (напр. Сунь Ятсэнь, или Исянь, Сунь — «Вознесшийся Ангел») и требуют, чтобы при их именах не морщились (например, от напряжения сочетать несочетаемое), а читали их привычно и гладко. Получают неточные, но удобные китаизации, как, например, опять таки, моя фамилия, на второй день прибытия в Китай ставшая А + «имя» Ликэ = 阿里克, с дальнейшим «улучшением» в виде 理克 и с присоединением «выведенного» отсюда вежливого прозвания (цзы, courtesy name, как переводят это китайцы) 勵臣 Личэнь. Между прочим, может быть любопытной история этого моего «имени». Не знаю, по недостаточной ли начитанности (мало вероятной) или по злому умыслу оно мне на первых порах было дано (как второй и третий слоги приблизительной иероглифической транскрипции моей фамилии) 里克 Ликэ, причем этими иероглифами в Чунь-Цю называется вполне отрицательный с конфуцианской точки зрения тип, убийца своего государя. (См. Legge, Chinese Classics, V, I, стр. 155). Я не знал об этом обстоятельстве, но, зная китайский обычай «осмыслить» собственные имена, потребовал приставки определителя «янимы», что, как мне казалось, давало приблизительно звучное сочетание. Оно оказалось, в общем, безвкусным, но, зато, хотя и бессознательно, вывело меня из весьма двусмысленной номенклатуры.

(40) Таким порядком сокращаются сложные части знаков (打 вместо 撻), причем иногда простейшая группа черт (например 又 замещает самые разнообразные группы (например, левые, наиболее сложные части иероглифов 觀對難鷄 и др.), иногда же весь знак замещается совершенно другим, с ним не имеющим, казалось бы, общего: напр. сокращения знака 龍 минь, лягушка, или знака 歸 гуй, возвращаться, и многих других, не имеющих, к сожалению, в наборе Академической типографии, и потому, здесь не воспроизводимых. Таким образом, во имя сокращения труда по написанию

китайских иероглифов, иероглифист (по иронии вещей, чаще всего самый недалекий в орфографии) должен, вдобавок к уставному прифигу кай, выучить еще длинный ряд сокращений (су цзы, «грубые знаки»), что, конечно, не способствует облегчению учебы и должно быть добавлено к фазам иероглифики, о которых мне пришлось говорить выше.

(41) Для этого, прежде всего, выбрасывают «окончания» некоторых существительных (花 хуа, вместо 花兒 хуар — цветок; 房 фан, вместо 房子 фанцзы — дом; 我 уо, вместо 我的 уоды — мой и т. п.). Пропуск последнего ды — окончания родительного падежа (для переводчиков, в языке которых таковой наблюдается), прилагательных, причастий, наречий (с той же оговоркой), превращает иногда нормально звучащую фразу в громоздкое построение, весьма трудно произносимое, и делает, таким образом, фразу весьма искусственной. Особенно этим грешат пишущие на так называемом бай хуа (т. е. на более простом языке), под которым разумеется нечто среднее между книжно-условным и полнозвучно-разговорным языком. Они, владея книжным языком, экономят (в его направлении) на разговорном укладе, и получается едва ли не более сложный язык, чем простой, и даже сложный книжный (вэнь-ли).

(42) Когда же хотели приблизиться к фонетической актуальности, то писали, например, для пекинского диалекта 拉 (тащить), или, для замаскирования иероглифа, к нему слева прибавляли определитель рта (咭). Но это только в исключительно вульгарных произведениях, или же в учебниках пекинского говора.

(43) Понятно, что подобная атрофия иероглифа несколько не напоминает, например, английское окончание ful, less, или даже ly, которые исторически прослеживаются, в то время как субституты этого китайского порядка суть явления, принесенные извне, а не растущие изнутри.

(44) По Чжун-Хуа да цзюдянь: 這... 音彥... 迎也.

(45) Всякому из нас, живших в Китае, приходилось неоднократно видеть полное смущение на лице человека, которому мы предлагали написать только что им сказанное в точности, т. е. без перевода на книжный язык. Чем глуше место и чем дальше оно от культур-

ных центров, тем больший процент разговорных выражений остается незаписанным, доходя чуть не до 25%⁰, особенно в местах столкновения разных диалектов.

(46) При подобном различии может напрашиваться мысль об именовании китайских диалектов языками. С научной точки зрения подобное именованье не внесет ясности, ибо, как бы ни были различны китайские диалекты, их грамматический строй, слоговое начало и т. д. одинаковы. Но, конечно, могут быть и внешние доводы именовать эти диалекты китайскими языками, по образу, например, славянских языков, различающихся между собой не более китайских, с восхождением последних к более общей группе языков синитических (тибетский, аннамский, тай, бирманский).

(47) В этом же смысле можно иероглифами назвать многие английские графемы (напр. thought), могущие быть понятны без всякого вмешательства звучащего эквивалента («чтения»).

(48) Например, окончание прошедшего времени в Сучжоуском диалекте кэ, иероглифически передаваемое через знак 科, вовсе в этом смысле непонятный, например, в Пекине. Такими же неприемлемыми в других диалектах будут Сучжоуские иероглифы: 格 (гэ) вместо 的 ды, 蠻 (мае) вм. 狠 хэнь и др.

(49) Например, в томе 3 «歌謠周刊合訂本第三册北大研究所國學門歌謠研究會出版» (Гэяо чжоукань, хэдин бэнь, дисань цэ. Бэй Да Яньцзюэ, Госюэзынь, Гэяо-яньцзюэхуй чубань), № 55, изучаются схемы и нотации китайских диалектов (в статье 方言標音實例 — Фаи'янь бяоинь шили) по системе проф. Пасси (Passy), и, наряду с иероглифичкой (предшествующей), дается латинизованная нотация, без которой, понятно, изучение живой речи невозможно. Пример: 北京音, Бейцзин-инь (Пекинский диалект), 漢字 (китайский прифиг): 太陽說我的名字叫做太陽我是狼光亮的 T'aiyang shuo: 1. Woo tih mirngtshy chiah chuo T'aiyang. Woo shyh hēn kuangliang tih... Но эти же иероглифы читаются далее в нотации Сучжоуского диалекта, совершенно иначе: T'aiyang sue': 1. Ngéou ké' (другой иероглиф, 格 вместо пекинского 的) mirngzyh' chyuh (做 отсутствует) T'aiyang.

Ngèu syh mae (другой перогили: 蠻, вместо 狼) kuangliangh 於 (格). Только латинизованная нотация может оттенить одинаковость (kuangliangh) или неодинаковость (Woo-ngèu) произношения одних и тех же слов, которые перогилификой подводятся под одну маску (我 в обоих последних случаях: Woo-ngèu). Следовательно, и в этой области, требующей международной точности, перогилика оказалась бессильной.

(50) К таким надо отнести, в первую очередь, весьма прогрессивную, хотя и чуждую полной новаторской решительности личность известного сановника Чжан Чжидуна 張之洞, второе имя 香濤 Сянтао, посмертный титул 文襄公 Вэнь Сян-гун, псевдоним 廣雅堂 Гуан-Я Тан и 無競居士, У-Цзин Цзюйши), умершего в 1908 году. В своей брошюре «Призыв к учению» (Цзань сюэ пян), переведенной на ряд языков (лучше всех по-видимому на французский: 勸學篇, K'üen-Hio P'ien. Exhortations à l'Etude, par S. Exc. Tchang Tche-Tong, Vice-Roi du Hou-Koang... Nouvelle Edition enrichie du Texte chinois, par le Père Jérôme Tobar S. J., Changhai... 1909... Variétés Sinologiques, № 26, pp. IV, 197), он, действительно, призывал отрешиться от предрассудка против европейской науки (хотя и не непременно против самих европейцев) и начать сейчас же ее усваивать.

(51) Эта система, выражаясь очень кратко, состояла в усвоении памяти классических и многих других текстов, основательно изученных, при помощи обстоятельного комментария, и причудливо применявшихся к схемам современности, что доказывалось на письменных испытаниях в государственных комиссиях. Этим путем вырабатывалось исключительное начетническое знание родного литературного языка, сравнимое со знанием равнинов и мулл, но выходящее далеко за пределы конвекциональности, которая характеризует этих последних.

(52) Пример, из журнала 學藝 Сюэ-и, Wissen und Wissenschaft, Band 8, Heft 1, 1926 г. Статья: 三體問題之 J. Lagrange 之研究 (Саньти вэньчжи J. Lagrange чжи яньцзю), — рис. 9—10—, состоит из перебитого прифта, как например: 普通一般謂三體問題 (Problem of three bodies—обра-

三體問題之 J. Lagrange 之研究

沈 瑤

普通一般謂三體問題 (Problem of three bodies) 者,指以三個天體 (Celestial body) 爲質點 (Particle), 而依 Newton 之引力法則在空間運動之問題也。1772 年 J. Lagrange 發表關於三體問題之論文 "Essai sur le Problème des Trois Corps"¹⁾ 於巴黎學士院, 曾得學士院之賞, 此論文爲 Newton 發見引力法則後最初之傑作。三體問題爲解決行星運動 (Planetary motion) 之首初關鍵, 自 Newton 之時代以來爲力學上之名題, 且近來關於原子構造之論說叢出, 其中有藉行星運動之研究者不鮮, 爰譯釋是篇, 以供不能按原文之同好諸君, 文中並不用極難解之數理, 祇稱習過微積分及力學者, 都能領會。

設一固定於空間之直角座標軸系 (System of rectangular coordinate axes), 視各天體爲質點, 則各天體之位置由三個座標而定, 其各個座標須滿足一個二次微分方程式, 故三體運動之方程式, 實爲十八次之微分方程式。由微分方程式之理論, 知須有十八個互相獨立之積分 (Integral), 方得完全解決三體運動之問題。但三體問題 (或普通一般 n 體問題) 中, 祇有 Euler 之十個積分, 故欲完全解決三體運動之問題, 歸於索索其餘八個未知積分。關於此研究, 自 1750 年以後迄今有八百以上之記錄。

¹⁾ Oeuvres de Lagrange, Tome VI; Tisserand's Mécanique Céleste, Tome IV, Chap. VIII.
²⁾ 本雜誌第七卷第四號插作「三體問題」

Fig. 9 Современный научный журнал со смешанным прифтом и европейским распоряжком.

省略常數 h, 此時可作爲 h 包括在 P 內, 以 r² 除 $\frac{d(r')^2}{dt^2}$ 之式, 則得

$$\left(\frac{dr'}{dt}\right)^2 - \frac{2(M''+M'+M)}{r} + M' \left(\frac{P}{r^2} - Q\right) = 0$$

同樣命 $dP' \equiv q'(p'dp - pdp' + r'^2 dr)$, $dP'' \equiv q''(pdp' - p'dp + r''^2 dr)$

則可仿上述之方法得下列二式

$$\left(\frac{dr'}{dt}\right)^2 - \frac{2(M''+M'+M)}{r} + M' \left(\frac{P'}{r^2} - Q\right) = 0$$

$$\left(\frac{dr''}{dt}\right)^2 - \frac{2(M''+M'+M)}{r''} + M'' \left(\frac{P''}{r''^2} - Q''\right) = 0$$

由 (K) 之三式順次各減去此三式中同號之式 (即 (K) 之第一式減去此三式中之第一式等等), 然後更順次各以 r, r', r'' 除新作成之三式, 則得

$$(M) \begin{cases} \frac{d^2r}{dt^2} + \frac{M''+M'+M}{r^2} - M' \left(\frac{p'q' - p'q''}{r} + \frac{P}{r^3} \right) = 0 \\ \frac{d^2r'}{dt^2} + \frac{M''+M'+M}{r'^2} - M' \left(\frac{p'q' + p''q''}{r'} + \frac{P'}{r'^3} \right) = 0 \\ \frac{d^2r''}{dt^2} + \frac{M''+M'+M}{r''^2} - M'' \left(\frac{-p'q' - p''q''}{r''} + \frac{P''}{r''^3} \right) = 0 \end{cases}$$

(VII)

如上所述, 將三體運動之方程式 (A), (B), (C) 化爲祇含 r, r', r'' 與 t 間之方程式 (K) 或 (M), 但其中各含二個積分符號, 即在 (K) 內含 Q, Q', Q'' 與 dp, 在 (M) 內含 P, P', P'' 與 dp. (K) 或 (M), 較之 (A), (B), (C), 甚爲簡單, 且其中不含根式 (Radical),

Fig. 10. Страница того же научного журнала с европейскими формулами, оставленными в оригинальном их виде.

тите внимание, что французский автор цитируется на широко распространенном в Китае английском языке) 者, 指以三個天體 (Celestial body) 爲質點 (Particle), 而依 Newton 之引力法則在空間運動之問題也。Далее: 以 u, x, 順次各乘 (A) 之第一式, 第二式後, 二式相減, 得 $u \frac{d^2x}{dt^2} - x \frac{d^2u}{dt^2} + M''$ 和 т. д. .... 故以 M', M, M 順次各除上例...

В этом примере (перевод бесполезен) видна роль перогилики, сводящаяся к простому связующему началу (из... видим, что ....) точно такого же типа, как во всех прочих языках (при разнице прифтов для русского, болгарского, греческого и др. языков, напоминающей данный пример со статьей китайской (см. рис. 9 и 10).

(53) Печатавшиеся в журнале Синь циньянь (新青年) — La Jeunesse — письма и статьи Ху Ши — Ху Шичжи — Су Нун (胡適。適之) собраны в полном издании его сочинений: Ху Ши вэнь цунь (胡適文存), где в первой книге первого тома находим его манифест 文學改良芻議 Вэньсюэ гайлян чунь — «Черновые наброски по поводу литературной реформы», по решительности и остроумию являющийся одним из самых талантливых китайских памфлетов современности. «Реформа» (гайлян) в дальнейшем заменилась «революцией» (вэньсюэ гэмин), в его статье о ее начале (建設的文學革命論 Цзяньшэды Вэньсюэ Гэмин лунь), помещенной в том же томе. Пользуясь случаем, чтобы выразить пожелание, чтобы это полное собрание сочинений Ху Ши было переведено на русский язык, что не представит, между прочим, затруднений по технике перевода с талантливым европеизированного текста, который, даже несколько отставая от современности, остается и останется примечательнейшим для всей своей эпохи, эпохи бурного крушения китайского самосознания и культурной самооценки.

(54) В этом кратком изложении я буду придерживаться заключительной главы (также схематически-краткой), небольшой, но содержательной книжки, принадлежащей в оригинале своему автору, который достаточно потрудился, между прочим, и над вопросом

китайской латинизации: (Ии-и гоийсюэ цзяи-и), Chinese Phonetic System and Language (English Translation). By Li Chin-shi (shi вмето hsi) (黎錦熙), Secretary, National Language Unification Society, Ministry of Education, Peking... Second edition. Comm. Press. Shanghai 1922.

(55) Это показано на предыдущих страницах. Но с этой точки зрения вряд ли какой другой язык лучше, нежели китайский. К тому же, японцы показали, как можно ловко оперировать иероглификой (в общенаучном и общетехническом тексте, без формул), придавая новым комбинациям новые значения.

(56) Особенно английский язык, который и сейчас может считаться вторым языком китайской интеллигенции, которая охотно, между прочим, извинит иностранцу незнание китайского языка, но не английского.

(57) О нем будет сказано еще дальше.

(58) Наиболее яркий и видный представитель этого направления проф. Ху Ши, который в своем «Наброске литературной реформы» (о нем сказано выше) указывает на периоды сдвига традиции в сторону разговорного языка, например, при монгольской династии в Китае (Юань), когда расцвели драма и роман — литература, увлекающая до сих пор большинство китайских читателей своим простым языком, — при талантливо художественной форме, — и давно уже приравненная ими к таким шедеврам классиков, как «История Цзо» (Цюмина) и Сыма Цяня (Чунь-цю Цзо-чжуань, Сыма Цянь Ши-цзи), философ-поэт Чжуан (Чжуан-цзы) и лирик Цюй (Цюй Юань Лисао). В виде оговорки надо прибавить, что, поскольку общий текст этих романов и драм, действительно, проще классического (вернее, неоклассического), постольку все красочные места (описания, письма, лирические излияния и т. п.) понятны, а главное, (оцениваемые не легче их. По своему опыту знаю, что, например, драма «В храмовом флигеле» (Си сяи цзи) в указанных местах читается гораздо труднее, чем любой старо и новоклассический текст.

(59) Здесь Ху Ши опять приводит пример замены литературных форм разговорными в так называемых юйлу (речах) сунских философов XI—XII вв. Однако, и здесь следует сделать ту же

оговорку, как и для языка романов, но, пожалуй, с гораздо большей исключительностью, ибо полуразговорная внешность этого языка понятна все-таки только читателю-философу, и никому другому. Факты из моей долголетней практики профессора говорят, что чтение абсолютно литературного текста Чжу Си, например, в его общих примечаниях к Лунь Юйю — Изречениям и беседам Конфуция — (Лунь Юй, Чжу Си цзи чжу) неизмеримо легче, чем его специальные примечания к тому же классическому тексту (朱子或問 Чжу-цзы «Хо вэнь»), написанные смешанным, полу-разговорным языком, где часть фраз надо видеть, а часть, главным образом, слышать, — то есть языком, требующим абсолютного владения живую речь, плюс к этому философской терминологией сунских писателей.

(60) Поклявшись писать на простом (вернее, упрощенно-литературном) языке, проф. Ху Ши в своем сборнике «Опытов» (Чан ши цзи 嘗試集) (стр. 194 первого издания) дает еще следующую клятву, как бы в развитие литературной революции и для ее окончательного углубления:

Больше не буду убиваться весной,
больше не буду скорбеть по осени,
— вот клятва поэта!

**

Пусть цветы распускаются — тоже хорошо;
Цветы облетают — тоже хорошо;
Луна кругла — определено хорошо;
Солнце падает — чего горевать?

**

Я слышал, говорят: «За небом во след славословить...»
Не лучше ль покорить небо, его использовать?
Чего нам теперь петь синему небу, плакаться,
творя это рабское действо?

**

Революционеры словесного искусства, чего колебаться?
Надо готовиться схватить знамя, стать силачами!

Мы там впереди опустошим тысячелетия,
и под собой раскроем сотни веков,
уберем их воиючую гниль,
вернем наш божественный дар!

**

Великому Срединному Хуа (Китаю)
создадим новую литературу!
Это дело кому захотим уступить?

**

Материал для стихов
Самый ранний молодой
Даст нашим устремленным (12 апреля 1916 г.).

Эти Уитмановские строфы отчетливо передают радикализм автора, желающего порвать не столько с иероглификой, сколько с тем прошлым китайской литературы, которое она собою запечатлела.

(61) Пока вне сферы байхуа остаются большие газеты и всякие документы. Но и здесь язык становится все проще и проще, приближаясь к байхуа весьма заметно.

(62) Искусственность языка, добавочного к родному, реформаторов не страшит, но и результатов, от него ожидавшихся, пока также не видно.

(63) Это, повидимому, для них также дело довольно таки отдаленного, а, главное, неясного будущего.

(64) 評瞿秋白同志編著的《中國拉丁化的字母》一書, Пин Цюй Цюбо-тунчжи бяньчжуды «Чжун-Го ладинхуады цзыму, и шу», в газете 工人之路 Гуньэньчжи лу («Рабочий путь»), от 8 июня 1930 г. (Выходит в Хабаровске). На эту и другие статьи той же газеты будут ссылки и в дальнейшем изложении.

(65) См., напр., 泉布通志 Цюань бу тунчжи, 錢通 Цянь тун, 錢志新編 Цяньчжи синбянь, и другие нумизматические трактаты, использованные в моем старом «Описании китайских монет и монетовидных амулетов, находящихся в Нумиз-

матическом Отделении Императорского Эрмитажа. СПб., 1907», где им дается весьма элементарное описание (см. рис. 11).

(66) Или, точнее, китайских канцелярий эпохи монгольского владычества Юаней, — удачный термин крупнейшего синолога конца прошлого и начала текущего века, Шаванна, употребляемый им в его позном научном достоянии (к сожалению, не в отношении монголистики) труде: «Ed. Chavannes, Inscriptions et pièces de chancellerie chinoises de l'époque mongole» в журнале T'oung Pao, Série II, vol. V; vol. VI, 1; vol. IX, 3; 1905—1908. Этот любопытный стиль основан на вполне слышимой китайской речи одного из северных диалектов той эпохи, но она подчинена особым стереотипным правилам слога, выработанным к тому времени разношерстным составом монгольских правительственных канцелярий, действовавших, как известно, среди самых различных покоренных монголами народов.

(67) Таково, например, археологическое сочинение о каменно-писных памятниках, Шимо Цзюаньхуа 石墨鐫華, достаточно известное по использовавшим его (весьма ошибочно и предосудительно) в свое время (1897) «Лекциям (проф. А. М. Позднеева) по истории монгольской литературы» и дающее воспроизведение лишь одной двуязычной (китайская иероглифика и монгольский текст) надписи (из многих, виденных автором, — как о том он свидетельствует в своем предисловии к текстам надписи, — цзюань 6, 11, по изданию 學古齋 Сюэ Гу Чжай). Монгольское письмо, по его словам, «похоже на буддийские тарни (писанные санскритским деванагари), и далее: «оно бывает красивым и некрасивым (с точки зрения китаица). На месте даты — росчерки, напоминающие наш (иероглифический) почерк с пробелами. У некоторых археологов находим буквы, похожие на наши талисманские письмена (особые иероглифические извращения имен различных бесов), но на данные не похожие». Археолог — автор 趙山函 Чжао Хань, XVII в.) как видно, вместо «critical observations» (критических замечаний), приписанных ему известным китаистом-библиографом Уайли (Wylie, Notes on Chinese Literature, 1867, p. 62), ограничился самым поверхностным описанием и не старался изучить хотя бы самый приют (см. рис. 12). Далее, он дежает также весьма примечательные указания на причины, по которым из «бесчисленных» подобных исторических свидетельств

монгольского владычества осталось (на родине автора) всего 5—6 памятников (бэй 碑): «С течением времени, те, что обладали достаточ-

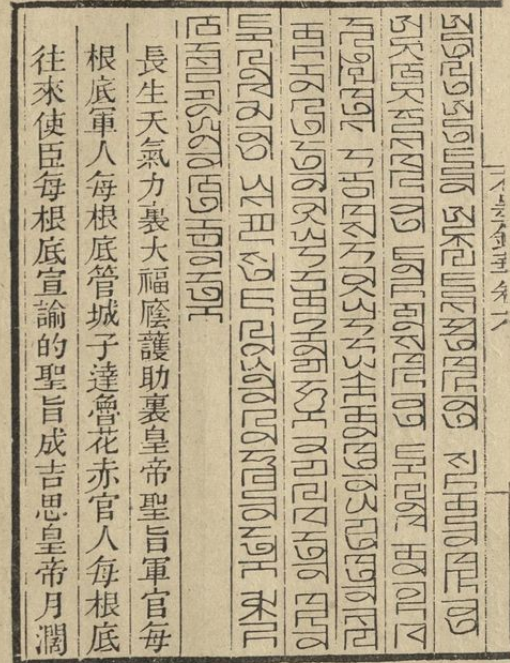

Рис. 12. Страница археологического сборника с монгольской надписью, для автора сборника нечитаемо.

戴勝降于桑	四月	蚯蚓出	苦菜莠	麥秋至	五月	鷓始鳴	鹿角解
螻蛄鳴	王瓜生	靡草死	蟬螂生	反舌無聲	蜩始鳴		

Рис. 11. Страница словаря-учебника манджурского языка для китайцев и китайского для манджуров.

ною физической силой, стали брать их, как варварские памятники, на разные свои потребности...» Что такое эти «потребы» (他用), я могу

засвидетельствовать, как очевидец, еле разыскавший в 1907 году интересовавшую меня (как спутника проф. Шаванна) стазу с монгольскими надписями, которая была использована рыбаками под чистку рыбы. Плиты служили также кладке фундаментов. Таким образом, отношение иероглифистов к алфавитным надписям, хотя и частичным лишь порядком, может быть засвидетельствовано писаниями археолога, сохранившего, так сказать, по своему инстинкту археолога, ценнейшую надпись, но вполне безучастного к ее чтению и даже грамотному описанию.

(68) О нем и его системе первое подлинно научное исследование появилось у нас недавно в труде синолога-лингвиста А. А. Драгунова (А. Dragunov. The hPhags-pa Script and Ancient Mandarin. — Известия АН. 1930, стр. 630—647 и 775—797. Отд. Гуман. Наук).

(69) Это замечание не касается исторических трудов по изучению иностранцев, и в частности тех из них, что являлись порабощателями страны, ибо, как известно, китайцам принадлежит в деле исторического свидетельства о народах Средней Азии главная роль. Но так же достаточно известно, что даже выдающиеся историки монголов, писавшие в Китае за последние годы (Кэ Шаовэнь 柯紹忞, Ван Говэй 王國維), монгольского языка не знали, и только теперь, в лице одного из наших коллег в Бэйпине (Чэнь Инькэ 陳寅恪) мы имеем, наконец, монголоведа, хотя и не полного в этой области специалиста, а совмещающего монголистику со многими другими отраслями востоковедения.

(70) Впрочем, и здесь не без исключений, и, вероятно, некоторым известна попытка В. Г. Чешкина культивировать китайский иероглифический шрифт, как «несниграфию» и «пасиграфию» (= письмо для всех). Он исходит из презумпции о необязательности звуковых эквивалентов («чтений») письменному иероглифу, и думает, что подобное немое письмо удовлетворит многоязычный мир скорее, чем, например, эсперанто. Однако, при ближайшем рассмотрении его системы, оказывается, что каждый иероглиф требует (по типу алгебраических показателей степени) еще ряда цифр, обозначающих грамматические соотношения слов (числа, надежды, времена и т. д.). Не говоря уже о том, что иероглифика, как междязычный фактор, может быть ценною лишь при отсутствии этих показателей, а как

«вещь в себе», самое превращение иероглифа в сложнейшую формулу, вместо упрощения дела, осложняет его до полной безнадежности.

(71) «Графическая система китайских иероглифов. Опыт Китайско-русского словаря... СПб., 1867», о которой была уже речь. В более доступной, хотя и плохо переделанной форме этот же труд см. в «Китайско-русском словаре (по графической системе) Д. А. Пещурова. СПб., 1891».

(72) Это число, несмотря на всю долголетнюю выработку его В. П. Васильевым, должно считаться, все-таки, преувеличенным. В самом деле, и более ранние (до В. П. Васильева) и более поздние (особенно за последние годы) графические системы основываются на гораздо меньшем счете черт (12, 10, 9, 8, 5, 4 и даже 3). Подробно эти системы (их пока насчитано 40, с пропусками) перечислены и кратко охарактеризованы в весьма интересной и важной, хотя и неполной статье проф. Вань Година (萬國鼎): «Критический обзор новых систем расположения иероглифов» (各家檢字新法述評; Гэцзя цзяньцзы синь фа шуин), помещенной в «Library Science Quarterly, published by the Library Association of China, Peiping, China, vol. II, No 4, December 1928 (圖書館學季刊 Тушугуаньсюэ цзякань). Наконец, самый новый, недавно (в конце 1929 г.) вышедший в Шанхае (в издательстве Чжун-Хуа) китайский графический словарь самого проф. Вань Година, экземпляр которого мне весьма любезно автором недавно прислан и который именуется: «Новый мост» (新橋字典 Синь-Цю цзядянь) расположен всего по восьми основным чертам, причем все они входят и в число девятнадцати черт системы В. П. Васильева. Но другой словарь, составленный также недавно, и также библиографом-библиотековедом Чэнь Ляфу (陳立夫), признает основными лишь пять черт, как видно из самого названия словаря: «Пятичертная система расположения иероглифов, принципы и применение» (五筆檢字法之原理效用 У би цзяньцзы фацжи юаньли сяюян), вышедшего в том же издательстве.

(73) И действительно, разлагая эти буквы на элементы, находим их в подобном количестве без труда и форсирования. Без печатных же элементов, то же количество получится от 4-х букв. Таким

образом, если взять длинное русское слово и соответствующее ему сложное китайское иероглифическое начертание, то часто получаем значительное сокращение элементов именно в китайском слове. Так, в слове «настороженность» имеем 13 элементов, а в соответствующем китайском, 慎 慎 всего 5.

(74) Действительно, можно без особенных усилий написать китайскими иероглифами и их частями русские слова, например, такие: «Китайский шрифт», причем, без предупреждения, не всякий сразу догадается, что все эти черты-элементы целиком взяты из китайского иероглифического состава (см. рис. 13).

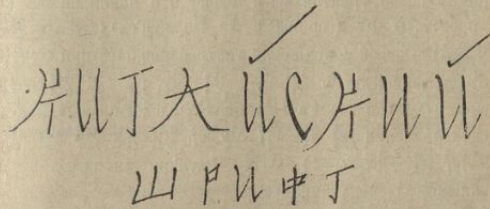

Рис. 13. Русская надпись, составленная сплошь из китайских иероглифов и их частей.

(75) Здесь приведены только те формы, которые имеются в наборе типографии Академии Наук (цифры, кегль 12).

(75а) О том, до какой степени иероглиф воспринимается, как знакомая физиономия, может наиболее красноречиво говорить входящая в моду графически-цифровая система Вань Юнью (См. Wong's System of Chinese Lexicography, The Four-corner Numerical System in Arranging Chinese Characters, 四角號碼檢字法 by Y. W. Wong, 王雲五, The Commercial Press, Shanghai, 1926), которая учит определять место иероглифа в словарях по контуру и не особенно входя в детали (стр. 19). Она применена в его словаре (1930 г.) «Ван Юнью да цыцзянь».

Всякий, кто видел особым жирным почерком написанные китайские вывески, согласится, что он «читал» в сущности по контурам знаков, не замечая этого.

9*

(76) О них уже упоминалось в речи о добавочных иероглифических шрифтах, подлежащих заучиванию в общей иероглифической программе китайского учащегося былых времен. Для полноты картины можно здесь еще указать на крайнюю условность и непоследовательность этих сокращений, которые, однако, создают всем понятные и неограниченные возможности. Так, например, знаком 又 сокращаются следующие сложные части знаков (левые): 對, 觀, 難, 鷄, знаком 丁—правые: 燈, 捷 и т. д. Но и это лишь один из приемов китайского сокращенного письма. Остальные весьма подробно (хотя и без классификации по приемам) впервые исторически полно трактованы в только что появившемся (1930) труде проф. Лю Фу (сообща с Ли Цзяжуй'ем) (劉復共李家瑞編) «Список сокращений, употреблявшихся при Сун, Юань, и вплоть до наших дней» 宋元以來俗字譜 Сун Юань илай суцзы цу). Издана книга в Историко-Филологическом Отделении Китайской Академии 國元中央研究院歷史言語研究所單刊之三) Голи Чжун'ян яньцзюань лишн яньюу яньцзюо даньканьчжи сань.

(77) Рисунок 14 отмечает кружком на странице одного из наиболее ходких театральных либретто (厲曹) сокращенные знаки. Их число, как видно, весьма значительно, и притом весьма постоянно для этого типа.

(78) Chi Li, «Some Anthropological Problems of China» (стр. 327). Автор этот, Ли Цзи 李濟, окончил курс одного из американских университетов в 1922 г., со специальностями: психологии, социологии и антропологии (сведения по Who's who in China, 1925).

(79) Bertrand Russell (Sometime Professor in the Government University of Peking): «The Problem of China», 1922, стр. 37.

(80) См. «Жизнь искусства» от 20 июня 1922 г., № 23.

(81) Опечатка, см. Фо-Гуанмоу.

(82) Известно, что это словарь кратких цитат из всего состава старинной китайской литературы (до XVII века), а не только одних поэтов, и что в нем можно найти лишь один-два стиха, но отнюдь не целую поэму.

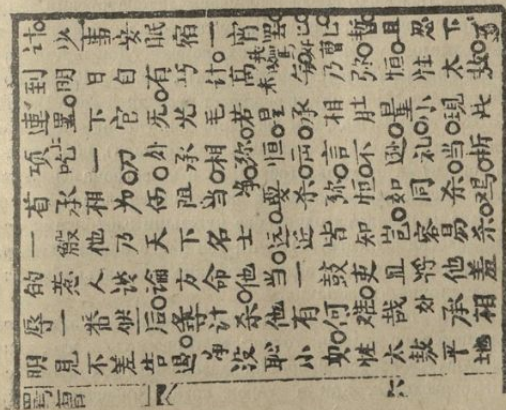
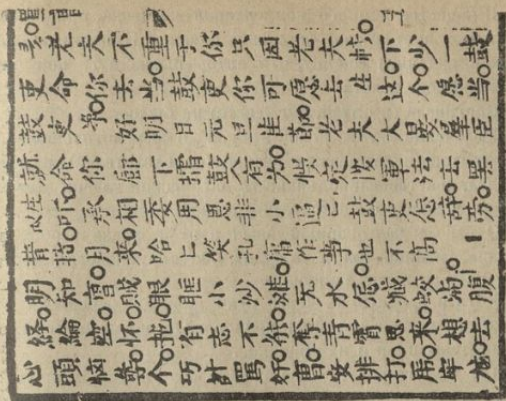

Рис. 14. Страница народного издания с сокращениями, дезориентированными иероглифами (отмечены кружками справа).

(83) В качестве личного комментария человека, присутствовавшего при этом претворении заголовка романа «Пин хуа бао цзянь» (в нередком издании) сообщу, что автор пьесы в ту пору не мог читать китайского текста.

(84) Оригинал (в китайском тексте) не было.

(85) Увлечение автора иероглификой до сосредоточенного копирования таблицы «ключевых» знаков (определителей), в которых автор видел, действительно, какие-то магические ключи. Два таких «ключа» украшали вход в зрительный зал.

(86) Однако, и разговорный язык в этой фразе особой, кроме словообилия, разницы иметь не будет, ибо терминология вся целиком поступает из языка книжного.

(87) Хотя и прошедших через руки японских ученых и публицистов, которые ранее китайцев прировняли иероглифику к выражению западных идей и их терминов.

(88) Тут же цитируется одно из наиболее типичных применений этого термина и выражения в тексте биографии знаменитого социального реформатора XI века Ван Аньши (Сун Ван Аньши чжуань): «Он выдавался (высился) среди всех своим литературским талантом и нравственною жизнью; особенно интересовался и считал своим жизненным уделом учение о высших нормах (Дао и Дэ), народоуправлении (цзин) и народоустройстве (цзи)». См. Цы Юань, Вэй, 72.

(89) Когда я в 1909 году преподавал русский язык в Пекинской школе КВЖД, то наблюдаю, как уверенно мои ученики пользовались русско-японским словарем (составленным Фурукава), ибо русско-китайский (Попова) их не удовлетворял, да и не встречался на рынке.

(90) Английские заимствования, находящиеся на тех же местах, что и русские, не являются одинаково чуждыми элементами «основной» (если таковая существует) речи; тем менее может быть разговор о французской фразе, — хотя греческие элементы в ней также кажутся достаточно «чуждыми».

(91) Хотя в этой книге я и не делаю сплошного этюда китайских неологизмов, но должен тотчас же оговориться, что, конечно, этот переводно-усвойтельный принцип далеко не везде в Китае проводился и проводится. Как в старом китайском языке (путао — виноград, люли — глазурь), так и в новом (цзялунь или галунь —

галлон, миту — метр, лейдин — радий) был и есть ряд слов, заимствованных фонетически, но это всегда те самые слова, которые не имеют шанса полной семантической жизни во фразе, — и вообще эти заимствования довольно редки.

(92) Так, например, иероглиф 相 сян, переведенный европейским словом, может, в зависимости от ситуации, быть существительным и значить: министр; или глаголом, и тогда значить: служить в должности министра, быть министром. Кроме разницы в положении среди других иероглифов (...+ сян, сян +...), других отличий, формальных не имеется. Этот же иероглиф имеет значение существительного: физиономия или физиономка (...+ сян); следовательно, в другой ситуации — значение глагола: гадать по лицу (сян +...), или прилагательного (например, сяншу); и т. п.

(92 а) Теория китайского слова весьма нова и интересно изложена в «Грамматике современного китайского языка» Иванова и Поливанова (в предисловии и в разных местах книги). Однако, над распространением ее на весь уклад китайского литературного, в том числе и классического языка придется еще поработать, например, хотя бы для утверждения теории универсальной инкорпорации, на которой чаще всего настаивают авторы книги.

(93) В последнем отчете о деятельности китайского отдела Библиотеки Конгресса в Вашингтоне (The Library of Congress, 1929—30. Appendix II. Division of Chinese Literature. United States. Washington, 1931), между прочим, упоминается (стр. 386) о приобретении очень большого количества рукописей (529) и картин (13), покрытых письменами живущего в губ. Юньнань народа Мосо, или Наши, причем выясняется, что эта письменность состоит из иероглифов, которые конденсируют не только слова, как в китайском языке, но и целые тирады, хорошо известные читателю (редкому), и, таким образом, представляют собою нечто в роде суфлерских заметок. Отчет говорит в заключение, что более глубокое изучение этих рукописей, возможно, выяснит важные этапы возникновения письменного языка и покажет, что пиктограммы и идеограммы (иероглифы) были сначала предзнаменены на роли мнемонической скорописи, для подсказа актеру, исполняющему драму или мистерию, и только затем уже эти знаки постепенно стали употребляться для полной тексто-

писи, причем для слов, не находящих себе форм, старые формы употреблялись по созвучию. Если это подтвердится, то выяснится окончательно картина китайского иероглифа, который, во всяком случае, изображал собою нечто более умное, чем то, что ему приписывается обыкновенно китайскими теоретиками, а также любителями из европейцев, особенно русских, переходящих в своих осмыслениях всякие пределы элементарной разумности. Выяснится, я надеюсь, что иероглиф никогда не был не только словом, но даже его частью, а сообщал путем условного внушения сложный комплекс-намеки, ясный только для особо посвященных.

(93 а) До известной степени (и только) можно считать иероглифическим текстом сокращенный, в видах экономии расходов, текст объявлений в наших газетах. Однако, к числу обязательных для понимания сокращений относятся лишь очень немногие, кроме того, основой «чтения» такого текста является только догадка, а не уверенность, которая совершенно необходима для чтения текста-языка.

(94) Поэтому можно утверждать, что разросшаяся за последнее время литература «переводов» классических и средне-литературных (гувэнь 古文) текстов на близкий к слышимому простой язык (байхуа), так называемые «параллельные, книжно-разговорные» издания (янь вэнь дуй чжао 言文对照), как бы близки к тексту они ни были, не создают тождественного оригиналу впечатления. Наоборот, можно, хотя бы по собственному переводческому опыту, говорить о более соответствующем по тону, хотя и разобщенном по языку, иностранном переводе, типа, например, переводов проф. Wilhelm'a (особенно Чжуан-цзы и Ли-цзи). Интересующимся этим вопросом сообщаю, что переводная с одного китайского стиля на другой литература очень подробно и добросовестно перечислена в статье В. Зимова (Yen-wen-dui-dschau 言文对照, und Koku-yaku-Kanbun 國譯漢文. Eine bibliographische Zusammenstellung von Walter Simon. Mitt. d. Sem. f. Or. Spr. zu Berlin, Jahrg. XXXIII, Ostas. Studien. 1930).

Однако, исходя из этой вульгаризации классического текста, как антипода ему по самой его литературной сущности, нужно тут же

прибавить, что и всякого рода учебный парафраз (типа сюйцзе 序解 в известнейшей хрестоматии-антологии Гувэнь пиши 古文釋義), дающий переложение насыщенного литературного текста на некий средний литературный вэньли, не может, как бы он близко к оригиналу ни стоял, его заменить, и переводчик, вообще, должен старательно избегать каких либо заимствований из этих вульгаризаций, чтобы не снижать взятого в тексте тона.

(95) Известно, что редакции текста знаменитого трактата о Дао (Мировом Духе) и Дэ (Мировом Начале) (Лаоцзы Даодэцзин 老子道德經) делятся на две группы: группа, допускающая большее количество слов (больше 5000) и группа, не допускающая этого. Вся разница (говоря кратко) в том, что первая редакция пользуется служебными словами, а вторая изгоняет их. Это наиболее яркий пример иероглифической манипуляции, при которой одна и та же фраза то сжимается, то расширяется, по требованию императивов мелодии, и, вообще, стиля.

(96) Подсчет этот можно производить, например, по известному изданию «О необыкновенном. Повести Ляо Чжай. Полное собрание, расположенное по темам повестей и их вульгаризаций» (Пзубэнь фыньлэй байхуа Ляо Чжай чжици 足本分類白話聊齋志異); 3-е изд. 1925 г. В этом издании «перевод» (явэнь 譯文) даже предшествует оригиналу (原文 юань вэнь) и комментарию (註釋 чжу пи); оно, следовательно, предназначено, главным образом, для тех, кто оригиналом интересуется во вторую очередь.

(97) Так думает и цитированный выше Ли Цзиньси (стр. 44): «Конечно, разговорные слова живут, но и не все классические слова умерли: они в постоянном употреблении в речи высшего порядка (in high-class speech).

(98) Понять Линя, повторяю, не легко, — но можно в виде временной гипотезы допустить, что он считал особенно ценным и важным сохранить в литературном изложении, хотя бы и переводном, ту особенность китайского иероглифического языка, при которой он, передавая, например, диалог, который в оригинале, несомненно, восходит к простой разговорной, непринужденной речи, обладал его в веселые, архаизированные, условные формы, создавая, таким

образом, особый, так сказать, двойной язык, примеры которого даны мною, например, в предисловии к моим переводам новелл Ляо Чжай под общим названием «Монахи-волшебники» (1923).

(99) Такими являлись, например, древние астрономические трактаты, летописи — источники позднейших историй, писатели о государстве и его устройстве (напр., Гуань-цзы), книги, враждебные конфуцианству и его канону (Лао-цзы, Чжуан-цзы и др.) и т. д. В известном руководстве для начинающего конфуцианского литератора былых времен, Цзин юй би ду 經餘必讀, числится 42 названия (в выдержках), основательное знакомство с которыми определялось самым титулом книги: «То, что надо обязательно учить после классиков». Характер междустроичного комментария в этом сборнике указывает на то, что к нему приступали люди, уже не нуждавшиеся в сплошных объяснениях текстов.

(99 а) Впрочем, назвать китайский литературный, старого типа язык не-звучащим было бы несомненным преувеличением. Ближко мне знакомый пример иностранца (русского), понимавшего в Китае чтение литературной передовицы 1900-х годов и дающего, в свою очередь, себя понимать на слух непредупрежденному китайцу, есть подлинный факт. Тот же иностранец мог иероглифически под диктовку написать, и до 80% правильно, названные ему вывески, содержавшие литературные намеки особой трудности. И, конечно, диктовавший мог рассчитывать на все 100% правильности, если бы писавший был равносильный ему по образованию китаец. Я лично также считаю иероглифическую диктовку весьма действительным педагогическим средством воздействия на инициативу и подъем интереса у заканчивающих курс китаистов.

(100) Едва ли не самую умной и значительной, в особенности для своего времени, надо считать известную статью В. С. Соловьева «Китай и Европа» (1890, см. в т. VI, «Собрания сочинений»), которая, будучи основана на крайне поверхностных, с фальшивой презумпцией переводах и статьях, всетаки сделала это сопоставление двух культур наиболее критическим и полнозвучным, хотя и односторонним образом.

(101) Цитирую по наиболее известному из англо-китайских словарей 英華大辭典 English and Chinese Standard Dictionary..., изд. Comm. Press, Shanghai, 1929.

(102) Богатство иероглифических комбинаций, при котором иероглифы, как части формул, сочетаясь с другими такими же, образуют новые, — уже не по типу $a+b=a+b$, а по типу: $a+b=c$, — особенно наглядно демонстрируется двухсотым словарем Пэй-вень юньфу, который надо рассматривать именно как словарь всей китайской книжной культуры. Предназначенный для убогих стихотворцев, не могущих самопроизвольно насытить свою поэзию достаточно солидным содержанием, этот Thesaurus Linguae Sinicae дает ключ к пониманию (по аналогии) самых сложных построений, встречаемых в китайском иероглифическом языке.

(102 а) Впрочем, как и всякий другой язык, китайский язык, даже условный, иероглифический, не математика, и допустимое в одном направлении у него в другом не допустимо. В частности, сокращения иероглифических и иностранных собственных имен производятся далеко не по одному принципу. Так, для некоторых европейских государств допустимо однословное обозначение (по первому слогу): 俄國 Нгэ(лосы)го — Россия, 法國 Фа(ланьси)го — Франция, 英國 Ив(цзили)го — Англия и т. д. Однако, для других европейских (Испания, Португалия) и азиатских (Монголия, Тибет, Бирма) эти сокращения не действуют (нет формул: Мын Го, Си Го, Мьян Го и т. п.)

(103) Отчасти, правда, эти наши сокращения напоминают уже приведенные мною сокращения китайских иероглифов, но сходство на этом и кончается, ибо китайские иероглифы сокращаются отнюдь не во имя иероглифического комплекса, что является для русских букв основой их букворда.

(104) О китайской книге см. основную и основательную статью проф. Шаванна (Les livres chinois avant l'invention du papier; в Journal Asiatique, Janv.-Fevr. 1905); интереснейшую статью Sir Aurel Stein о его «книжных» находках в «The New China Review» (III, 4) и мою рецензию на нее: «Вид китайской древней книги» в Известиях Росс. Академии истории матер. культуры (т. IV, 1925).

(105) В этом отношении пример тангутов (династия Си Ся) особенно поразителен. Не взирая на пример тибетцев, книги которых они сами переводили, они предпочли видоизменение китайской иероглифики простому буквенному письму, хотя бы и не в очень простом самом по себе тибетском виде. Также прошло мимо них без влияния очень простое по существу монгольское письмо. Кроме национализма и классовых инстинктов, очевидно, были у них какие-то соображения и рационалистические теории, о которых мы можем только догадываться (иероглифическая компактность, оптические эффекты и др.).

(106) Банковский сяньпен, очевидно, был не из образованных китайцев, что видно как из допущенного им соединения иероглифов в собственном имени, так и из вульгарного чтения иероглифа «анст» хэ как хао.

(107) Шаньдунские сы, сы, зы (сы, цы цзы) соответствовали бы пекинским: сы, цы, цзы, а равным образом и: ши, чи, чжи и т. д., Shsge читалось бы в Тяньцзине (как иероглифы) ssge, и хаорен — как хоирн; в Шаньси же erhz читалось бы как rhz и наоборот, rhz — как erhz, Zhchuan — как Zefan и т. д. Иначе говоря, были бы утеряны все достоинства иероглифики и сохранены ее отрицательные стороны (многообразие чтений), О (у) и (ы) (см. прим. 145).

(108) Мне случалось, при совместных лекциях с лектором-китаем, произносить китайскую фразу в заботливо деформированном виде, то есть лишая ее всех китайских фонетических особенностей и заменяя их приблизительными русскими аналогиями. При верном выборе и размещении слов, фраза бывала абсолютно понятна. В моей практике мне приходилось наблюдать русских людей, избежавших «актерского» приспособления к китайским особенностям речи, и все-таки, при умелом распоряжении словами, их речь в китайцах создавала иллюзию абсолютной китайской речи. Но это — единичные исключения. Обычно, жалоба на «диалект» тесно связана с недостаточным умением выбирать и располагать китайские слова, т. е. попросту с незнанием языка.

(109) Я уже не говорю о таких стереотипных именах-фамилиях, как вошедшие в китайские поговорки Чжан Сань, Ли Сы 張三李四 (Чжан Третий, Ли Четвертый), для уточнения и различения которых никакая иероглифика не в силах что либо сделать. А ведь именно этих то людей в Китае было большинство, как неграмотных и не получивших, как другие, в школе от учителя или дома — от грамотных родителей — какого-нибудь звучно-витиеватого имени.

(110) Впрочем, как было видно из вышесказанного, даже в подобном словаре эти совпадения не приходится на одну и ту же эпоху, и даже столетие.

(111) В этом случайно попавшемся мне номере помещен только конец списка, и мне неизвестна причина этого выдвигания.

(112) Контекст вообще играет решающую роль, и в такой, например, фразе: Wo go zhengfu i wuili zhengfu Nanjang два раза встречается слово zhengfu, соответствующая разным понятиям, и поэтому, разным иероглифам (政府 и 征服) находится в конструкции, не допускающей двусмысленности: Наше правительство, военной силой покоряя Юг... За то, wuili, для вящей убедительности, приходится дать в помещенной тональности. Но и это вряд ли для всякого читателя обязательно.

(113) При этом, иероглифика обслуживает даже элементарнейшие тексты, проведенные по разным диалектам и могущие у не знающих всех этих диалектов вызвать ряд недоумений.

(113 а) Между прочим, во многих отношениях японская иероглифика условностью своею значительно превосходит китайскую. Известно, например, что целый ряд иностранных заимствований, слов и названий пишутся китайскими иероглифами, хотя произносятся приблизительно по оригиналу (牛津 читается Oxford), и что фуригана, присоединяемая для пояснительного чтения и даже перевода к иероглифу, отнюдь не замечает его, а чаще всего даже отливается вместе с ним, причем таким образом получается особая роль иероглифа, не существующая у китайцев.

В «Грамматике современного китайского языка» А. И. Иванова и Е. Д. Поливанова (стр. 30) приводится особо любопытный пример универсализма китайской иероглифики, позволяющей японцам основывать Общества, например, «Обще-Восточно Азиатской письменности», «Иероглифической унификации» и др., действующие на основании характерных иероглифических удобств, в том числе, и особенно, на необязательности произносящегося элемента.

(114) Вышеприведенная цифра (2300) знаков, встречающихся у Сунь Ятсэна, несмотря на значительность его произведения (Сань-инь-чжу и), далеко не покрывает действительной, хотя бы только газетной потребности. Тем более трудно рассчитывать на успех

учебников в 1000 иероглифов, усиленно пропагандируемых за последнее время.

(115) Не говоря уже о том, что со времени упразднения государственных литературных экзаменов (1905) связь с прошлым (особенно историко-литературным) у китайской молодежи стала прогрессивно падать (чему, между прочим, очень много явных свидетельств, хотя бы, например, в виде появления учебных словарей такого типа, который свидетельствует о полном падении прежней выучки), нужно вообще сказать, что все то прошлое, которым гордился старый ученый литератор, доходило до масс в совершенно незначительном виде (занятые рассказы на исторические темы, популярные романы и т. д.), и даже из пословиц, и вообще, фольклора прямую связь с прошлым, запечатленным в иероглифическом языке, установить не легко. Во всяком случае, эта связь настолько бессознательна, что выключать ее в историческое наследие, подлежащее школьной культуре, по крайней мере, не стоит. В общем, китайский иероглифический язык так же дает из себя ростки в бедный культурными образованиями разговорный, как (приблизительно) латинский и греческий языки в европейские «новые» языки и русский. Если бы объединяющим всех европейских ученых и государственных деятелей был попрежнему латинский язык, то мы, например, в грамматиках русского языка имели бы возможность рассматривать изолированные слова типа: конфекты, префект, инфекция, наряду с латинскими того же корня: perfectum, imperfectum, proficiscor, facio и др. С изъятием же латинского языка из обихода, к нам из него все время поступают, — но только по мере реальной надобности (с появлением данной новой вещи или новой идеи), и часто без грамматической правильности, — «новые» слова, которые на самом деле существуют более двух тысяч лет. Как мы вправе, например, ожидать, наряду с вышеприведенными словами латинского происхождения, внедрения в наш язык слов: фадация, фактаж, парфект, профект и т. д., так и в китайский язык из старого фонда будут постоянно выплывать новые и новые комбинации иероглифов, с тою лишь разницей, что они будут, — как и у нас и везде, — регулироваться только конкретной необходимостью и абсолютной слышимостью, а главное, — без прежнего охвата целого, в объеме трехтысячелет-

него языка. Следовательно, логические процессы языка: от целого к части и от части к целому — прекращаются, и на замену идет эпизодическое словотворчество, ни с чем, кроме потребности дня и эпохи не связанное.

(116) В своей интересной и важной статье «О словаре и словарях:» 字典論略 Цзыдянь лунъюэ (в Тушугуаньсюэ цзикань, т. I, № 1, стр. 712; 1926 г.) проф. Вань Годин (萬國鼎) говорит об этом так: «Ныне (в 1926 г.) национальный алфавит все еще остается недостаточно распространенным, и его нельзя оставить (в словаре) единственным способом транскрипции. А между тем, и в низших и в высших учебных заведениях у нас преподают английский язык, так что к английской транскрипции у нас привыкли, и в новых словарях она употребляется весьма часто. Ее можно оставить, как вспомогательную».

(117) Из предшествующей характеристики иероглифов выяснилось уже, что иероглиф, — как часть слова, и принципиально скорее намек, чем определятельная и определенная единица, — вступая в соотношение (по тексту) с другими такими же полусловами, давал гораздо больше, чем иероглиф в изолированном виде. Однако, ясно также, что комбинация полужаского с полужасным, а тем более с целым рядом таких полужасных полуслов далеко не всегда приводила к полной ясности общей картины, причем эта полужасность осталась зафиксированною навеки в комментаторах, и за ними и в словарях, где формулы: «это в роде...» (猶...) или «вид чего то высокого, обширного, ... вид разлившихся вод...» (... 貌) положительно несутся.

Может быть, наилучшим примером типичной особенности китайского иероглифа, становящегося словом лишь в окружении других таких же, как он, полужасных намеков (или же частей слова) — будут китайские палиндромы, т. е. стихи, составленные таким образом, что их можно читать, с рифмой и цезурой, и сверху вниз и снизу вверх (или же, при горизонтальной строке — слева направо и справа налево). Вот, один пример такого палиндрома, взятый из сборника палиндромов Ли Яна 李易 (XVIII в.) — первая из серии восьмидесяти его «Весенних мелодий» (Чунь инь хуй вэнь) 春吟回文 которые, будучи построены однообразною «нормою» — по лию (восемь стихов по семи иероглифов), дают вполне совершенное поэтическое

описание, которое, конечно, при таких условиях возможно только в китайской иероглифической письменности. Я переведу для наглядности фразу за фразой дословно, в легкой ритмизации, сначала порядком А (в нормальном направлении), затем — порядком Б (в обратном). Полагаю, что перевод говорит сам за себя, и что примечания не нужны, тем более, что транскрипция проставлена.

Текст: порядок А — слева, порядок Б — справа.

Перевод. Заглавие — «Весенний снег».

I. А (нормальная строка):

Далекие	Яо	шань	сы	ци
		горы	всюду	вздыхаются (цезура)
		му	юнь	тун
		тучи	вечерние	с ними;

Б. (обратно):

С тучами	Тун юнь	му	(тун)	ци
		под вечер	вместе	вздыхаются.
		сы	шань	яо
		всюду	горы	вдали.

II. А.

Су	цзи	тин	цзе
Белое	— грудой	в дворе	крыльце:
	бань цзюань	фын	
	полуразметано	ветром.	

Б. Фын

Ветер	цзюань	бань	цзе
	размет	с половины	крыльца
	тин	цзи	су
	на дворе	грудями	белое.

III. А.

Цяо	вай	лю	хуа
За мостиком	там	иновый	цвет
	фэй	дянь	дянь
	летает	пятно	за пятном;

Б. Дянь

Пятно	дянь	фэй	хуа
	за пятном	летающий	цвет
	лю	вай	цзо
	за ивами	(там)	на мосту.

IV. А.

У	бянь	мэй	ин
Возле	платины	сливы	рисунок:
	дань	мын	мын
	пресен — брызги	да брызги!	

Б. Мын	мын	дань	ин
Брызги	за брызгами	в пресном	рисунок
	мэй	бянь	у
	— рядом	со сливой	платина.

V. А. Бяо	хуй	у	цзин
Вихрем	крутятся,	танцует	на тропке
	чунь	сюнь	хэ
	весне	покорный	журавль;

Б. Хэ	сюнь	чунь	цзин
Журавль,	покорный	весенней	тропе,
	у	хуй	бяо
	танцует,	крутится,	как вихрь.

VI. А. Сюй	ло	чжань	ни
Пух	падает	в липкую	грязь:
	сяо	та	янь
	то утром	шестьует	гусь.

Б. Янь	та	сяо	ни
Гусь	стучает	по утренней	грязи —
	чжань	ло	сюй
	марает	упавший	пух.

VII. А. Ляо	цзи	ку	инь
В безмольной	тиши	горько	вою:
	жень	най	лэн
	человек (я)	перетерпит	холод;

Б. Лэн	най	жень	инь
Стужа	(ш)терпит,	чтоб пел	человек
	ку	цзи	ляо
	горько	в безмольной	тиши;

VIII. А. Яо	шуй	гун	цзуй
Приглашу ж я	кого	вместе	напиться
	сяо	тин	дун
	от малой	беседки	к востоку?

Б. Дун	тин	сяо	цзуй
В восточной	беседке	слегка	опьянеть
	гун	шуй	яо
	вместе	с нем	приглашу ?

衡陽禹山李暘賓谷。
春吟回文春。雪。

- I. 遙山四起暮雲同。
- II. 素積庭階半捲風。
- III. 橋外柳花飛點點。
- IV. 隴邊梅影淡濛濛。
- V. 鷗回舞徑春馴鶴。
- VI. 絮落沾泥曉踏鴻。
- VII. 寥寂苦吟人耐冷。
- VIII. 邀誰共醉小亭東。

(118) Вся колоссальная литература китайских писателей-комментаторов, даже только та, что дошла до нас и всетаки достигла таких размеров, что, например, нельзя и думать (особенно иностранцу) перечитать все труды даже по самому ограниченному предмету, — в частности, по одной книге (например, по Дунь Юй'ю, Шу цзину и т. д.), — вся эта литература вызвана, главным образом, постоянными неясностями иероглифов и их соединений, которые можно объяснить только из исключительно твердо и хорошо продуманной системы мыслей писателя, особенно его эпохи и звучащих в нем стилей. Системы эти, конечно, различны, и поэтому, писатели-комментаторы обычно представляют собою крупных властителей больших систем, знакомясь с которыми, нельзя ограничиться подстрочными кусками их утверждений, а надо быть знакомым с ними, как с полными и определенными писателями, принадлежащими к данной эпохе, выразителями данных течений, а главное, как с особыми продуктами китайской универсальной, и в то же время кристаллографически, каждый раз наново комбинируемой учености.

Но особой силы нарочитая неясность иероглифов достигает в собственных именах китайцев, которые, как известно, не являются столь

стереотипными, как наши. Так, например, историческое имя 錢傑 Цянь Цэе, со вторым именем этого человека: 三元 Сань юань, может быть истолковано так: «Цэе значит герой; вспоминаю по этому поводу героев, создавших славу династии Хань (Чжан Лян, Хань Синь, Сюэ Хэ) и названных современниками: Три Героя; поэтому и тебе, мой сын, даю второе имя Саньюань, т. е. Цэе-герой, (во имя) Трех (Ханьских) Первачей = героев)». Само собою разумеется, что весь процесс проходит в области интуиции, и все это мое объяснение слишком ясно и выпукло, даже химерично. Еще пример: 張爾岐 Чжан Эрчжи («Чжан Такой (?) Скалстый») имел вторым именем 稷若 Цзижэ («Подобный Цзи»). В Шипцине (Да Я: III, 2, 1,4) читаем: 誕實匍匐。克岐克嶷... «И вот, он ползает. А полностью велик, и полностью высок!...» Речь идет о герое древнего предания, боге (Хоу) Цзи, который в детстве уже являл чудеса. Значит, надо подсознательно расшифровать это имя так: Чжан Скалстый, подобный (Хоу) Цзи».

(119) Китайский старый текст без пунктуации был явлением психологического порядка, свидетельствующим менее всего о небрежности, и более всего, наоборот, о заботливом внимании к читателю, в котором писатель, требуя от него ответной работы, не имел права предполагать человека, стоящего ниже его собственного уровня. В учебных изданиях это было, конечно, иначе. В новых же ныне введена сильно преувеличенная европейская пунктуация (подчеркивание собственных имен — причем каждый род их по разному, и т. д.) Впрочем, еще до сих пор оба порядка сосуществуют, и я, например, еще на днях получил из Китая частное письмо без всякой пунктуации (очевидно, в силу выказанного мною положения). Точно также, например, в последнем номере отчета Бэйпинской Национальной Библиотеки — Голи Бейпин Тушугуань у баогао, за 1929-1930 гг.) текст дан без пунктуации.

(120) 梁任公胡適之吳又陵國學書目 Лян Жэньгун, Ху Шичжи, У Юли, госюэ шуму; Пекин 1925. — Часть I содержит предисловие и аннотированные названия книг, сделанные Лян Цичао, под отдельным заглавием: 國學入門書要目及其讀法 Госюэ жумынь шу яому, цзи ци дуча. Она дати-

10*

рована 26 апреля 1923 г., т. е. эпохой, когда данный «минимум» ощущался несравненно менее, чем много лет спустя. Эта часть Ляо Цичао состоит, в свою очередь, из отделов: а) 修養應用及思想史關 Сюань ин'юань цзи сысян ши гуань — «Книги по вопросам морали и истории мировоззрений»; б) 政治史及其他文獻學 Чжэньчжи ши цзи ди та вэньсянь сюэ — «Книги по политической истории и книги сюда относящихся материалов»; в) 韻文書類 Юньвэнь шу лэй — «Книги по изящной литературе»; д) 小學書及文法書類 Сюэсюэ шу цзи вэньфа шу лэй «Книги по общей филологии и грамматике»; е) 隨意涉覽書類 Суйи шэлянь шу лэй «Книги для беглого, факультативного просмотра». — Далее идут весьма примечательные правила и наставления, как читать и изучать эти отделы, излагать которые было бы здесь, конечно, слишком долго.

Вторая часть принадлежит лидеру китайской литературной революции Ху Шэ, который, как известно, отвергал всякое подражание древним авторам и их стилям, призывая к новому, освобожденному и, вообще, свободному творчеству. Его список называется: 一個最低限度的國學書目 Игэ цзуй ди сяньдуду госюэ шуму — «Самый сжатый и элементарный список книг по синологии». Этот список состоит из а) 工具之部 Гунцзюйчжи бу — «Книги рабочего аппарата», б) 思想史之部 Сысяншичжи бу — «Книги по истории мировоззрений», в) 文學史之部 Вэньсюэшичжи бу «Книги по истории литературы».

Третья часть принадлежит педагогу У Юй 吳虞 и называется 青年研究中國文學宜選讀之書 Циньянь яньцзю Чжун-Го вэньсюэ и сюаньдучжи шу — «Книги, рекомендуемые молодежи для изучения нашей литературы». Изложение — по старой системе отделов: классики, историки, философы, поэты и прозаики.

Я считал нужным дать более полную, чем обычно, библиографическую справку об этой книжке, чтобы указать на индивидуальность трактовки предмета каждым из авторов. Но, разумеется, я не могу здесь остановиться на них более подробно. Замечу еще, что

об этих «минимумах» на фоне современной литературы я кратко писал в статье «Les problèmes de la littérature chinoise contemporaine» (La Revue de Paris, № 8, 15 Avril 1929, pp. 907—920).

(121) Так, в своем предисловии к первой части книжки, посвященной названию: «Каталог важнейших книг, вводящих в синологию, и методы их изучения», Лян Цичао (Лян Жэньгун) говорит, что он назвал книги только по памяти, ибо, живя на даче, не имел под руками никаких книг, — и то у него вышло: а) 4 классика, 20 философов, 2 по истории философии, 13 общего чтения по истории (включая и самое историю); б) еще 2 классика, 3 древних исторических трактата, полный свод истории («надо внимательно прочесть!», огромные исторические энциклопедии (одну и другую)), все 24 официальных истории(!), критические на них заметки и статьи, биографии, географические обзоры и методологию истории; в) еще 1 классик, 3 сборника и антологии, 33 (полностью) поэты и других сборников; д) «надо быть основательно знакомым со справочной литературой»; е) штудировать 32 критико-библиографических трактата и т. д. и т. д. (место не позволяет мне остановиться подробнее на характеристике всего этого перечня, а тем более на перечнях двух других авторов).

(122) Это свидетельствует, между прочим, и Ли Цзиньси (в цитированной выше книге, стр. 42): «У нас часто случается, что молодые люди, десять лет изучавшие классический язык, становятся в тупик перед правильным словоупотреблением». — Это особенно касается, как известно, простейших слов; но и для более сложных выражений, требующих солидной начатанности, так называемые «белые» знаки (白字), т. е. «зряшные», северные — не редкость, и без опытного начетчика-секретаря не обходится, за редкими исключениями, ни один из китайских видных деятелей.

(123) Ему объясняется, например, что такое Тай шань, Дунтин и т. п. Ему даются для чтения образцово ясные и понятные произведения поэта IX века Бо Цзюйи, но и они предшествуются «переводом» на разговорный язык.

(124) Цы Юань начал формироваться с 1907 года, когда этот средний уровень был всетаки достаточен для усвоения аргументации, ссылающейся на первых (по школьному прохождению) клас-

сиков без дальнейших пояснений. Теперь этого уже недостаточно. Так, например, на первой же странице (Цзы, 1) под 人 (1) приведен стих классического Шипцина, который ни в одном из изданий (не говоря уже про чисто учебные) не оставлен без комментария, в то время, как Цы Юань считает его понятным (можно, впрочем, допустить, что словарь не считает вторую часть стиха важной и нужной для понимания — прием мало рекомендуемый, ибо здесь, таким образом, отделяется подлежащее от сказуемого). Очень сомнительно также, чтобы без основательного знания истории Китая, а главное, имен ее многочисленных героев была понятна ссылка под 義子 в отделе Вэй, 116, 3. Нужно наизусть знать все чтения и имена Лунь Юй'я, чтобы понять цитату из него в отделе Цзы, 21, под 三 善ь, 2, и особенно в том же отделе, 23, 1, под 三 仁 Сань жэнь, ибо без твердого знания истории и конфуцианского учения искомое слово жэнь явится пустым. Лишь применительно к первому случаю, и то весьма поверхностно, можно понять цитату из весьма известной в прежнее время всякому образованному юноше знаменитой оды Ван Бо (и предисловия к ней), приведенную в Цзы, 151, 3 под Жэнь цзе ди лян: вторая часть объясняет первую, и без комментария она не ясна. — А главное, очень многие из названий сочинений, на которые делаются ссылки, нигде не оговорены, и сомнительно, чтобы они были учащемуся известны.

С этой же стороны любопытно, между прочим, появление сборника «Комментированных предисловий к каталогу Четырех Отделов (библиотека императора Цянь-Луна)» 四庫全書提要叙箋注 Сы Ку цюаньшу тияо сюй цзяньчжу, вышедшего недавно первым изданием в 1926 г., третьим в 1929 г. и предназначенного для школ. Комментатор, как показывает и самое обозначение типа его примечаний (цзяньчжу), распространяется о совсем азбучных вещах 裁鑒別也... 刪謂定刪詩書, и т. д. и, таким образом, дает к этим важным литературным характеристикам XVIII века доступ учащемуся второй четверти XX-го века, который уже потерял связь с комплексом знаний прежнего начетчика и встречает неодолимые трудности там, где их вовсе не было. Надо приветствовать такие толковые издания: они распространяют нако-

пец, китайскую литературу среди слоев населения, доселе ее обычно лишенных (в том числе школьников, не занимающихся своею литературой, как специальностью).

(125) Таким, например, надо считать весьма заботливо и хорошо составленный **國音白話註學生詞典** Гоинь байхуа чжу сюэшэн цыдянь, имеющий английский подзаголовок: «Student's Encyclopaedic Dictionary» (с объяснениями на простом языке и с приведением стандартного произношения в национальном алфавите), впервые появившийся уже в 1924 году (в издательстве Commercial Press, в Шанхае). В нем, например, упомянутая в предыдущем примечании цитата Цы Юаня дана только в той части, которая касается искомого слова (жэнь), в более простом (хотя и меньшем по числу знаков) объяснении, с транскрипцией всех входящих в нее пероглифов, но без всяких библиографических ссылок. Этот словарь, небольшой и удобный, весьма рекомендуем начинающим, как дающий очень удачные и наиболее простые разрешения порой довольно запутанных пероглифических сплетений. Но — только начинающим, ибо для китайста, читающего вполне серьезный текст, особенно такого порядка, что он явно стоит по интеллектуальному уровню выше уровня учащегося читателя, этот и ему подобные словари дают только набор слов.

(126) Такова, например, помещенная в № 52 (Апрель 1926) журнала **學衡** Сюэ хэи критическая статья **錢萼孫** Цянэ сун'я, оценивающего некоторых поэтов современности (**近代詩評** Цзинь дай ши пин) языком, не уступающим языку начала нашей эры: «... Стихи Чжан Юцюа (Пэйлуэ) — как открытые слова без обиняков: возвышенным является он нам, как смело возражающий царю министр» (**如昌言不諱,卓爲諫臣**); «... Стихи Чжан Цзиньпо (Силуань) подобны рожку, раздающемуся на пограничной стене: в них особенно много осенних дум» (**如邊城吹角,秋思獨多**); «... Поэт Лянь Цзеань (Динфань) напоминает каллиграфию У Сина: изящный, красивый, милый» и т. д.

(127) Любопытно, что этому процессу более всего способствовал тот самый Линь Шу (林紓, 琴南), который все время вел яростную борьбу с литературною революцией и с пропагандируемым ею упрощенным языком (байхуа).

(128) В сущности, этот язык настолько уже близок к невооруженному пониманию, что еще шаг, и его слышимость даст возможность его латинизировать. Очень хорошее к нему пособие, на правах самоучителя, может быть рекомендовано в книге: «Evan Morgan, A Guide to Wenli Style and Chinese Ideals: Essays, Edicts, Proclamations, Memorials, Letters, Documents, Inscriptions, Commercial Papers. Chinese Text with English Translation and Notes. Shanghai, 1912; pp. VIII, 414; vocabulary 46, index 26 (на последние надо обратить особое внимание). Следовало бы также обратить внимание на собранные им же разговорные фразы, основанные на неологизмах, перешедших из книжно-условного состояния в произносительно-слуховое: «Colloquial Sentences with New Terms; Chinese and English Texts, by Evan Morgan (Shanghai, Kelly and Walsh, 1922). Жаль, конечно, что эти отрывочные фразы не соединены в стройные речи. Впрочем, в дополнение к предыдущему руководству для усвоения письменного языка, можно рекомендовать также заботливо построенное тем же автором руководство к современному разговорному («мандаринскому») языку Севера: «The Chinese Speaker, Readings in Modern Mandarin» (403 стр.).

(129) Несомненно, что процесс «перевода» (Янь вэнь дуй чжао), о котором говорилось раньше, есть только фальсификат, обратное разворачивание оригинально закрученной спирали, ибо, например, новеллист Ляо Чжай, записывая, как он сам говорил, разные таинственные рассказы со слов поселян, не столько «переводил» их в старинно-книжный язык, сколько мыслил и творил наново, повинаясь в данном случае звучащим в литературе мелодиям и словам, не существующим в разговорной речи.

(130) Так, например, если буквенные соединения, типа ki, hi, gi не существуют в пекинском диалекте, то они реальны в шаньдунском; si в пекинском будет произноситься иначе, чем в шаньдунском; Samin, не имеющее смысла в Пекине, реально в Кантоне, и т. д.

(131) Так, написание son, реализуемое звуковым порядком и в английском, и во французском, и в немецком, и других (в русском языках (с оговоркой), не создает трагических недоразумений для не знающих этих языков, а тем менее — для знающих, ибо первым это объединение вовсе не нужно, а вторым оно только курьезно.

(132) Надо еще раз повторить, что паллиативы, в роде **千字課** Цян цзы кэ («Уроки в объеме тысячи знаков») — нечто в роде «basic English», т. е. системы английского языка, в которой 850 слов призваны исполнять роль, по крайней мере, 20.000, — создают только недоразумения всякий раз, как «грамотному» приходится читать не то, что искусственно уложено в это число пероглифов. Даже 5600 пероглифов, как например, в «A Complete Chinese-English Dictionary» O. Z. Tsang'a — словаре, предназначенном для китайцев, изучающих английский язык, и, поэтому, нуждающихся в своем комплекте, как в основной канве; и даже 6400 пероглифов в «Chinesisch Deutsches Wörterbuch» Rüdberg'a, созданном, наоборот, для европейцев, ищущих полного комплекта, как поучительного минимума, — оба эти комплекта могут назваться лишь приблизительными. Во всяком случае, практика чтения даже популярного журнала **東方雜誌** Дунфан цзачжи (изд. в Comm. Press, в Шанхае) указывает на недостаточность обоих словарей, особенно первого.

(133) Таковы, например, названия книжных лавок, в роде Эр Ю Тан **二酉堂** которое для своей расшаркировки требовало бы знания литературного предания о существовании двух гор Ю (Да Ю и Сю Ю), в подножии которых были пещеры — хранилища большого количества старых рукописей, сложенных, будто бы, туда учеными, которые бежали от Циньского разгрома ученых и ученой литературы (III в. до н. э.); или название: Шяцзе Юань шупу **拾芥園書鋪** — «Книжный магазин под титулом: Сад поднявших горчиичную былинку», — в котором надо узнать цитату из исторического повествования об одном древнем учителе, который говорил своей молодежи: «Ученый должен болеть только своим непониманием классицизма. Как только это понимание установится, то получить высшие должности будет так же легко, как поднять горчиичную былинку» (см. в Цы Юане) и т. д. Следовательно, в китайском разговорном парафразе, и даже в русском его отражении, оба названия должны быть переданы приблизительно так: «Магазин, где, наверно, так же много древних книг, как в древнее время у подножия гор Большой и Малой Ю»; «Сад, где легко поднять былинку, — особенно ученым, assortирующим у нас свою библиотеку».

(134) Как указано уже ранее, громадное число новых понятий передано в Китае (с помощью японцев) путем переводным, а не транскрипционным (как например у нас), и следовательно наши транскрипционные заимствования, типа: граммофон, радио, трамвай, семафор... передаются на китайский язык смысловыми сочетаниями: граммофон — **留聲機器** люшэн цзици — «машина, оставляющая в себе звук»; радио (= беспроводный телеграф) **無線電報** усань дяньбао; трамвай **電車** дяньчэ — «экипаж, движимый молнией (= электричеством)»; семафор **電號機** дяньхэо цзи — «машина, подающая электрические знаки» и т. д. Следовательно, у китайцев языковая разобщенность слов культуры с остальным миром оказалась гораздо меньшею, чем у русских, для которых в слове: семафор нет никаких смысловых указаний, и которым только хорошее описание аппарата, картинное его изображение и, наконец, сам он, воочию явленный, создают представление, после которого нужно еще одолеть слово, почти не имеющее (для малограмотных) этимологических ассоциаций, ни в целом, ни по частям.

(135) В этой книге трудно было бы, хотя может быть и важно, перечислить, наконец, и с точностью, всю программу старого китайского образования. Ограничусь опять простым, суммарным указанием на ее охват всех главных классических (в конфуцианском смысле) произведений, а равно и всех главных типов китайской литературы, особенно исторической. Ясно, что все эти предметы, ушедшие из обязательных программ уже с 1905 года, теперь тем более в них уже не вернутся.

(136) Трудно себе представить русское слово, ограничивающееся чисто русскими этимологическими образованиями. Так, слово и понятие делать дают, кроме русских образований, еще: агент, акция, реакция, фактор, поэт, актер, инфекция, энергия, гешефт, парикмахер, фейерверк, драма, хирург, драматург; слово и понятие: говорить — дикция, диктор, эдикт, пролог, апология, спич, колоквиум, парламент; и т. д. Предлоги также участвуют в этом процессе: без имеет аналогичные формы в словах: анархия, алатия, санкюлот, инвалид, импровизация, дезинфекция; при — адвокат, акцент, аппетит, ассоциация, атрибут, эффект, афиша и т. д. Подробности, конечно, в более компетентных курсах по сравнительному языкознанию и грамматике.

(137) Из моей собственной практики изучающего китайскую литературу и литературный иероглифический язык аналитически мне известно, что, в то время как первые четыре классика (Да Сюэ, Чжун Юэ, Лунь Юй, Мян-цзы), и даже пятый (Ши-цзин) участвуют в поклассической литературе, как первоисходные словари, остальные классики второй серии участвуют в литературном словаре гораздо менее. В классиках бывали целые главы, из которых в читанных мною литературных произведениях не давалось ни одного литературного намека, выражения, синонимически важного иероглифа и т. д. Ясно, что эти главы в дальнейшем еще реже будут использованы китайскими литераторами, — тем более в латинизационную эпоху, имеющую определить не только внешность, но и содержание письменности, в том числе и выбор слов, — на этот раз уже независимый от традиции.

(138) В самом деле, не говоря уже о слогах-иероглифах, которые почти не дают графических вариантов на один, два и более тонов, как например, а, ан, гуа, гуай, диу, сэн, и поэтому легко распознаются, давая этим самым отправные пункты в обе стороны текста, — ясная и определенная конструкция (а в живой речи это явление несомненно более часто, нежели в условной, иероглифической) всегда создает возможность быстрой ориентации. Конечно, анекдоты и игра слов, созданные иероглификой, останутся вне достижения латиницы, но, зато, создается, в замену им, много новых забавных историй и недоразумений, новая карикатура и т. д.

(138а) Когда я учился в Пекинском университете (1909), я сам присутствовал на лекциях профессора-классика, который был родом из Ху-нани и был вынужден всю лекцию писать на доске, давая к ней реплики и пояснения, которые были уже понятны сами собой.

(139) типа, например, каталога императорской библиотеки Цянь Луна, Сы ку цюаньшу цзунму, с его знаменитыми предисловиями, имеющими историко-литературное значение.

(140) Как уже указывалось выше, классики, собственно, всегда существовали в двух видах: в оригинале и в учебном парафразе, типа 二論典故 Эр Лунь даяньгу, где дается, во первых, объяснение каждого слова путем подстановки ближайшего разговорного эквивалента; во вторых, переводы иероглифических групп, и, наконец,

перевод текста. О прочей переводной (в байхуа) литературе говорилось выше, но к ее характеристике надо все же добавить, что пока она имеет еще слишком учебный характер. Несомненно, что в латинизованном виде она от него освободится, и ей сообщится литературность, которая, в «переводах», не разьединенных языками, более доступна творчеству, чем в иных.

(140а) и, следовательно, комбинацией букв ы+э может быть легко и очень точно изображен самый трудный для латиницы звук, типа: хэ, лэ, сэн (хо, ло, сэн).

(141) Так, например, при русском непредупрежденном произношении, китайцем воспринимаются совершенно превратно китайские слова (иероглифы) в русской транскрипции: ча, чен, чу, ти, тянь, тiao и др., которым соответствуют в той же транскрипции, и, потому, с ними смешиваются: ця, цян, цю, ци, цян, цiao и др., и даже цзя, цзянь, цзю, цзи, цзянь, цзюэ; и др.

(142) Это так называемая система фонетической нотации, сильно распространенная за последнее время на так называемые «фонетических курсах» иностранных языков. Ее выгоды — в аналитическом восприятии и воспроизведении звуков, позволяющей внятно и логично учить и так же учиться. Ее невыгоды заключаются в предварительном изучении букв, впоследствии совершенно непригодных в орфографическом обиходе и требующих особых таблиц, приводящих этим буквы-знаки в условную, и в то же время, нормальную орфографию. Как показывает мой опыт, этот перевод требует часто больших усилий и запутывает, особенно тех, что познакомились с латинским алфавитом впервые не в орфографии, а в фонетической нотации (например, смешивается в памяти j, как йот в фонетической нотации английского слова you, и как буква в английском слове jam; и др. примеры).

(143) Так, на наших глазах переименованный Пекин (Бэйцзин — Beijing), имеющий нормальную (Вэйдовскую) романизацию в виде Peiping, сразу же превратился в Peiping (и по нанкински в Peping), очевидно, из за графических неудобств апострофа, которые повлияли даже на официальную титулатуру. Впрочем, и старое название Пекин (Peking, Peking), как и названия других городов и мест (Hankow, Pukow), очевидно, по тем же неудобствам апострофа, давно уже не пишутся, как следовало бы (Peiching, Hank'ou, P'uk'ou).

Однако, повидимому, к апострофу все-таки придется прибегнуть, хотя и в очень ограниченных случаях обозначения двух первых тонов (ma' для 麻, ma для 媽), если не обозначить их оставшимися неиспользованными буквами q и v (шаq и шаv), что напоминало бы обозначения, принятые некоторыми латинизаторами китайцами (напр. Ли Цзиньси, о котором уже упоминалось).

(144) Между прочим, из опасения не встретить на клавиатуре всякой пишущей машинки ѳ, — букву, столь важную для китайского латинизационного обихода, мы должны были заменить ее, по практике других алфавитов, через v, что, в данном случае, шло в разрез с романизацией Wade'a, не имеющей этой буквы вовсе. Этим, между прочим, и объясняется, почему на заседании Научного Совета ВЦКН Нового Алфавита 19 и 21 Мая 1931 года этот унификационный прием был снят с проекта. См. еще примеч. 145.

(144а) Между прочим, в число этих паразитических лигатур на заседании ВЦКНА (см. примеч. 144) была включена совершенно, с моей точки зрения, ненужная и логически вредная th. Можно надеяться, что практика латинизаторов эту лигатуру быстро упразднит.

Гораздо лучшим изменением нашего проекта (за что, между прочим, я всегда ратовал в нашей комиссии) надо признать невыведение из алфавитного строя х, которому теперь полагается играть роль h (хаh, хоh), а эта последняя буква остается всюду на роли только паразита.

(145) Исходя из фонетико-логических соображений об артикулярном средстве фонем (ж/р), (ш), (ч), (чж), один из членов нашей комиссии предлагал построить их буквенное обозначение на основании г = ж/р таким образом: г — sr — tr — dr, то есть, геп 人 жэнь, сген 身 шэнь, тген 臣 чэнь, дреп 眞 чжэнь, при этом г обозначало бы основную, типично китайскую проторную артикуляцию, а s, t и d указывали бы соответственно на ее глухую, глухую взрывную и звонкую взрывную характер. Соображения романизационной традиции взяли, однако, верх, и, как сказано выше, были приняты для этих фонем обозначения: rhen, shen, chen, и zhen — последнее по сопоставлению с shen (от глухого к звонкому).

Что же до губно-язычного, обозначавшегося сначала через v (примеч. 144), его пришлось заместить унификационным порядком через y, который, таким образом, был снят с обозначения (ы), а этот последний звук было положено на заседании ВЦКНА) вовсе не обозначать, — исходя, при этом, из индивидуальной практики многих китайцев (Alfred Sz). Тональность, в таких случаях, придется, очевидно, помечать, не стесняясь отсутствием гласного, что на первых порах будет выглядеть курьезом.

(146) за исключением, как уже оговорено ранее, миссионеров, давших переводы в сплошной латинизации. Однако, эта латинизация не охватывала собой тех нужд, для которых она призывается теперь, да и понятность ее была сомнительна.

Сплошная транскрипция, типа вторых (после иероглифических) текстов в переводах Куврёра (например в его Les Quatre Livres, avec un commentaire abrégé... par F. S. Couvreur; 1910) китайскую латинизацией сочтена быть тем более не может, ибо не самостоятельна и без иероглифов не понятна. Вряд ли миссионерские транскрипции далеко отстоят от этих Куврёровских.

(147) Как известно, чтобы сохранить для новой «алфавитной» письменности (Чжунинь цзюму) впечатление нормально китайской, а не режущей глаз иностранщины, буквы и литературные соединения сделаны в этом алфавите, по примеру японской слоговой кань, из китайских же иероглифов, причем некоторые буквы напоминают свой оригинал особенно близко (j для ч, (h) 尸 ш, (h) 尸 для х, (sh) — для ш), будучи целыми иероглифами сами по себе; другие же отдалены от оригиналов несколько более. Но и в том и другом случае связь новых букв с оригиналами-иероглифами имеет лишь значение для любознательных, — и в принципе не большее, нежели, скажем, латинские буквы в отношении их египетских прабабок.

(148) В самом деле, как французов и англичан, борющихся за сохранение своей условной, иногда превосходящей иероглифику письменности, испугала бы новая «латинизация» ушедших из жизни в традицию буквенных сочетаний (типа, например: metrè korbo sur ènarbrè pershe tènèt a so: bek è: fromajè,—на место известного: Maître Corbeau sur un arbre perché tenait en son bec un fromage; или для английского, не менее известного: tubii o' not tubii oat yz ekweshchn-

вместо: to be or not to be that is the question), так в будущем, вероятно, станет пугать и русских латинизация крыловской, например, басни в таком виде: *lisicy gdyeta box paslal kusochk sygu*. Вряд ли, по силе впечатления на оппозиционные группы, эта трансформация будет отличаться от настроения лицезрящих латиницу упорных иероглифистов Китая.

(149) «Русское правописание. Руководство, составленное по поручению Второго Отделения И. Академии Наук академиком Я. К. Гротом» (18-ое издание было выпущено в 1908 году).

(150) Вообще, принципы КЛО не могут совпадать с орфографиями других языков, обремененных выше меры историко-оптическим наследием. Так, орфографии: влез в лес, баб — рябь; тагеац, роёле; thought — thou — и др. для китайской не примеры.

(151) Это мое утверждение, правда, касается главным образом орфографии русской (написать «раскащик, здайца, сесь» легче, чем: рассказчик, сдается, съест; читать же можно вполне активно и то и другое); ибо, например, для орфографии английской роль читающего также связана с некоторой работой, но, конечно, всетаки меньшей, чем работа пишущего. При малой же грамотности (напр., у русских) работа читающего, наоборот, больше работы пишущего, и так как в предлагаемой орфографии ставка делается на написание, а не ригидное правописание, то на работу читающего особенно рассчитывается.

Всем известно также, что работа вполне грамотного при чтении письма безграмотного едва ли не больше, чем та же работа безграмотного, ибо последний обладает большей терпимостью и меньшими презумпциями, а эти качества являются для предлагаемой орфографии едва ли не основными.

Однако, дело должно обойтись без крайностей, интересы читающего должны быть ограждены от хаотической фантазии пишущего, и орфография, вообще, не будет фонетической нотацней, ибо, при превращении в нотацию, например, английской орфографии, труд читающего был бы несоизмерим с трудом пишущего, — и это крайность.

В частности, предполагаемым усилением работы читающего нужно считать нейтрализацию тонки (необозначение тонов и тембров),

при которой читающий должен быть внимателен к контексту больше обычного. Подробности об этом ниже.

Могут возразить, что при таком порядке вещей орфография потеряет свою воспитательную роль. Но будем надеяться, что если эта роль по ходу вещей восстановится в своей значительности, то дальнейшие судьбы латинизации ее определят лучше, чем то можно сделать сейчас.

(151а) Проф. И. А. Бодуэн де Куртене в § 36 своей книги «Об отношении русского письма к русскому языку» точно также делит эти отношения на три части: алфавит, графику («связь писанно-зрительных элементов с элементами только произносительно-слуховыми, в отвлечении от ассоциаций с представлениями морфологическими и семасиологическими») и, наконец, орфография или правописание в тесном смысле этого слова. Под «графикой» Б. д. К. разумеет, очевидно, простое написание вне всяких правил. Предлагаемое мною будет всетаки нечто большее, но, во всяком случае, не стереотипная, ригидная орфография.

(152) По поводу факультативного принципа в орфографии, проф. И. А. Бодуэн де Куртене, настроенный, как известно, против Гротовского правописания и школьных грамматик, писал в своей книге «Об отношении русского письма к русскому языку» (издание журнала «Обновление школы», 1912, СПб.) следующее (§ 89): «В виду разнообразных орфографических споров и в виду стремления к целесообразным реформам и в этой области, я должен заявить, что стою за принцип свободы в правописании (подчеркнуто автором), т. е. за принцип свободного выбора, а не за «принцип» или хождение ощупью, наугад, или же произвола и самодурства... При свободном выборе одни могут руководствоваться более преданием или желанием сохранить связь с прошлым, другие желанием удовлетворить по преимуществу потребности настоящего времени, потребности современности; одни желанием по возможности сохранить в написании связь с чужими языками, из которых заимствованы известные слова, другие же и при написании таких слов — стремлением к полному усвоению и к окончательной ассимиляции (первые пишут аккуратно, профессор, вторые — акуратно, профессор)... Наконец, принимая тот или другой способ

писать, одни могут руководствоваться соображениями эгоизма, другие соображениями альтруизма, понимаемого, впрочем, весьма различно».

В применении к китайской латинизационной орфографии, последние строки, как бы различно их ни принимать, звучат с особою убедительностью, ибо, положив в основу альтруистические чувства читающего к пишущему и обратно, в строя на них именно принцип и правила наибольшей понятности, можно достичь желаемых успехов.

(153) У самого законодателя старой русской орфографии Я. К. Грота прецеденты даны далеко не всегда в категорической форме. Часто встречаем: «позволительно писать», «надо бы писать», «лучше писать» и т. д.

(154) В отношении к слову и пероглязу заключается существенное отличие латинизации от романизации (= романизованной транскрипции). Латинизация игнорирует пероглиф, романизация существует при пероглифе.

(155) В моей «Китайской фонетической хрестоматии» 1910 года (литографированной в изданиях б. Факультета Восточных языков СПб. Университета, но неполной, и в наводнении 1924 г. окончательно погибшей) помещен (стр. 19 и 20) разговорный парафраз новеллы Ляо Чжая — Ху Це 狐妾 (Хули пшайвай), в отрывке которого односложных слов 166, или 55%, двусложных 113, или 38%, трехсложных 16, или 5%, четырехсложных 6, или 2%. Рассматривая эти слова по их составу, определяем, что двусложных, полученных из односложных путем приставки флексий, и таким образом, несобственных двуслогов — 60, т. е. 38%; далее, что трехсложных с одною флексией — 8, или 50%, с двумя — 4, т. е. 25%; и, наконец, среди четырехсложных — одно с тремя флексиями, и 5 с двумя. Таким образом получается, что, если к односложным словам отнести все те, которые являются теми же однослогами, снабженными флексией, которая, как известно, скорее всего напоминает агглютинацию, и притом исключительно нестойкую и часто несущественную, имеем для китайской разговорной речи 78% односложных слов, и, таким образом, китайский разговорный язык должен быть признан односложным.

Но тем более это, конечно, придется утверждать о языке чисто литературном, иероглифическом, антипode разговорно-слухового языка. Так, например, в новелле Ляо Чжая Цзяо Нгэ, «переведенной» на байхуа, ближайший к разговорному, в одном из уже названных ранее изданий, первая же строка (после ряда собственных имен) дает 104 иероглифа «перевода» на 46 пероглифов основного литературного текста, причем даже 8 собственных имен последнего представлены четырнадцатью иероглифами в тексте байхуа. В тексте (юань вэнь), на 32 слово-слога приходится всего три обязательных бинома, т. е. 90% однослогов, против 75% их же в «переводе» байхуа (50% собственно однослогов + 25% ложных биномов, т. е. однослогов с агглютинацией). Мой перевод на русский язык («Ляо Чжай», «Странные Истории», стр. 107) дает на эти 46 пероглифов 63 русских значащих слова.

Впрочем, едва ли китайская звучащая речь более односложна, чем английская, в которой, например, у Джерома (по транскрипции в «Daniel Jones, Phonetic Transcription of English Prose», 1907, стр. 39) односложных слов надо считать 82%, особенно, если отнести к ним с китайской точки зрения, то есть, если считать, что ряд (22%) однослогов типа gave, had в китайском переводе, как флексивно измененные, дадут каждый не менее двух слогов, — и все это при ничтожном количестве трехслогов (и без четырехсложных слов), которые, к тому же, составляют юмористический элемент, тенденциозно латинизирующий нормальную разговорную речь.

Таким образом, аналитическая орфография односложной английской речи как бы приглашает нас к установлению того же принципа и для орфографии речи китайской.

Между прочим, по чрезвычайно тщательно собранным Е. Н. Драгуновой подсчетам, выходит, что в английском языке:

а) в беллетристике с бедным запасом слов: однослогов — 81,5%, двуслогов — 15,5%;

б) — с богатым запасом: однослогов 75%, двуслогов 19%;

в) в популярной статье: 70% и 20%;

д) в научных статьях: 62% и 20%.

У проф. Йесперсена (Language, Its Nature, Development and Origin, by Otto Jespersen, 1925 — reprinted) приводится другая ста-

стика, из которой видно, что один и тот же миссионерский текст (Евангелие Матфея) содержит в английской версии 29000 слогов, а в китайской — 17000 (к сожалению, не сказано в разговорной или литературной версии). В общем, можно утверждать, что моносиллабичность является общей тенденцией и китайского и английского языков.

(156) Нельзя также не учесть, при этом, твердо унаследованного от иероглифической орфографии общекитайского как массового, так и учебного представления об односложном характере китайского слова (цзы) как для письменного языка, так и для разговорного. В неаналитической орфографии придется, таким образом, бороться с самым ходовым обозначением «слова», заменяя его трудно пронакающими в язык искусственными сочетаниями.

Точно также романизация, то есть аналитическая латинизованная китайская орфография есть повседневный в Китае факт, хотя она и применяется чаще всего не в речи, а в номенклатуре и отрывочных обозначениях.

В Европе, как известно, давно уже утвердилась подумера китайских словосоединений при посредстве тире. Так, в «Опыте мандаринской грамматики» проф. П. П. Шмидта, хотя и не без исключений (Линьшисянь, Линьтунский говор, Сычуань и т. д.). Так и в «Грамматике современного китайского языка» профессоров Иванова и Поливанова, хотя точно также с большими непоследовательностями, видными, например, на стр. 115 и др. (яо-ши, жо-ши, но тут же жоши и шиши).

Вообще, в словосоединениях китайской речи часто берет сомнение, легче всего разрешаемое в аналитическом направлении. Так, даже, казалось бы, совершенно обязательное словосоединение типа саньгэ жэнь (три человека), при сопоставлении с сань шю ши 三首詩 (три стихотворения), или даже сань пи ма (три лошади) является подверженным сомнению, ибо слитное написание двух последних примеров дает оптическую дефигурацию, для читателя всегда болезненно неприятную. Точно также явные комплексы, подчасющиеся при выражении возможности и невозможности действия (шобушанлай, чабусяцой) создают длинноты, привыкать к которым будет при латинизации делом велегким. Здесь противоречия

11*

вообще могут быть не реже, чем, например, в русской орфографии (за границу и заграничный, в виду и ввиду, с плеча и сплеча), но, конечно, при установившейся привычке к длиннотам, анализировать составное китайское слово будет не труднее, чем русские: спологора, неподлюба, вполсыта, осточертьте и т. д.

У Грота в его «Русском Правописании» (изд. 1908 г., стр. 91, § 98) есть еще одно важное соображение, которое цитирую: «Вопрос: когда писать слитно два слова, которые вместе составляют одно понятие и могут быть рассматриваемы, как одна часть речи, очень важен по своему значению для лексикографии, так как речения, слитно пишущиеся, должны занимать в словаре особые места в алфавитном порядке». — Однако, можно к этому опасению отнестись, как к неусущественному, ибо, во первых, делимость китайских словосоединений значительно превышает делимость русских слов, а во вторых, и поэтому же, в латинизованном китайском словаре придется комплексы типа: шобушанлайды трактовать как в целом, так и по частям. И вообще, лексикографические соображения должны быть последними: словарь для орфографии, а не орфография для словаря.

(157) Синтетические словосоединения и их необходимость диктуются, прежде всего, идеей правописания, способствующего образованию и систематическому наблюдению и мыслению: shujiao, gungr, sifr (ziao, fr-fu не отделяемы), shobushanglajd (shang, laj, d — не слова, а ив-фиксы). Таким образом орфография становится осмысляющим, а не механически регистрационным процессом, — как и все другие орфографии мира, которые всюду отражают речевую ткань, тяготеющую к согласованию, а не к разбивке слов.

Кроме того, синтетическая орфография, как более активная, нежели аналитическая, вызовет к жизни прогресс письма, — а вместе с ним (как было высказано ранее) и языка, — быстрее и решительнее.

Во всяком случае, понятность китайского латинизованного шрифта (основной принцип КЛО), несомненно, увеличивается именно при синтетической КЛО. Особенно это заметно в искусственной латинизации наиболее удаленных от нормально звучащей речи ее типов. Так, например, на стр. 286—287 «Грамматики современного китайского языка» проф. Иванова и Поливанова даже элементар-

ные слоги-соединения, без пунктуации (в русской транскрипции), больших букв и т. д., все таки создают понятность, совершенно несоизмеримую с аналитической романизацией. Если же вместо «И се-дин мань-ци пзи ши сяо-ли гу цзю-чжи шан-хай тэбе-шюй фа-юань» писать так: «И. Седин мань ци, пзи ши сяоли. Гу цзючжи Шанхай Тэбешюй Фаюань», то понятность станет еще больше.

У проф. Карлгрена в его «A Mandarin Phonetic Reader in the Pekinese Dialect» (1917) часто замечаем едва ли не утрированное слогосоединение (например, на стр. 105: deliaobing, siaokuiun, igemunkou), но в общем латинизационный процесс, — к сожалению, лишь в строго транскрипционном, недоступном массовому китайцу виде, — у этого ученого проявлен образцово.

(158) Конечно, при этой факультативности, не избежать некоторой анархии, которая, казалось бы, несовместима с самой идеей орфографии, как принудительного для всех порядка, но я сильно сомневаюсь, чтобы этой анархии можно было избежать, при каких угодно строгих правилах орфографии. Если даже научно просвещенные китайцы-фольклористы и языковеды из «Гэю» (журнала, пятированного ранее) противостоят себе на каждом шагу (например, в № 55 они пишут, с одной стороны, правильно неделимое mirtngtshy 名字, с другой — неправильно так же неделимые: woo tih 我的, liang la 亮了), то чего же ожидать от людей, выходящих из ликбеза? Важно пока установить, что эта кажущаяся анархия не будет роковой для основной понятности — во всяком случае, менее опасною, чем в других орфографиях, если только их условности вообще можно сравнивать с фонетичностью принципов китайской латинизации.

(159) Действительно, было бы крайним увлечением соединять китайские слова в слишком длинные сочетания, типа: shujbuzh aziaodnegerhen, но, конечно, и аналитическая, слоговая, отражающая иероглифическую орфография несправедлива, ибо иероглиф, особенно в байхуа, далеко не всегда совпадает со словом, и поэтому, не стоит писать, придерживаясь транскрипции: «shuj bu zhao ziao d na ge ghen».

(160) Биноминальная система китайской речи, как известно, засвидетельствована как китайскими полными словарями (Пэйвэнь

юньфу) и ученическими (Цы Юань), так и европейскими (Палладий — McGillivray). Недавняя дискуссия по этому поводу на страницах Young Pao (Homer H. Dubs, The failure of the Chinese to produce philosophical systems; Young Pao, XXVI, 2/3; 1928) в этом отношении особенно характерна, ибо стремится отстоять точность китайского слова, именно исходя из всеопределяющего бинома.

(161) Уже указывалось, что не только в орфографиях, но и в орфоэпиях (фонетических транскрипциях) европейских языков (и даже у китайцев) господствует компромисс между двумя системами, чего не избежать и в китайской.

Предпочитая в общем синтетическую орфографию, я не хотел бы дисквалифицировать аналитическую, — в согласии со сказанным выше, — тем более, что односложность языка будет всегда давать повод к аналитической транскрипции предпочтительно перед синтетической, как например, во фразе: Ke gou ni hao zi tian fan shi, где даже возможные соединения (haozi, fanch) только искусственны. Конечно, может быть и наоборот, то есть, что фраза не делится с удобством и резонансом на однослоги, как например: Liuziad furhen dafag jatou. Но чаще всего фраза имеет смешанный вид: Ng furhen zaj jamm litou izing zhdao ta shod zhe xwal.

Этот смешанный вид не должен смущать, — как нормальный для всех орфографий. Кроме того, если русскому читателю одинаково удобны разнородные принципы его орфографии в таких, например, параллельных явлениях, как: влез — в лес, нехорошо — не хорошо, без почвы — беспочвенный и т. д., а английскому — warlike и war debts, sky blue и skyscraper, — то и китайцу, вероятно, от этого страдать не придется.

Во всяком случае, очень трудно допустить для Китая нормальную возможность знаменитых английских книг, тенденциозно написанных исключительно однослогами, ибо, как я уже указывал, многие английские однослоги (drew, thought, went), с точки зрения китайской, по крайней мере двуслоги.

(162) Конечно, ясно, что все иероглифические запутанные, а также специально обследуемые цитаты не подлежат латинизации, но трактуются наравне со вставляемыми в текст иностранными цитатами, например: Siansheng zhu shu zhwan jung 老氣橫秋

(lao ci xeng ciu) zh wenjan. Здесь одна латинизация была бы неуместной, ибо даже в иероглифическом оригинале эта цитата стоит особняком.

(163) Европейские орфографии вообще при пользовании тире проявляют растерянность. Так, в «Правописании» Грота (§ 98,7) употребляется тире явно искусственно. Точно также и в английской орфографии тире более догматично, чем необходимо. Бывают и противоречия (sun-shade, noon-tide, no teaspoon, inkstand). В китайской же латинизации тире призвано быть тонким приемом сообщения тексту не только общей понятности, но и многих оттенков.

(164) Чтобы не ставить кавычек при слове: тоны и избежать могущих возникнуть у недостаточно предупрежденного читателя недоумений, спешу оговориться, что этим обиходным в синологии, хотя научно мало приемлемым термином обозначается музыкальная модуляция голоса, напоминая русское да: I. Да¹ (Да-да-да-да-да!); II. Да² (Да? — Да что Вы?!); III. Да³ (Да-а! — А Вы как думали?); IV. Да⁴ (Да! Именно!). Однако, эта модуляция сложнее русской (и вообще европейской) интонации, ибо тесно сливается в единый звуковой эффект с артикуляционной манерой, создающей тембр. Европейская цифра сообщает общее (грубо суммарное) представление о тоне, но не о тембре, который цифрой подсказывается лишь владеющему китайской речью соответствующего диалекта.

(165) Практика сплошных буквенных обозначений тонов во всех словах приводит к весьма причудливым нагромождениям (в роде: Woo shyh koh talh lüshingchia; woo maan tienshang tu tsooi-kioh, — где тонально-буквенные обозначения подчеркнуты). Поэтому, Комиссией было принято пометать тоны только в случаях необходимости, как например, при возможности двусмысленности, в документе и т. д. В самом же обозначении Комиссия остановилась на полумере: 1 и 2 тоны обозначать апострофами (до и после гласной), а 3 и 4 — буквоповторениями.

(166) За исключением, может быть, двусложных фамилий: Sma, Zhuge, Oujang и др.

(167) Особенно трудно преподавать какие либо в этой области правила, когда пишущий, избегая специфических особенностей данного диалекта, старается примениться к сборному и бессистемному,

но в будущем, несомненно, реальному койнэ-путунхуа. Никто пока не может предвидеть всех возможных междудialectных комбинаций и определить заранее понятность и допустимость их. Поэтому, для путунхуа стереотипно-ригидная орфография затронула бы столько самых непредвиденных областей, что ее учебник подлежал бы одолению в течение весьма многих лет.

Что касается до личного вкуса пишущего, то он может проявиться, например, в разговорной идиоматической передаче: ni zhg rhenna — hao xheng!

Ради орфографической последовательности следует бороться с анархическими транскрипциями, например, русской, пишущей мын, фын, пын, но цзан, лэн, хэн для одного и того же звука, а также и с международною разногласием (tien, tiän и тянь, tien, diän и дянь и т. д.). Однако, за неизменением нотационных средств, выход из борьбы будет также только условный. Мы предлагаем meng, feng, zeng, leng, xeng... tian, dian, но без права на отставание против mng, fng... tien, dien...

(168) Впрочем, как было указано уже раньше, не следует злоупотреблять ростом слов шраво, и, по возможности, сокращать длины, получаемые от неумеренного наращения агглютинаций. Одним из таких возможных приемов является обособление после-слов, имеющих самостоятельное значение: shulinz lit (ou), Shuzing shant (ou).

(169) Таким образом фиксируется уже отстоявшаяся, как и в русском языке, практика: с одной стороны — Париж, Ницца, Гуаль, с другой — Баден, Спа, и, наконец, — Соединенные Штаты. С этой практикой не считаться никак нельзя. Однако, деформации китайские зашли гораздо дальше русских. Чтобы убедиться в этом, а также и в сложности этого вопроса для китайцев, достаточно, я думаю, взглянуть в специальные справочники, например, 漢譯標準外國人名地名表 Ханьй, бяочжун, Вайго жэньмин димин бяо «Proper Names with Standard Chinese Equivalents» (The Commercial Press, Shanghai, 1-ое изд. 1924, 4-ое изд. 1925), где, например, 里 ли, транскрибирует одновременно: Rea в Reading, Ri в Richmond, Rhe в Rhea, Re в Reoux, Leo в Leobschütz, Li в Liberia, Ly в Lyons и т. д. Весьма значительная часть популярного,

ученического словаря китайского языка Цы Юаня усердно сражается с этими трудностями. Так, например, под этим самым иероглифом 里 в отделе Ю, 272 добрая треть статей посвящена объяснениям названий Richmond, Liberia, Rio Grande, Rio de Janeiro. С другой стороны, тут же видим, что Re, Ri, Le, Li и т. д., кроме иероглифа 里 транскрибируются и другими, как например, 利 (Liad), 黎 (Ribera), 李 (Ribot), 理 (Richard), 立 (Richfield Springs), и др., так что иероглифика дает в этой области нигде не виданную разногласию. Латинизация в этом отношении является объединяющим началом, недоступным иероглифике, и вся эта разногласия и разношерстная практика, послушно зафиксированная иероглифическими словарями и указателями, с латинизацией приходит к концу, особенно если общевропейский обычай сохранять латинизованные орфографии без вмешательства своих фонетических норм (как это делают русские) воспитает китайцев-латинизаторов... вплоть до нового калеченья ими европейских собственных имен, и затем нового покорного шествия вслед за душно устанавливаемой ими же практикою, то есть, до «орфографий»: Lizia-Riga, Liziatu-Ricardo, Lisailiu-Richelieu, и монстров, в роде Да Саньядгэ хэ, для Rio Grande de Santiago (подчеркнутое переведено через Да и Хэ).

Будем также надеяться, что русская анархическая привычка латинизовать свои имена то по фонетическим, то по транслитерационным нормам (Tschernoff, Chernov, — Alieksieieff, Alexeiev, Alexeev) давно уже утвердившаяся в Китае, и в гораздо большей степени, чем у нас (у нас, например, никто не вздумает латинизовать свою фамилию, в виде Alikseif, Ivanov, Sakalof, в то время, как в Китае одну и ту же фамилию, например, Чжан 張, составитель словаря Чжан Пынь'юнь пишет на заглавном листе «O. Z. Tsang», а на страницах словаря и в указателе — Chang; фамилию Чжоу 周 пекинцев пишет Chou (Chow), шаньдунцев — Tsou, а южанин — директор Бэйпинской Библиотеки — Tsur!), — наконец, с латинизационною практикой примет какие то нормы, доселе державшиеся исключительно на иероглифике. Однако, мне могут возразить, что, с исчезновением иероглифики, все эти Tsang'i, Tchang'i, Chang'i, Tsong'i; и Chou, Chow, Chau, Tsou, Jowe, Tsur перестанут ощущаться, как общие фамилии, и,

таким образом, латинизация повлияет на создание нового быта, в смысле нечувствительности к общим фамилиям, или, во всяком случае, к их вариантам (как у нас: Коломийцов, Каломейцев; Браудо, Брауде, Бройдо; Козмин, Кузьмин, Казмин, Космин, Козьмин; и т. д.). Возможно, что это так и будет, но еще вероятнее, что новый быт найдет себе и другие пути, в том числе объединение фамилий, в замен иероглифики, одною ригидною стереотипною транскрипцией.

(170) Как известно, в этой области среди латинизаторов и транскрипторов господствует анархия. Так, европейцы пишут: Liang Chichao, Liang Chichao, Liang Chi Chao (Лян Ци-чао, Лян-ци-чао, Лян Ци Чао), а китайцы, придерживающиеся европеизации, — С. С. Liang = J. K. Liang = Лян Ци-чао, то есть пишут фамилию последнее, а инициалами берут то первое имя, то второе (цы), так что по визитной карточке трудно отождествить китайца, известного в иероглифике, с латинизованным. Во всяком случае, здесь никакая рационализация не поможет против моды, тяготеющей к европеизации.

— Имена монахов, представляющие две, по общему типу, неясные идеи, иероглифически схематизированные, пишутся с одинаково прописных букв и при помощи тире, напр., Tai-Sy Dash (Dash — титул) 太虛大師.

Во всяком случае, следует требовать, чтобы собственные имена в КЛО трактовались более распространительно, чем в русской и приближались бы к английской, которая, как известно, требует написания с большой буквы как названий народов, так и образованных от них и их стран прилагательных (Chinese, European, Turkish). Поэтому, следовало бы писать: Sh Ngegod, Ouzhoud fengsu, ladinghua у Han z, Fa Go у Su Lian, и т. д. (это — русское; европейские обычаи; латинизация и китайские иероглифы; Франция и Советский Союз).

(171) Входящие в обычаи (хотя далеко не везде) «новые» (т. е. европеизованные) знаки препинания (標點符號) состоят, прежде всего, из строгого универсального кружка (дьянь), отмечающего попрежнему преимущественно ритмические единицы (句); затем, из европейской пунктуации, несколько особо приспособленной к иероглифическому тексту (вместо кавычек — угловатые полу-

скобки); и, наконец, всяческое подчеркивание сбоку (или подчеркивание снизу) собственных имен людей, мест и названий книг (все разными способами). Эти последние, со введением латинизации и при рекомендованном мною обилии в ней прописных букв, конечно, отпадут.

По опыту преподавания латинизационных текстов я знаю, что механическое отражение в них китайской «точки» (кружка) приводит к самым неприятным последствиям: указывает, что учащийся латинизатор текста не понимает, и затем создает слишком трудные условия понятности текста другим читающим.

(171а). После блестящей лекции-статьи проф. Карлгрена вряд ли стоит упоминать более позднюю, некоего Mr. Herbert Chatley D. Sc. «Can Chinese Writing be simplified?» (Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society, vol. LXI, 1930, p. 76), которая ломится в открытые двери, предлагая систематическое введение многослогов для уточнения речи и латинизацию (без оговорок и инструкций). Автор явно незнаком с вопросом и, конечно, с работами предшественников.

(172) Цюй Цюбо 瞿秋白 (первый знак Цюй — фамилия — имеет значение: глядеть испуганно). В китайских статьях он известен и под китайской и под русской фамилией (Сыгулахэфу).

(173) Выше уже были упомянуты китайские рецензии на эту книжку: Пин Цюй Цюбо тунчжи бянъчжуды Чжун-Го ладинхуады пзыму и шу. Далее: 革命的爭鬪與反動的象徵論廢除漢字與統一語言 Гэмиды чжэндюй юй «фаньдуды сячжэнь», Лунь фэйчу Хань цзы юй тун'и юйянь: Чжун Го ладинхуацзыды таолунь; и другие, например, 改造中國文字的提義 — Гайцао Чжун Го вэньцзыды тии. Эти рецензии помещены в газете «Рабочий Путь» (Гунжэньчжи лу), органе Далькрайкома ВКП (б) и Далькрайсовпроза, №№ 490 (152) от 8 июня 1930, № 491 (153) — от 14 июня 1930, № 492 (154) от 16 июня и 493 (155) от 18 июня. Рецензии эти очень интересны, их перевод поручен двум членам Комиссии по латинизации и войдет в труды Комиссии. В виду этого я пока воздержусь от непосредственного их использования.

(173а) Произведенный А. А. Драгуновым анализ примеров транскрипций и определенных т. Страхова точно также убеждают его в том, что он имел в виду голюй, искусственный язык, имеющий в теории объединить Китай, но и то только через фильтр школы.

(174) Основы транскрипции изложены были мною в статье: «Фонетические наблюдения над пекинским диалектом», Известия АН, 1910. Далее, должна была следовать хрестоматия «Фонетических текстов», о судьбе которой я уже говорил. В транскрипции мною отмечались, частью наслух, частью же (и наиболее значительной) на основании экспериментального исследования (к сожалению, во время не напечатанного и лежащего у меня с 1906 года в виде материалов) все моменты речи: тембр и тон гласных, артикуляционная взаимозависимость согласных, ударение, конфигурация слова, литатуры и проч.

(175) На этих текстах проходила вся грамматика разговорного языка. Всегда предполагалось, но не всегда осуществлялось, что перография будет проходиться особо, и когда это удавалось, то я, по изучении фонетических текстов, делал переход к перографической орфографии разговорного языка, и далее — к условным параллелям строго книжного языка. Теперь, конечно, я бы сначала сделал переход к простым латинизационным формам, и затем уже к перографии.

(176) Само собой разумеется, что влияние фонетической студии, при переходе на среднюю латинизацию, будет еще долго давать себя чувствовать, ибо нелегко отвыкнуть от точности и перейти на большую или меньшую условность: так например, трудновато будет начать писать sie, sia, ziang в 3 и 5 букв, вместо 2 и 3, полагающихся для точной нотации, но этот переход будет более легким, чем дальнейшая условность романизации или русской транскрипции, а главное, нужным и очередным. С другой стороны, оказывает влияние, и не малое, романизация (shi вм. sh, pei пу вм. bei бу, pengkou вм. pengkou, shipa вм. shba, ei для er) и даже русская транскрипция (syji вм. sy). Пока латинизацией не вытеснена романизация, путаница будет всегда происходить, что для китаиста, имеющего пока два фронта: к китайцам и к китаистам, — увы, горькая норма.

(177) Впрочем, даже с орфографическим обязательным присоединением агглютинаций: d, l, m, n, g и т. д. всегда возможна расте-

равность перед конструкцией и долгий поиск подлежащего, как например, во фразе: inc shafei kusun, zhushu с shu (因此殺費苦心. 著述此書: «Поэтому, с огромным трудом надал эту книгу», где подлежащее Я не высказано, как это часто бывает в китайских предисловиях (а это как раз текст предисловия, написанный для опытных людей). Здесь опять трудность временная, ибо, повторяю, надо надеяться на сильное изменение языка под влиянием реформированного письма, и в частности на уничтожение перографических привычек к схематичности.

(178) Так, в первом же тексте-плакате учащиеся весны 1931 года затруднились, не находя в этом словаре выражения Bozhan-boshengd, стоящего в ясном контексте (... gungnung Xung Ziun Wansuil), но у Mc Gillivray поставленного ошибочно (ибо это не разговорный язык) под Bai (pai): 白戰白勝 (invariably victorious). Точно также в нем нет ходких цитат, в роде уже приведенной ранее: 老氣橫秋, хотя бы и в частичном виде.

Ясно, что, при столь недостаточном учебном оборудовании, от учащегося требуется, особенно в начале, не мало инициативы, догадки и труда по одолеванию прогрессивно поступающих сведений. Во всяком случае, для учащихся, приспособляющихся к латинизационному порядку, отходя от перографии, весьма часто один и тот же текст, не вызывающий затруднений в перографии, становится недоступным в латинизованной форме, что ясно указывает на трудность новой ориентации и необходимость указанной мною пропедевтики.

Характерно также, что даже такой большой комплект разговорных выражений, как словарь Мак Гилливрея, не спасал не владеющих разговорной китайской речью от постоянных недоразумений. Так, фраза: Siansheng zhushu, wang-wang sholi taj shen (先生著書. 往往說理太深) осталась непонятой, особенно из за слова sholi (являющегося, между прочим, важнейшим для всего следующего содержания статьи), не помещенного в словаре. Кроме того, под tai shen у М. стоит 太甚 «excessive», что данному тексту сообщает (хотя и случайно) неверный оттенок.

Особенным врагом латинизованного текста оказалось, как и следовало ожидать, нетвердое знание чтения перографов и их одно-

стороннее (оптическое) запоминание. При латинизации учебного текста учащимся получались, благодаря неверной транскрипции (эффект нетвердой памяти, соединенной с некоторою самоуверенностью и с нежеланием рыться в словаре), тексты, недоступные в преподавателю, теряющему нить и даже конъектуру, как например, во фразе: Nung min shougung jezhe (вместо jezhe) pei chang (вм. po chan) fuje (вм. shje) ixou (農民手工業者破產失業以後), где ряд неверных чтений совершенно выбивал из смысловой колеи.

Поверхностное исканье в словаре точно также производит разрушение смысла. Так, в ясной по контексту фразе: Chusyezh rhen bu deng ming ci zhen ji (初學之人不能明其眞意) для chusyе было взято первое попавшееся ch'u hsiao 出學 со значением «to leave school, to become M. A.», что дало явную бессмыслицу («окончившие» вместо «начинающие»).

(179) Против введения в программы латинизованного вэньли можно возражать, но, с точки зрения педагогической, некоторые число этих текстов привлечь надо, ибо их слышимость зачастую лучше текстов байхуа, а воспитательность организованной догадки не подлежит сомнению. Надо сказать, что в нормальном тексте такого порядка всегда есть возможность догадаться, о каком перографическом (ибо тексты эти, повторяю, лишь контрольные и временные), и, если встречаются недоразумения типа wensyehzhungzh (文學中之), wanglo u i (網羅無遺); затем — типа литературных сочетаний, давно проникших и постоянно проникающих в слышимость далее (gujly 規律, fanglye 方略, zhuanbian 轉變), то это только результат неопытности и не может служить принципиальным отводом против самих текстов. Однако, есть и более существенные затруднения (хотя, опять таки, только для неопытного), как например стереотипный параллелизм, типа: siushen zhshzh da dao (修身治世之大道), где точно звучащее siushen предопределяет человеку с литературным опытом звучание партнера: zhsh. Еще большие трудности представляют тексты, даже взятые из популярной исторической статьи популярного журнала Дунфан цзячи (XXIII, 5, стр. 47), где встречаются редкие сочетания,

в роде *cingmian* 鯨面 (можно догадаться по слову *mian*), *fuzi* 附祭 (можно с трудом догадаться по контексту *shanchuan* 山川): *Zhaoming Guawa shanchuan fuzi yu Guangdong shanchuanzh ci* (詔命瓜哇山川附祭與廣東山川之次), а главное, собственные исторические и географические имена, требующие специальных знаний. Но это касается и всех других языков. Кроме того, нельзя ставить вопрос о латинизации в слишком чистом виде, и придется допустить разбитый текст современного китайского (например, научного) типа, лишь в обратной пропорции: основной текст в латинице, но с пероглифическими вставками. Думаю, что эти вставки латинизовать в общем будет труднее, нежели пероглифировать неологизмы и иностранные заимствования. Еще труднее будет латинизовать, или писать латиницей без предварительной пероглифики тексты о Китае, переводные с европейских языков и специального содержания, которые должны заключать три элемента: основной латинизованный, цитаты пероглифики и пятаты европейские, которые латинизации, конечно, вовсе не подлежат, как например, китайский перевод одной из лингвистических статей проф. Karlgren'a о древней китайской фонетике (помещенной в том же журнале *Дунфан цзячжи*), где фонетическая транскрипция переплетается с пероглификой и отрывочные цитаты трудно разгадать. Однако, и этот фокус латинизации, при должном внимании латинизатора, дельной пунктуации, абзацах и прочих надлежащих приемах всетаки может приобрести в латинизации понятный вид, хотя, конечно, основным приемом должно считать стремление к упрощению, дезарханизации и коллоквиализации языка. — Впрочем, повторяю, возражать против практичности этих текстов можно, и с этой точки зрения их можно не отстаивать, тем более, что предел латинизации, как было неоднократно указано, существует (хотя и не вполне ясный).

ными, ибо, при удвоениях согласного для 4-го тона, графема будет напоминать скорее словоповторение, чем тональную модуляцию (*zz, ss, sch, zzh*). Затем, некоторые окончания с неясными гласными (*zh, d, s* и др.) будут смешиваться со словами на (*ы*), другие же (*g, l, n, m*) будут выглядеть, как причудливые исключения. Наконец, для театральных либретто, где (*ы*) поется в голосовых модуляциях, это необозначение окончательно неприемлемо. Не ходя далеко, даже в этой своей книге я не мог обойтись без обозначения (*ы*), хотя бы в речи об этом звуке, и даже в других местах (см. примеч. 107).

К (147). Мне, конечно, хотелось бы в этой книге остановиться на этом «дзавите» (вернее полусиллабарии) более подробно, указав хотя бы его исключительную роль по усвоению современными китайцами пероглифики. Ведь в прежние времена чтение пероглифа было делом только памяти, и если, скажем, мальчуган его забывал, то восстановить его сам по себе, или с помощью пособия, он никак не мог, и должен был ждать прихода учителя или вмешательства грамотных родителей или родственников. Теперь же маленький ученик одолевает азбуку без особого труда и имеет ключ к чтению любого пероглифа по своему карманному словарчику.

Однако, на этом предмете, как бы он ни был важен в цепи моих уждений и положений о латинизации, я, кажется, распространяться здесь не могу.

К (150). Ведь русская орфография «влез в лес» явно искусственна, особенно, если ее сравнить с другими, например, с английской (*crept in*) или КЛО аналитического типа, дающей для «влез» *razinsu*, да и вообще в слове «влез» предлог-приставка (*в*) играет роль не менее важную, нежели в графеме «в лес», подающей его отдельно. Мне думается, что, если бы Киррил и Мефодий знали о китайской пероглифической аналитической орфографии, они над этим явлением задумались бы, прежде чем вводить в славянскую орфографию слепо-греческие принципы.

К (151). Само собою разумеется, что в китайской пероглифической орфографии работа пишущего лишь технически отличается от работы читающего, а смысловые группировки для того и другого, повидимому, одинаковы.

ДОБАВЛЕНИЯ К ПРИМЕЧАНИЯМ

К (70). См. В. Г. Чешихин «Грамматическая идеография и неосинография. Способ толково писать со словарем на любом иностранном языке без знания его грамматики; приспособление китайской грамоты в роли всемирного письменного языка». Рига, 1913, В. Г. Чешихин «О приспособлении китайской грамоты к роли всемирного письменного языка» («Вестник Азии» № 40, Харбин), и Е. М. Чепурковский «Новые работы по созданию международного языка при помощи китайских пероглифов и по языку го-юй» (Библиогр. Бюллетени Центр. Библиотеки КВЖД, №№ 1—6, 1927).

К (92а). Надо бы также в учебной книге отвести больше места пероглифическим явлениям, особенно поразжающим начинающего китаиста, каковы, например, случаи употребления одного пероглифа вместо двух (жи вместо жижжи, ши вместо шшиши и т. д.), а также инкорпорирующие иероглифы, типа: ань (по моему выходит, что... надо заметить, что...) юй (с + ним) и т. п., которые, хотя и предвидены в словарях (как и вообще все факты китайской грамматики), но, при некоторой самонадеянности учащихся, принимающих заученные пероглифы за твердые позиции переводчика, грамматика должна их об этом предупредить.

К (113 а). Вслед за японцами, создающими новые иероглифы, к этому стремятся подчас и китайцы. Так, за последнее время в китайской библиотечковедной литературе дебатировался вопрос о создании и введении в библиографический обиход особого нового знака (чтение его мне неизвестно), представляющего собою лигатуру из знаков т у (картина) и ш у (книга), с очевидным подразумеванием гуань — для повятия «библиотека» (тушугуань). Как бы ни было искусственно это иероглифическое творчество, оно может открывать пероглифике весьма значительные возможности.

К (145). Я против необозначения (*ы*) по многим соображениям. Начать с того, что тональные обозначения становятся невозмож-

К (152). Само собою, при этом, разумеется, что правописание взрослых при ликвидации безграмотности будет покоиться именно на сознательно альтруистических началах, на желании быть ясно понятным, и при том без затруднений, в то время как школьное орфографическое принуждение вряд ли когда-нибудь из этих начал исходит и может исходить.

К (159). Мне иногда думается, что, как ни привычна глазу китаец и китаиста аналитическая орфография китайской латинизованной письменности, т. е. попросту транскрипция, но если в нее вдуматься со стороны, то вряд ли она рациональнее, например, русской слоговой латинизованной транскрипции, и фраза: *suap du zi de bu cing chu* вряд ли удобнее русского перевода: *fsio e to pom niu nie ot chiot li vo*, который требует от русского читателя точно такого же процесса словособирания, как и фраза китаец.

Во всяком случае, с длиннотами китайского латинизованного написания можно еще бороться внешними способами, указанными на стр. 81—82, чаще пользоваться йотом (*j*), чем *i*, тире и т. д.